

БЕРНАРД
КОРНУЭЛЛ

ЭКСКАЛИБУР

Сага о короле Артуре

Бернард Корнуэлл

Экскалибур

«Азбука-Аттикус»

1997

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Корнуэлл Б.

Экскалибур / Б. Корнуэлл — «Азбука-Аттикус», 1997 — (Сага о короле Артуре)

ISBN 978-5-389-14329-6

Темные века в Британии. Хаос вот-вот охватит территории, подвластные Артуру. Его власть ослаблена мятежом Ланселота и предательством Гвиневеры. Но Артур все еще владеет Экскалибуром, одним из тридцати Сокровищ Британии — мечом, дающим власть. И поэтому Артур, презрев превратности судьбы, бросает вызов своим врагам. «Экскалибур» — жесткое реалистическое повествование о раннем Средневековье, написанное одним из лучших авторов современного исторического романа Бернардом Корнуэллом. Заключительная книга из трилогии о легендарном короле-полководце Артуре, проникнутая духом подлинной Истории.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-14329-6

© Корнуэлл Б., 1997
© Азбука-Аттикус, 1997

Содержание

Часть первая	9
Глава 1	9
Глава 2	24
Глава 3	44
Глава 4	61
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Бернард Корнуэлл Эккалибур

Джону и Шарон Мартин посвящается

Bernard Cornwell
EXCALIBUR

Copyright © 1997 by Bernard Cornwell
All rights reserved

Перевод с английского Светланы Лихачевой
Оформление обложки и иллюстрация на обложке Сергея Шикина
Карты выполнены Юлией Каташинской

© С. Лихачева, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017 Издательство АЗБУКА®

Действующие лица

Агрикола – гwentский полководец

Амхар – незаконный сын Артура, близнец Лохольта

Арганте – принцесса Деметии, дочь Энгуса Макайрема
Артур – незаконный сын Утера, думнонский полководец, опекун Мордред
Артур-бах – внук Артура, сын Гвидра и Морвенны
Балиг – кормщик, шурин Дерфеля
Бализ – бывший друид Думнонии
Балин – один из воинов Артура
Биртиг – король Гвинедда
Борс – двоюродный брат Ланселота, его первый воин
Брохваэль – король Повиса в послеартуровское время
Будик – король Броселианда, женат на Анне, сестре Артура
Гавейн – принц Броселианда, сын короля Будика
Галахад – единокровный брат Ланселота, один из воинов Артура
Гвидр – сын Артура и Гвиневеры
Гвиневера – жена Артура
Дафидд – писец, переводит повесть Дерфеля
Дерфель – рассказчик, один из воинов Артура, впоследствии монах
Диурнах – король Ллейна
Игрейна – королева Повиса после смерти Артура, супруга Брохваэля
Исса – заместитель Дерфеля
Каддог – лодочник, некогда слуга Мерлина
Кайнвин – сестра Кунегласа, возлюбленная Дерфеля
Кердик – король саксов
Килдидд – магистрат Аква-Сулис
Киууилог – некогда любовница Мордред, служанка Мерлина
Кулух – двоюродный брат Артура, один из его воинов
Кунеглас – король Повиса
Ланваль – один из воинов Артура
Ланселот – изгнанный король Беноика, ныне союзник Кердика
Лиова – первый из воинов Кердика
Лладарн – епископ Гвентский
Лохольт – незаконный сын Артура, близнец Амхара
Мардок – сын Мордред и Киууилог
Мерлин – друид Думнонии
Морвенна – дочь Дерфеля и Кайнвин, замужем за Гвидром
Моргана – сестра Артура, замужем за Сэнсамом
Мордред – король Думнонии
Морфанс – один из воинов Артура, прозванный Уродливым
Мэуриг – король Гвента, сын Тевдрика
Ниалл – предводитель отряда черных щитов при Арганте
Нимуэ – жрица Мерлина
Олвен Серебряная – помощница Мерлина и Нимуэ
Передур – сын Ланселота
Пирддил – сын Кунегласа, впоследствии король Повиса
Пирлиг – бард Дерфеля
Саграмор – предводитель одного из военных отрядов Артура
Серена (1) – дочь Дерфеля и Кайнвин
Серена (2) – дочь Гвидра и Морвенны, внучка Артура
Скарах – жена Иссы
Сэнсам – епископ в Дурноварии, впоследствии настоятель монастыря в Динневраке

Талиесин – Сияющее Чело, знаменитый бард
Тевдрик – некогда король Гвента, теперь – христианин и отшельник
Тудвал – монах-послушник в Динневраке
Утер – некогда король Думнонии, дед Мордреды, отец Артура
Фергал – друид Арганте
Хигвидд – слуга Артура
Хлодвиг – король франков
Захери – один из копейщиков Дерфеля
Эйнион – сын Кулуха
Элла – король саксов
Эмрис – епископ Дурноварии, впоследствии епископ Иски Силурийской
Энгус Макайрем – король Деметии, предводитель черных щитов
Эрке – саксонка, мать Дерфеля

Место действия¹

*Аква-Сулис** – Бат, Эйвон
*Беадеван** – Баддоу, Эссекс
*Бурриум** – Уск, Гвент
*Вента** – Винчестер, Гемпшир
*Викфорд** – Уикфорд, Эссекс
*Глевум** – Глостер
*Гобанниум** – Абергавенни, Монмутшир
Дун-Карик – Касл-Кэри, Сомерсет
*Дунум** – Ход-хилл, Дорсет
*Дурновария** – Дорчестер, Дорсет
*Инис-Веир** – остров Ланди в Бристольском заливе
*Инис-Видрин** – Гластонбери, Сомерсет
*Иска Думнонийская** – Эксетер, Девон
*Иска Силурийская** – Карлеон, Гвент
*Камланн** – местонахождение с точностью не установлено; в качестве гипотезы предлагается Долиш-Уоррен, Девон
Кар-Амбра – Эмсбери, Уилтшир
Кар-Кадарн – Саут-Кэдбери, Сомерсет
*Келмересфорт** – Челмсфорд, Эссекс
*Кориниум** – Сайренсчестер, Глостершир
*Лактодурум** – Тоустер, Нортгемптоншир
*Леодасхам** – Лиден-Родинг, Эссекс
*Линдинис** – Илчестер, Сомерсет
*Личворд** – Летчуорт, Хартфордшир
*Май-Дан** – Девичий замок, Дорсет
*Минидд-Баддон** – местонахождение с точностью не установлено; в качестве гипотезы предлагается Малый холм Солсбери, близ Бата
*Моридунум** – Кармартен
*Сорвиодунум** – Олд-Сарум, Уилтшир
*Стеортфорд** – Бишопс-Стортфорд, Хартфордшир
*Тунресли** – Тандерсли, Эссекс

¹ Названия мест, отмеченных звездочкой, упоминаются в исторических хрониках.

*Цикуциум** – римская крепость близ Сеннибриджа в Повисе

Часть первая Костры Май-Дана

Глава 1

Женщины вторгаются в мою повесть, словно так и надо.

Когда я только начал составлять жизнеописание Артура, я думал, что получится повесть о мужах – хроника мечей и копий, выигранных битв и пересмотренных границ, нарушенных договоров и поверженных владык, ибо не так ли сказывается сама история? Когда мы перечисляем предков наших королей, мы же не называем их матерей и бабушек, но говорим: Мордред ап Мордред ап Утер ап Кустеннин ап Кюннар и так далее, вплоть до великого Бели Маура, а он – отец нам всем. История – это повесть, рассказанная мужами, и творят ее мужи, однако в моей повести об Артуре женщины сияют ярким светом – вот так лосось проблескивает в торфяно-черной воде.

Да, историю творят мужи, и не буду отрицать, что именно мужи Британию погубили. Нас были сотни, все облачены в железо и в кожу, вооружены щитами, мечами и копьями, и думали мы, что Британия в наших руках, ибо мы – воины. Но чтобы погубить Британию, понадобились как мужчина, так и женщина, а из них двоих женщина причинила наибольший вред. Она сотворила проклятие – и уничтожила целое воинство. Так что ныне сказывается ее повесть, ибо она была врагом Артура.

– Кто она? – спросит Игрейна, дочитав до этого места.

Игрейна – моя королева. Она наконец-то беременна, что для нас для всех – великая радость. Ее супруг – король Брехваэль Повисский, а я живу под его покровительством в небольшом монастыре Динневрак и пишу повесть об Артуре. Пишу по повелению королевы Игрейны – сама она слишком юна, чтобы помнить императора. Так мы называем Артура – император, «амхераудр» по-бриттски, хотя сам Артур этим титулом пользовался редко. Пишу на языке саксов, потому что я сакс и еще потому, что епископ Сэнсам, святой и глава нашей маленькой общины в Динневраке, в жизни не позволил бы мне писать об Артуре. Сэнсам ненавидит Артура, порочит его память и зовет его предателем. Мы с Игрейной сказали святому, будто я перевожу Евангелие Господа нашего Иисуса на саксонский, а поскольку Сэнсам по-саксонски не говорит, а читать не умеет вообще ни на каком языке, благодаря нашему обману записки пока что в безопасности.

А повесть между тем становится все мрачнее, рассказывать ее все тяжелее. Иногда, задумавшись о возлюбленном мною Артуре в зените славы, я вижу словно бы солнечный полдень, и однако ж, как быстро сгущаются тучи! Позже – до этого мы еще дойдем – тучи расступились и солнце вновь согрело мягким светом горизонты, а после наступила ночь – и солнца мы уже не видели.

Не кто иная, как Гвиневера, омрачила полуденное солнце. Это случилось во время мятежа, когда Ланселот, коего Артур почитал другом, попытался захватить трон Думнонии. Ланселота поддержали христиане, одуроченные своими вождями, и епископом Сэнсамом в том числе: христианам внушили, будто их священный долг – очистить страну от язычников и подготовить остров Британия ко второму пришествию Господа Иисуса Христа в году пятисотом. А еще Ланселоту помог саксонский король Кердик: он обрушился на наши земли и прошел с войском вдоль долины реки Темзы, рассчитывая разделить Британию надвое. Если бы саксы достигли моря Северн, вот тогда северные бриттские королевства и впрямь оказались бы отрезаны от южных, однако ж, милостью богов, мы разгромили не только Ланселота и его хри-

стианский сброд, но и Кердика. Правда, в ходе этой войны обнаружилась измена Гвиневеры. Артур застал ее обнаженной в объятиях другого, и словно бы солнце зашло с его небосклона.

– Ничегошеньки не понимаю, – пожаловалась мне однажды Игрейна в конце лета.

– Чего ты не понимаешь, милая госпожа? – спросил я.

– Артур ведь любил Гвиневеру, так?

– Любил.

– Так как же он мог не простить ее? Я же простила Брехваэля за Нвилле.

Нвилле была полюбовницей Брехваэля, однако подцепила какую-то кожную болезнь и лишилась всей своей красоты. Подозреваю – хотя напрямую я не спрашивал, – что Игрейна прибегла к наговору, дабы наслать недуг на соперницу. Моя королева, возможно, и зовет себя христианкой, однако христианство – не та религия, что дарует своим приверженцам сладость мести. Для этого надо пойти к старухам: старухи знают, какие травы собрать и какие заклинания прочесть под убывающей луной.

– Ты простила Брехваэля, – кивнул я, – но простил бы Брехваэль тебя?

Королева поежилась:

– Конечно же нет! Он бы сжег меня заживо: таков закон.

– Артур мог бы сжечь Гвиневеру, – согласился я, – и многие ему это советовали, но он и впрямь любил ее, любил страстно, вот поэтому не смог ни казнить ее, ни простить. Во всяком случае, поначалу.

– Ну и глупец! – отрезала Игрейна. Она совсем юна и судит с блестящей безапелляционностью юности.

– Он был очень горд, – возразил я; вероятно, гордость и делала Артура глупцом, но то же можно сказать о любом из нас. Я помолчал, размышляя. – Он много о чем мечтал. Мечтал о свободной Британии, мечтал разгромить саксов, а в глубине души ему хотелось, чтобы Гвиневера постоянно подтверждала: он – достойный человек. А когда она переспала с Ланселотом, Артур убедился, что уступает Ланселоту как мужчина. Конечно же, правды в том нет – но ему было больно. О, как больно. В жизни не видел, чтобы человек так мучился. Гвиневера истерзала ему сердце.

– И он запер ее в заточении? – гнула свое Игрейна.

– Именно, – кивнул я, вспоминая, как меня против воли заставили отвезти Гвиневеру в храм Святого Терния в Инис-Видрине, где тюремщицей ей стала сестра Артура Моргана. Гвиневера и Моргана друг друга терпеть не могли. Одна была язычницей, другая – христианкой; и в тот день, когда я запер за Гвиневерой ворота обители, я видел, как она плачет – едва ли не впервые. «Она останется там до самой смерти», – сказал мне Артур.

– Мужчины ужасно глупые, – объявила Игрейна и глянула на меня искоса. – А ты когда-нибудь изменял Кайнвин?

– Нет, – ответил я, и не солгал.

– А хотелось?

– О да. Похоть не исчезает даже в счастье, госпожа. Кроме того, многого ли стоит верность, не прошедшая испытания?

– По-твоему, верность чего-то стоит? – бросила Игрейна, и я задумался, который из молодых красавцев-воинов в крепости ее мужа привлек внимание королевы. Сейчас, конечно, беременность не позволит ей натворить глупостей, но я опасался, не случится ли чего потом. Может, и не случится.

Я улыбнулся.

– Мы ждем верности от наших возлюбленных, госпожа, так стоит ли удивляться, что они ждут верности от нас? Верность – наш дар тем, кого мы любим. Артур подарил свою верность Гвиневере, но она не смогла отдарить его тем же. Ей хотелось иного.

– Чего же?

– Славы; а вот у Артура к славе душа не лежала. Он достиг славы, однако наслаждаться ею не умел. А ей был нужен эскорт из тысячи всадников, и чтобы над головой реяли цветные знамена, и чтобы весь остров Британия лежал у ее ног. А он мечтал лишь о справедливости да богатых урожаях.

– И о свободной Британии, и о победе над саксами, – сухо напомнила мне Игрейна.

– Верно, – подтвердил я, – и еще об одной вещи – больше всего прочего, вместе взятого. – Я поулыбался своим воспоминаниям, а потом подумал, что из всех Артуровых устремлений и замыслов этот последний, пожалуй, осуществить оказалось особенно трудно, и мало кто из нас, его друзей, верил, что Артуру всерьез хочется именно этого.

– Продолжай, – молвила Игрейна, решив было, что я начинаю клевать носом.

– Он мечтал всего-то-навсего об участке земли, об усадьбе и собственной кузнице, и чтобы скотина рядом паслась. Ему хотелось быть самым обычным человеком. Хотелось, чтобы за Британией приглядывали другие, пока сам он ищет счастья.

– И что, так и не нашел? – не отступалась Игрейна.

– Нашел, – заверил я. – Нашел, но не тем роковым летом сразу после бунта, поднятого Ланселотом. То было кровавое лето, пора воздаяния: в ту пору Артур силой меча заставил мятежную Думнонию покориться.

Ланселот бежал на юг, в принадлежащие ему земли белгов. Артур охотно бросился бы в погоню, но на тот момент Кердиковы саксы представляли собою опасность куда более серьезную. К тому времени как мятеж был подавлен, они продвинулись до самого Кориниума, и, чего доброго, захватили бы город, кабы боги не наслали на захватчиков моровое поветрие. Заболевших безостановочно выворачивало наизнанку, рвало кровью, люди слабели, не держались на ногах – а когда недуг распространился по всему лагерю, тут-то на саксов и обрушилось Артурово войско. Кердик попытался привести армию в боевой порядок, но саксы, уверившись, что боги их покинули, обратились в бегство. «Они вернуться, – сказал мне Артур над кровавыми останками разгромленного Кердикова арьергарда. – Вернутся следующей весной». Он вытер Экскалибур о запятнанный кровью плащ и вложил клинок в ножны. В ту пору Артур отпустил бороду – и в бороде серебрилась седина. Так он выглядел старше, куда старше своих лет; боль от предательства Гвиневеры изменила его черты, вытянутое лицо осунулось еще больше; те, кто прежде Артура не знал, ныне отшатывались от него в страхе, а сам он ничего не делал, чтобы смягчить впечатление. Он всегда был человеком терпеливым; теперь же гнев клочкотал у самой поверхности: того и гляди прорвется, дайте лишь пустячный повод.

То было кровавое лето, пора воздаяния, и Гвиневере суждено было томиться взаперти в храме Морганы. Артур вынес жене приговор, и похоронил ее заживо, и повелел страже держать ее там вечно. Гвиневера, принцесса Хенис-Вирена, исчезла из мира.

* * *

«Не глупи, Дерфель, – рявкнул на меня Мерлин неделю спустя, – да она оттуда выйдет, двух лет не пройдет! Или даже года. Если бы Артур всерьез хотел вычеркнуть ее из жизни, он бы послал ее на костер – именно так ему и следовало поступить. Ничто так не укрепляет благонравия женщины, как жаркое пламя, да только что толку объяснять это Артуру! Недоумок в нее влюблен! Недоумок и есть. Ты подумай: Ланселот жив-здоров, и Мордред живехонек, и Кердик жив, и Гвиневера тоже жива! Да-да, у меня все хорошо, спасибо, что спросил».

«Я спросил раньше, – терпеливо напомнил я, – но ты не обратил внимания».

«Да со слухом нелады, Дерфель. Оглох, совсем оглох. – Мерлин хлопнул себя по уху. – Глух как пень. Старость, Дерфель, не радость. Дряхлею на глазах».

Ага, держи карман! Выглядел Мерлин куда лучше, чем в последние годы, слух его небось остротой не уступал зрению – а зрение, при его восьмидесяти с чем-то годах, было что у ястреба. Мерлин не одряхлел, нет, напротив, словно бы обрел новую силу благодаря Сокровищам Британии. Эти тринадцать Сокровищ – древние, как сама Британия, – были утрачены, но спу-

стя много веков Мерлин сумел наконец-то их отыскать. Властью Сокровищ возможно было призвать древних богов обратно в Британию. Никто и никогда не проверял, так ли это, однако теперь, в беспокойный для Думнонии год, Мерлин намеревался воспользоваться Сокровищами, дабы сотворить великую магию.

Я отправился к Мерлину в тот же день, как отвез Гвиневеру в Инис-Видрин. Лил проливной дождь; поднявшись на Тор, я почти ожидал застать Мерлина на вершине, но там было уныло и пусто. Некогда Мерлину принадлежал просторный чертог на Торе с пристроенной к нему башней снов, но чертог сгорел. Я стоял среди развалин во власти безысходного отчаяния. Артур, мой друг, ранен в самое сердце. Моя возлюбленная Кайнвин – в далеком Повисе. Две мои дочери, Морвенна и Серена, с матерью, а Диан, младшенькая, в Ином мире: отослана туда одним из Ланселотовых мечников. Все мои друзья либо мертвы, либо далеко. Саксы готовятся дать нам бой по весне, дом мой – зола и пепел, жизнь моя безотраднa. Может, мне просто передалась печаль Гвиневеры, однако ж в то утро, на омытом дождями холме Инис-Видрина, я чувствовал себя одиноким, как никогда в жизни. Я преклонил колена в грязи на пепелище и помолился Белу, прося о знаке: пусть подтвердит, что богам и впрямь есть до нас дело.

Знак был явлен неделю спустя. Артур отправился с набегом на восток, к саксонской границе, а я остался в Кар-Кадарне – дожидаясь возвращения Кайнвин с дочерьми. На той же неделе Мерлин со своей спутницей Нимуэ отправились в огромный пустой дворец близ Линдиниса. Когда-то я жил там как наставник Мордредa, нашего короля, но, когда Мордред достиг совершеннолетия, дворец передали епископу Сэнсаму под монастырь. С тех пор монахов Сэнсама выдворили из гордых римских чертогов восвояси и прогнали взащей мстительные копейщики, и громадный дворец стоял заброшенным.

Местные рассказали нам: друид во дворце. Наперебой толковали о призраках, о чудесных знамениях, о богах, разгуливающих под покровом ночи, так что я поскакал во дворец, но никакого Мерлина там не обнаружил. Две-три сотни людей встали лагерем перед дворцовыми воротами и взволнованно пересказывали байки о ночных видениях. Послушав их, я упал духом. Думнония едва пережила безумие христианского бунта, питаемое ровно такой же суеверной одержимостью, а теперь вот похоже на то, что язычники того и гляди сравняются с сумасшедшими христианами. Я толкнул дворцовые ворота, пересек широкий внутренний двор и прошелся по пустым покоям Линдиниса. Я звал Мерлина по имени, но ответа мне не было. В одной из кухонь я обнаружил еще теплый очаг, а соседнюю комнату вроде бы недавно подметали, но жить там никто не жил, кроме разве мышей и крыс.

Однако весь день напролет в Линдинис стягивался народ. Люди ехали со всех концов Думнонии, и в лицах их читалась трогательная надежда. Люди везли своих калек и недужных и терпеливо ждали до сумерек; с наступлением вечера дворцовые врата распахнулись, и собравшиеся хлынули во внешний двор: кто шел, кто ковылял, кто полз, иных несли на руках. Я готов был поклясться, что еще недавно в громадном здании не было ни души, но кто-то ведь открыл ворота и зажег огромные факелы в сводчатых нишах!

Я смешался с толпой; народу все прибывало. Меня сопровождал Исса, мой заместитель; мы встали у ворот – оба в длинных темных плащах. По моим прикидкам, собрались здесь главным образом селяне. Бедно одетые, лица смуглые, изможденные – так выглядят замученные землепашцы, тяжким трудом добывающие хлеб насущный, однако ж в слепящем свете факелов лица эти дышали надеждой. Артур бы помрачнел: он терпеть не мог дурачить страдающих людей иллюзиями, но как же нужна была надежда этой толпе! Женщины держали на руках недужных младенцев, вытаскивали детей-калек в первые ряды, и все жадно слушали байки о чудесных явлениях Мерлина. То была третья ночь чудес, и к тому времени полюбоваться на диво дивное своими глазами хотело столько людей, что все уже во дворе не вмещались. Кое-кто взгромоздился на стену позади меня, другие толклись в воротах, но никто не дерзнул ступить на галерею, окружившую двор с трех сторон: четверо воинов охраняли многоколонный

крытый переход, удерживая толпу на расстоянии при помощи длинных копий. То были черные щиты, ирландские копейщики из Деметии, королевства Энгуса Макайрема. И что, спрашивается, их занесло так далеко от дома?

В небесах погас последний отблеск дня; над факелами порхали летучие мыши; люди устроились поудобнее на плитах и выжидательно глядели на главный дворцовый вход, расположенный напротив внешних врат. То и дело с губ какой-нибудь из женщин слетал протяжный стон. Плакали дети; их унимали. Четверо копейщиков присели на корточки по углам галереи.

Мы ждали. Казалось, прошли часы; мысли мои блуждали, я думал о Кайнвин и о моей погибшей дочери Диан, как вдруг во дворце раздался оглушительный грохот, точно копьем ударили по котлу. Толпа охнула; иные из женщин поднялись с земли. Раскачиваясь из стороны в сторону, они махали руками, взывали к богам, но никаких привидений не появилось, а массивные дворцовые двери оставались закрыты. Я дотронулся до железной рукояти Хьюэлбеина – и приободрился. Толпа балансировала на грани истерии, это слегка пугало, но еще больше тревожила ситуация как таковая: на моей памяти Мерлин, творя магию, не нуждался в зрителях, напротив, всей душой презирал друидов, собиравших целые толпы. «Недоумков-то любой ловкач удивит», – приговаривал он. Сегодня ночью, похоже, удивлять недоумков собрался не кто иной, как он. И ведь добился своего: толпа изнывала от нетерпения, люди стонали, раскачивались, а когда металлический лязг грянул снова, все повскакивали на ноги и принялись громко выкликать имя Мерлина.

И тут дворцовые двери распахнулись, и гомон постепенно затих.

Мгновение-другое дверной проем зиял чернотой, а затем из тьмы выступил юный воин в полном битвенном доспехе – выступил и встал на верхней ступени галереи.

Ничего волшебного в нем не было, если не считать красоты. Другого слова просто не подберешь. В мире парализных рук, увечных ног, зобастых шей, испещренных шрамами лиц и усталых душ этот воин был несказанно прекрасен. Высокий, стройный, златовласый; в безмятежном лице его читалась доброта, иначе и не скажешь... нет, кротость. Глаза его сияли поразительной синевой. Шлема на нем не было, и волосы, длинные, как у девушки, падали ниже плеч. На нем был сверкающий белый нагрудник, белые наголенники; ножны тоже лучились белизной. Доспех не из дешевых; я поневоле задумался, кто этот незнакомец. Мне казалось, я знаю большинство воинов Британии – по крайней мере тех, кто может себе позволить подобное снаряжение, – но этого я не знал. Юноша улыбнулся толпе, а затем воздел руки, жестом призывая толпу преклонить колена.

Мы с Иссой остались стоять. Может, воинская гордость взыграла, а может, просто хотели лучше видеть поверх голов.

Длинноволосый юноша не произнес ни слова, но как только все опустились на колени, он благодарно улыбнулся и прошел вдоль галереи, гася факелы – вытаскивал их из скоб и опускал в бочки с водой, поставленные тут же, наготове. Я понял: это представление, причем тщательно отрепетированное. Двор постепенно погружался во тьму, и вот наконец единственными источниками света остались два факела над массивной дворцовой дверью. Луны почти не было видно, ночь выдалась зябкая и темная.

Белый воин встал под скрещенными факелами.

– Дети Британии, – промолвил он, и голос его оказался под стать красоте – нежный, хватающий за душу, – молитесь богам своим! В этих стенах хранятся Сокровища Британии; скоро, очень скоро сила их вырвется на волю. Ныне же, дабы вы сами убедились в их могуществе, пусть боги говорят с нами.

С этими словами юноша затушил последние два факела – и воцарилась кромешная тьма.

Ничего не произошло. Над толпой поднялся гул, люди взывали к Белу, и Гофаннону, и Гранносу, и Дон, умоляя их явить свою мощь. По спине у меня побежали мурашки, и я судорожно стиснул рукоять Хьюэлбеина. Или это боги нас окружают? Я поднял глаза – туда,

где между облаками искрился звездный лоскут, – и вообразил себе, что там, в вышнем небе, парят великие боги. И тут Исса охнул, и я отвел взгляд от звезд.

И в свою очередь задохнулся от изумления.

Из темноты появилась девушка – нет, не девушка, девочка на пороге взросления. Такая нежная, прелестная своей юностью, грациозная в своей прелести, нагая, как новорожденный младенец. Тоненькая и хрупкая, с маленькими упругими грудками и длинными стройными бедрами. В одной руке она несла букет лилий, в другой – узкий клинок.

Я стоял и смотрел во все глаза. Ибо в темноте – в зябкой темноте, воцарившейся, едва загасили факелы, – девушка светилась. В самом деле светилась! Мерцала переливчатым белым светом. Этот неяркий отблеск не слепил глаза, он просто был там, точно звездной пылью припорошив бледную кожу. Распыленное, точно невесомая пудра, сияние коснулось ее тела, и ног, и рук, и волос – но не лица. Мягко светились лилии, блестело и лучилось длинное тонкое лезвие меча.

Мерцающая девушка шла по галерее. Столпившиеся во дворе бедолаги протягивали к ней парализованные руки и ноги и недужных детей; она словно не замечала. Не обращала внимания, словно их и нет, – шла себе и шла легкими изящными шажками вдоль галереи, обратив затемненное лицо к камням. Невесомая как перышко. Она будто погрузилась в себя, затерялась в собственных грезах: люди стонали, зывали к ней... она не поднимала глаз. Просто шла; странный свет мерцал на ее теле, на руках и ногах и на длинных черных волосах, что густым ореолом обрамляли лицо – черную маску на фоне нездешнего сияния; не знаю отчего, интуитивно, наверное, я чувствовал: лицо это прекрасно. Она приблизилась к тому месту, где стояли мы с Иссой, и вдруг подняла голову и обратила непроглядно-черное лицо к нам, поглядела в нашу сторону. Я почуял смутно знакомый запах моря, а затем так же внезапно, как появилась, она скрылась за дверью – и над толпой пронесся вздох.

– Что это было? – шепнул мне Исса.

– Не знаю, – отозвался я. Мне было страшно. Это не безумие, это настоящее, я же сам это видел, но что? Богиня? Откуда тогда запах моря?

– Может, она из сонма духов Манавидана, – шепнул я Иссе. Манавидан – бог моря; уж верно, его нимфы пахнут солью.

Следующего видения пришлось ждать долго, а когда оно наконец явилось, то оказалось куда менее впечатляющим, нежели сияющая морская нимфа. На крыше дворца возникла тень – черная фигура, медленно обретшая очертания вооруженного, закутанного в плащ воина в чудовищном шлеме, увенчанном рогами могучего оленя. В темноте его с трудом можно было разглядеть, но вот из-за облака проглянула луна, и мы увидели, кто он, и толпа застонала. Он возвышался над нами, простирая руки, а лицо его закрывали широкие нащечные пластины шлема. В руках он держал копье и меч. Постоял так мгновение и тоже исчез, хотя я готов был поклясться, что слышал, как по дальнему своду крыши соскользнула черепица.

И тут, едва он скрылся, вновь возникла нагая девушка, хотя на сей раз ощущение было такое, словно она просто-напросто материализовалась на верхней ступени галереи. Только что там царил тьма, а в следующий миг возникла стройная мерцающая фигурка – недвижимая, прямая, сияющая. Лицо ее по-прежнему терялось во мраке и казалось маской тьмы в обрамлении пронизанных светом волос. Девушка постояла неподвижно секунду-другую, а затем начала танцевать – медленно, неспешно, изящно вытягивая носок, двигаясь в прихотливом узоре на одном и том же месте то по кругу, то вперед-назад. Танцуя, она не поднимала головы. Мерцающий нездешний свет словно втирали ей в кожу, ибо где-то он сиял ярче, а где-то – бледнее, но, уж верно, здесь потрудилась не рука человека.

Теперь и мы с Иссой преклонили колена: ведь нам был явлен знак богов, не иначе. Свет во тьме, красота среди упадка. А нимфа все танцевала и танцевала, и сияние ее тела медленно

угасало: вот она померкла до неясного видения мерцающей прелести в тени галереи, замерла, широко раскинула руки, развела ноги, бесстрашно поглядела на нас – и растаяла.

Мгновение спустя из дворца вынесли два пылающих факела. Толпа разразилась криками: люди взывали к богам и требовали Мерлина, и наконец он и в самом деле появился из дворцового входа. Белый воин нес один из факелов, а одноглазая Нимуэ – второй.

Мерлин дошел до верхней ступеньки и встал там – высокий и статный, в длинном белом облачении. Толпа бесновалась и кричала, он не вмешивался. Его седая борода, ниспадающая едва ли не до пояса, была заплетена в косицы, перевитые черными лентами, точно так же, как его длинные белые волосы. Выждав немного, Мерлин воздел черный посох, требуя молчания.

– Вы что-либо видели? – ревниво осведомился он.

– Да, да! – надрывалась толпа.

На морщинистом, умном, лукавом лице Мерлина отразилось довольное удивление, как если бы он понятия не имел, что такое произошло во дворе.

Он улыбнулся, шагнул в сторону и призывно взмахнул свободной рукой. Двое детишек, мальчик и девочка, вышли из дворца, неся Котел Клиддно Эйддина. Сокровища Британии были невелики собою и весьма заурядны, а Котел – истинное Сокровище – из всех тринадцати обладал наибольшим могуществом. То была громадная серебряная емкость, украшенная золотыми накладками, изображающими воинов и животных. Дети, с трудом управляясь с этакой тяжестью, водрузили Котел рядом с друидом.

– Сокровища Британии у меня! – возвестил Мерлин, и над толпой пронесся благоговейный вздох. – Скоро, очень скоро, – продолжал он, – могущество Сокровищ явит себя в полной мере. Британия возродится! И враги наши сгинут! – Мерлин помолчал, дожидаясь, чтобы угасло эхо ликующих возгласов. – Нынче ночью вы видели силу богов, но это лишь малая толика, пустяк, ерунда. Скоро вся Британия узрит то же, но, дабы призвать богов, мне нужна ваша помощь.

Толпа взревела, обещая: помощь будет, – и Мерлин одобрительно просиял. Эта благодушная улыбка укрепила мои подозрения, что старик ведет с народом некую сложную игру. Но ведь даже Мерлин, твердил я себе, не может сделать так, чтобы девушка светилась в темноте. Я ее своими глазами видел! Мне отчаянно хотелось верить – и воспоминание о гибкой, мерцающей фигурке убеждало меня: боги нас не оставили.

– Приходите на Май-Дан! – сурово велел Мерлин. – Приходите на столько дней, на сколько сможете, и еды не забудьте принести. Если найдется оружие, приходите с оружием. На Май-Дане станем мы трудиться сообща, и труды наши будут долгими и тяжкими, а на Самайн, когда по земле разгуливают мертвые, мы все вместе призовем богов. Вы – и я!

Он помолчал – и направил острие посоха на толпу. Черный посох дрогнул, словно выискивая кого-то, и нацелился на меня.

– Лорд Дерфель Кадарн! – воскликнул Мерлин.

– Господин? – отозвался я, изрядно сконфуженный тем, что меня выделили среди прочих.

– Дерфель, ты останься. Остальные – ступайте. Ступайте по домам, ибо боги не вернуться более вплоть до кануна Самайна. Ступайте домой, займитесь полем и пашней, затем приходите на Май-Дан. Приносите топоры и снесь и готовьтесь узреть своих богов в величии славы. А теперь ступайте! Ступайте!

Толпа покорно разошлась. Многие останавливались, чтобы дотронуться до моего плаща, ведь я был в числе воинов, добывших Котел Клиддно Эйддина из тайника на Инис-Моне, и это, по крайней мере в глазах язычников, делало меня героем. Прикасались люди и к Иссе, ведь он тоже был Воином Котла; однако, когда двор опустел, Исса остался ждать у врат, а я подошел к Мерлину. Поздоровался с ним, но друид сразу отмел все мои расспросы о его здоровье, а вместо того полюбопытствовал, как мне понравились недавние события.

– Что это было? – осведомился я.

– Что «это»? – невинно переспросил он.

– Девушка в темноте.

Мерлин захлопал глазами в деланом изумлении:

– Ах, она снова здесь была, да? Как интересно! Крылатая девушка – или та, что светится? Светящаяся?.. Нет, Дерфель, я понятия не имею, кто она. Я не в силах разгадать все тайны этого мира. Ты переобщался с Артуром и теперь, подобно ему, веришь, будто все на свете непременно имеет тривиальное объяснение. Увы, боги нечасто изъясняются внятно. Как насчет пособить отнести Котел внутрь?

Я подхватил тяжеленный Котел и перетащил его в многоколонный приемный зал. Когда я заходил туда раньше в тот же день, помещение было пустым; теперь там обнаружилось ложе, и приземистый стол, и четыре железные подставки для масляных светильников. На ложе восседал юный длинноволосый красавец-воин в белых доспехах: он улыбнулся, не вставая с места, а Нимуэ, в истрепанных черных одеждах, поднесла зажженную свечу к фитилям.

– Еще днем зал был пуст, – укоризненно произнес я.

– Тебе, верно, померещилось, – беспечно отмахнулся Мерлин. – Может, мы просто не пожелали тебе показаться. Ты знаком с принцем Гавейном? – Он указал на юношу, тот встал и приветственно поклонился мне. – Гавейн – сын короля Будика Броселиандского, а значит, приходится Артуру племянником.

– Приветствую, принц, – поздоровался я с Гавейном. Я слышал про Гавейна, а вот встречаться не доводилось. Броселианд, бриттское королевство за морем, в Арморике, с недавних пор осаждали франки, так что гости оттуда у нас бывали нечасто.

– Польщен знакомством, лорд Дерфель, – учтиво произнес Гавейн, – ибо слава твоя распространилась далеко за пределы Британии.

– Не пори чуши, Гавейн, – оборвал его Мерлин. – Слава Дерфеля вот разве что ему в тупую голову ударила, но дальше не пошла. Гавейн приехал помочь мне, – пояснил друид.

– Помочь – в чем?

– Ну, должен же кто-то оберегать Сокровища, сам понимаешь. Он – блестящий копейщик, гроза недругов, по крайней мере, так говорят. Это правда, Гавейн? Ты и впрямь грозен?

Гавейн лишь улыбнулся в ответ. Особо грозным он не выглядел, поскольку был еще очень юн: на вид от силы лет пятнадцать-шестнадцать, и бритва еще не касалась его щек. Длинные светлые локоны придавали ему сходство с девушкой, а белые доспехи, что издалика выглядели такими дорогостоящими, при ближайшем рассмотрении оказались самыми обыкновенными: железо обмазали известковым раствором, вот и все. Если бы не его спокойная уверенность и вдохновенная красота, Гавейн был бы смехотворен.

– Ну, так что ты подельвал со времен нашей последней встречи? – призвал меня к ответу Мерлин. Тогда-то я и рассказал ему о Гвиневере – о том, что королеве суждено пробыть в заточении до самой смерти, – а друид меня безжалостно высмеял. – Артур – бестолочь, – твердил он. – Гвиневера, может, и умница, каких мало, да только ему она незачем. Ему нужна какая-нибудь дуреха попроще, чтоб постель согревала, пока он там разбирается с саксами. – Мерлин присел на ложе и улыбнулся двум детишкам – тем самым, что вытаскивали Котел во двор, а теперь вот принесли ему блюдо с хлебом и сыром и флягу с медом. – Ужин! – радостно воскликнул он. – Присоединяйся ко мне, Дерфель, будь так добр, мы желаем потолковать с тобой. Да садись же! На полу вполне даже удобно, сам убедишься. Садись рядом с Нимуэ.

Я сел. До сих пор Нимуэ меня подчеркнута не замечала. Пустую глазницу – недостающий глаз был вырван неким королем – прикрывала повязка, а волосы, стриженные совсем коротко перед тем, как мы поехали на юг, в Морской дворец Гвиневеры, немного отросли, хотя и не слишком: с виду – как есть мальчишка. Нимуэ, похоже, злилась; впрочем, злилась она всегда. Жизнь ее была посвящена одной-единственной цели: она искала богов и презирала все, что отвлекало ее от поисков, и, верно, считала иронические шуточки Мерлина пустой тратой вре-

мени. Мы с Нимуэ выросли вместе, и за многие годы с тех пор, как мы перестали быть детьми, я не раз и не два спасал ей жизнь. Я кормил ее и одевал, однако ж она обращалась со мной как с недоумком.

– Кто правит Британией? – внезапно спросила меня она.

– Неправильный вопрос! – с неожиданной горячностью одернул ее Мерлин. – Неправильный!

– Ну? – настаивала она, не обращая внимания на разъяренного Мерлина.

– Никто не правит Британией, – признал я.

– Ответ верный, – мстительно откликнулся Мерлин. Его дурное настроение изрядно встревожило Гавейна: тот стоял за Мерлиновым ложем и опасно поглядывал на Нимуэ. Гавейн ее явно боялся, и немудрено. Редкий человек не испугался бы Нимуэ.

– Хорошо, а кто правит Думнонией? – не отступала она.

– Артур правит, – отвечал я.

Нимуэ одарила Мерлина торжествующим взглядом. Друид лишь покачал головой.

– Нужное слово – это *rex*, – промолвил он, – *rex*, говорю я, и знай вы хотя бы самые азы латыни, вы бы, верно, понимали, что *rex* – это король, не император. Император по-латыни – *imperator*. Или мы рискуем загубить все дело только оттого, что вы невежи необразованные?

– Артур правит Думнонией, – настаивала Нимуэ.

Мерлин пропустил ее слова мимо ушей.

– Кто у нас король? – осведомился он у меня.

– Мордред, конечно.

– Конечно, – повторил он. – Мордред! – Мерлин плюнул в сторону Нимуэ. – Мордред!

Она отвернулась, словно соскучившись. Я был в полном замешательстве: я вообще не понимал, о чем они спорят, а спросить не успел: из-за занавешенного дверного проема вновь появились дети, неся еще хлеба и сыра. Они поставили блюда на пол, и я опять уловил слабый запах соли и морских водорослей – смутно повеяло морем, точно так же как при появлении нагой призрачной девушки. Потом дети скрылись за занавеской, и запах исчез вместе с ними.

– Так вот, – промолвил Мерлин с удовлетворенным видом человека, одержавшего верх в споре, – а дети у Мордреда есть?

– Да небось в количестве, – отозвался я. – Учítывая, скольких девиц он изнасиловал.

– Забава королей, – равнодушно бросил Мерлин, – и принцев. Гавейн, а ты девиц насилуешь?

– Нет, господин. – Гавейна такое предположение явно шокировало.

– Мордред насильничал, сколько я его помню, – промолвил Мерлин. – В отца и деда пошел, хотя должен признать, они оба были куда как мягче юного Мордреда. Утер, он в жизни не мог устоять перед смазливой мордашкой. Да и перед страхолюдной, под настроение. А вот Артур, он к насилию не склонен. Вроде тебя, Гавейн.

– Рад слышать, – сдержанно отозвался принц, и Мерлин картинно возвел глаза к небесам.

– Ну и что Артур намерен делать с Мордредом? – осведомился друид.

– Он будет жить в заточении здесь, господин, – отозвался я, обводя рукой дворец.

– В заточении! – Мерлина это явно позабавило. – Гвиневера под замком. Епископ Сэнсам взаперти; если так и дальше пойдет, то все, кто имеет хоть какое-то отношение к Артуру, вскорости угодят в темницу! Всем нам судьба жить на воде и плесневелом хлебе. Что за недоумок наш Артур! Лучше бы вышиб Мордреду мозги!

Мордред унаследовал трон еще ребенком, и, пока мальчик рос, королевством управлял Артур, но, как только Мордред достиг совершеннолетия, Артур, верный клятве, некогда принесенной верховному королю Утеру, передал королевство Мордреду. Мордред использовал власть во зло и даже злоумышлял против жизни Артура: этот-то заговор и позволил Сэнсаму с Ланселотом поднять мятеж. Теперь Мордреду грозило заточение; Артур твердо вознамерился

окружить законного короля Думнонии, в жилах которого течет божественная кровь, почетом и роскошью, однако от власти отстранить. Мордред будет содержать под стражей в этом величественном дворце, предоставят ему все, что он пожелает, но набедокурить не дадут.

– Ты полагаешь, что у Мордреда есть ублюдки? – гнул свое Мерлин.

– Десятки, надо думать.

– Надо, Дерфель, тебе – надо, – рявкнул Мерлин. – Имя, Дерфель! Имя назови!

Я напряг память. Я знал Мордредовы грешки получше многих, поскольку был наставником мальчика; впрочем, это поручение я исполнял неохотно и из рук вон плохо. Я так и не сумел стать ему отцом, и хотя моя Кайнвин пыталась быть ему матерью, она тоже не преуспела, и треклятый мальчишка вырос угрюмым, злобным выродком.

– Была одна служанка, – припомнил я, – он с ней долгонько хороводился...

– Как ее звали? – осведомился Мерлин, набив рот сыром.

– Киууилог.

– Киууилог! – прыснул друид. – Говоришь, эта Киууилог родила ему ребенка?

– Мальчика, – кивнул я, – если, конечно, малец и впрямь его, а скорее всего, так.

– И где же сейчас наша Киууилог? – продолжал допрашивать меня Мерлин, размахивая ножом.

– Очень может статься, что в здешних краях. Она не переехала в дом Эрмида вместе с нами, а Кайнвин всегда думала, что Мордред дал ей денег.

– Выходит, и впрямь был к ней привязан?

– Думается, да.

– Ну не отрадно ли узнать, что в дрянном мальчишке есть хоть что-то хорошее... Киууилог, говоришь? Гавейн, ты сможешь отыскать ее?

– Попытаюсь, господин, – пылко заверил Гавейн.

– Не просто попытайся. Преуспей! – рявкнул Мерлин. – А как она выглядела, Дерфель, эта, с позволения сказать, Киууилог? Вот ведь имечко, право!

– Невысокая, – стал вспоминать я, – пухленькая, черноволосая.

– Пока что под твоё описание подходит любая британская девка моложе двадцати лет от роду. Поточнее никак нельзя? Сколько сейчас ребенку?

– Шесть, – отозвался я, – и, если память меня не подводит, волосы у него рыжеватые.

– А сама девица?

Я покачал головой:

– Симпатичная, но не из тех, что запомнится.

– Все девушки запоминаются, – торжественно объявил Мерлин, – особенно если зовут их Киууилог. Отыщи ее, Гавейн.

– А на что она тебе? – полюбопытствовал я.

– Я разве в твои дела лезу? – парировал Мерлин. – Или, может, я прихожу и задаю тебе дурацкие вопросы про щиты и копья? Или досаждаю тебе идиотским любопытством на предмет, как именно ты вершишь правосудие? Занимают ли меня твои виды на урожай? Иначе говоря, докучаю ли я тебе, вмешиваюсь ли в твою жизнь, Дерфель?

– Нет, господин.

– Вот и ты о моей жизни не допытывайся. Землеройке орла не понять. Покушай-ка лучше сыра, Дерфель.

Нимуэ к еде так и не притронулась. Она сидела мрачная – злобилась на Мерлина, не пожелавшего признать, что Артур, дескать, истинный правитель Думнонии. Мерлин не обращал на нее никакого внимания и развлекался тем, что поддразнивал Гавейна. О Мордредо он больше не упоминал и ни словом не обмолвился о том, что затевает на Май-Дане, хотя, уже провожая меня к внешним дворцовым воротам, где до сих пор дожидался Исса, завел-таки

речь о Сокровищах. Черный посох друида постукивал по камням: мы шли через двор, где еще недавно толпе являлись чудесные видения.

– Мне, понимаешь ли, люди нужны, – сообщил Мерлин. – Чтобы призвать богов, надо здорово потрудиться, мы с Нимуэ одни не справимся. Нам понадобится сотня людей, может, даже больше!

– Зачем?

– Увидишь, увидишь. Как тебе Гавейн?

– Вроде бы послушный мальчик.

– Послушен, верно, но что в том похвального? Собаки тоже куда как послушны. Он мне напоминает Артура в молодости. Хлебом не корми, дай сотворить добро! – Друид расхохотался.

– Господин, – промолвил я, отчаянно нуждаясь в ободрении, – что же все-таки произойдет на Май-Дане?

– Как – что? Мы призовем богов. Обряд очень сложный; я могу лишь молиться о том, чтобы все получилось как надо. И страх как боюсь, что не сработает. Нимуэ, как ты, возможно, уже понял, полагает, будто я все делаю не так, ну да мы посмотрим, посмотрим. – Мерлин прошел несколько шагов молча. – Но если мы все сделаем правильно, Дерфель, если все сделаем правильно, о, что за зрелище нас ждет! Боги явятся на землю в мощи своей. Ты только представь себе: Манавидан выходит из моря, блестя влагой, – он великолепен! Таранис раскатывает небеса молнией, Бел совлекает огонь с небес, а Дон рассекает облака огненным копьем. То-то христиане перепугаются, а? – От восторга старик даже в пляс пустился – неуклюже протанцевал пару-тройку шагов. – То-то епископы обмочатся в своих черных рясах, а?

– Ты же сам не уверен, чем все закончится, – возразил я, надеясь про себя, что друид успокоит мои страхи.

– Не глупи, Дерфель. Почему ты вечно ждешь от меня определенности? Все, что я могу, – это совершить обряд и уповать, что не сбился! Ты ведь сегодня кое-что видел, нет? И все еще сомневаешься?

Я помолчал, гадая: ночные видения – не фокус ли это? Но какой хитростью можно заставить девичье тело светиться в темноте?

– А станут ли боги сражаться с саксами? – спросил я.

– Так ради этого мы их и призываем, Дерфель, – терпеливо объяснил Мерлин. – Наша цель – возродить Британию такой, какой она была в добрые старые дни, до того, как лучшую в мире страну испоганили саксы да христиане. – Старик остановился у ворот и долго глядел в темноту. – Я люблю Британию, – промолвил он внезапно севшим голосом. – Я так люблю этот остров, это особенное место... – Он положил руку мне на плечо. – Ланселот спалил твой дом. Так где ты живешь сейчас?

– Мне придется строиться заново, – отозвался я. – И будет это не на месте дома Эрмида, где погибла моя маленькая Диан.

– Дун-Карик пустует, – промолвил Мерлин, – и я пушу вас туда жить, но при одном условии: когда труды мои завершатся и боги будут с нами, я, пожалуй, приду под твой кров умирать.

– Ты волен прийти туда жить, господин.

– Умирать, Дерфель, умирать. Я стар. Одно-единственное, последнее дело осталось мне довершить – и я попытаюсь исполнить назначенное на Май-Дане. – Мерлин потрепал меня по плечу. – Или ты думаешь, я не сознаю, каким опасностям подвергаюсь?

Я почувствовал в нем страх.

– Что за опасности, господин?

В темноте прокричала сова; Мерлин, склонив голову набок, прислушался, не повторится ли звук.

– Вся свою жизнь, – проговорил он, помолчав, – я мечтал вернуть богов в Британию, а теперь у меня есть к тому средство, но я не знаю, сработает ли оно. Не знаю, гожусь ли я для свершения обряда. Не знаю даже, доживу ли я до того, чтобы увидеть это своими глазами. – Друид крепко, до боли, стиснул мое плечо. – Ступай, Дерфель, – молвил он. – Ступай. Я должен поспать: завтра отправляюсь на юг. Смотри, приезжай в Дурноварию на Самайн. Приезжай – узришь богов.

– Я буду там, господин.

Улыбнувшись, Мерлин повернулся идти. А я зашагал обратно в крепость – ошеломленный, исполненный надежды, терзаемый страхами, гадая, куда ныне заведет нас магия – и заведет ли куда-либо, кроме как к ногам саксов, а саксы непременно придут по весне. Ибо, если Мерлин не сумеет призвать богов, Британия обречена.

* * *

Постепенно – так успокаивается взбаламученный пруд – Британия утихомирилась. Ланселот затаился в Венте, страшась Артуровой мести. Мордред, наш законный король, приехал в Линдинис, где ему предстояло жить в почете и роскоши – но под стражей. Гвиневера оставалась в Инис-Видрине, под неумолимым надзором Морганы, в то время как Сэнсам, супруг Морганы, сидел под замком в гостевых покоях Эмриса, епископа Дурноварии. Саксы отступили в пределы своих границ, хотя, как только собрали урожай, с обеих сторон участились яростные набеги. Саграмор, нумидийский военачальник Артура, охранял саксонские рубежи, в то время как Кулух, двоюродный брат Артура и ныне один из его военных вождей, приглядывал за Ланселотовой белгской границей из нашей крепости в Дунуме. Наш союзник король Кунеглас Повисский оставил под началом Артура сотню копейщиков и возвратился в собственное королевство, а по дороге встретился с сестрой, принцессой Кайнвин, что возвращалась в Думнонию. Кайнвин была моей женщиной, а я – ее мужчиной; она же дала клятву никогда не выходить замуж. Она приехала с нашими двумя дочерьми в начале осени, и должен сознаться, что до ее возвращения я ни минуты не был по-настоящему счастлив. Я встретил ее на дороге к югу от Глевума и долго не размыкал объятий: были минуты, когда я думал, что нам уже не суждено свидеться. Красавица она была, моя Кайнвин, златокудрая принцесса. Некогда, давным-давно, она была обручена с Артуром; когда Артур отказался от намеченного брака ради Гвиневеры, руку Кайнвин обещали другим великим принцам, но мы с ней взяли да сбежали вместе, и смею сказать, немало от этого выиграла.

И вот мы обзавелись новым домом в Дун-Карике, чуть к северу от Кар-Кадарна. Дун-Карик означает «холм близ прелестного ручейка», и название замечательно к нему подходило: чудесное то было местечко. Дом на вершине холма был построен из дуба и крыт ржаной соломой, тут же высились с десятков хозяйственных пристроек, обнесенных прогнившим деревянным частоколом. Жители деревушки у подножия холма верили, что в доме водятся призраки, ибо там, с позволения Мерлина, прежде доживал свой век престарелый друид Бализ, но мои копейщики повыкидывали все гнезда, повывели грызунов и прочую дрянь, а затем вынесли весь Бализов ритуальный хлам. Я нимало не сомневался, что селяне, невзирая на свой страх перед старым домом, уже растащили котлы, треноги и все мало-мальски ценное; нам осталось лишь избавиться от змеиных кож, костей и высушенных птичьих тушек, густо затянутых паутиной. Были тут и человечесьи кости – груды и груды человеческих костей. Мы захоронили останки в ямах тут и там, чтобы души покойников не срослись вновь и не вернулись докучать нам.

Артур прислал ко мне несколько десятков юнцов, чтобы я воспитал из них воинов, так что на протяжении всей осени я обучал их науке обращения с копьем и щитом и раз в неделю, скорее из чувства долга, нежели удовольствия ради, навещал Гвиневеру в соседнем Инис-Видрине. Я привозил ей в подарок всякую снедь, а когда похолодало, принес теплый плащ из медвежьей шкуры. Порою я брал с собою ее сына Гвидра, но Гвиневера никогда не чувствовала себя с ним по-настоящему уютно. Мальчик взахлеб рассказывал о том, как ловит рыбу

в речушке Дун-Карика, как охотится в наших лесах; она скучала. Гвиневера и сама любила охоту, но это развлечение ей больше не позволялось, так что она разминала ноги, прогуливаясь по территории храма. Красота ее не поблекла; более того, в несчастье ее огромные глаза обрели особую, небывалую прежде яркость; хотя печаль свою королева упрямо скрывала. Скрывала из гордости; я-то видел: она несчастна. Моргана изводила ее как могла, докучала ей христианскими проповедями и то и дело обзывала блудницей вавилонской. Гвиневера терпеливо сносила обиды и на участь свою пожаловалась один-единственный раз, в начале осени: ночи удлиннились, первый иней выбелил лощины, и пленница сказала мне, что в ее покоях слишком холодно. Артур положил этому конец, распорядившись, чтобы дров Гвиневере доставляли столько, сколько ей нужно. Он по-прежнему любил жену, хотя злился, если я упоминал ее имя. Что до Гвиневеры, я понятия не имел, кого она любит. Она всегда расспрашивала меня об Артуре, а вот про Ланселота ни словом не упомянула.

Артур тоже томился в плену – в плену своих собственных терзаний. Домом ему – если у него вообще был дом – служил королевский дворец в Дурноварии, но он предпочитал разъезжать по Думнонии, от крепости к крепости, готовя нас к войне против саксов, что непременно явятся в новом году. Если Артур и задерживался подольше в каком-то одном месте, то это у нас, в Дун-Карике. Из нашего дома на вершине холма мы видели: вот он едет, потом раздавалось приветственное пение рога, и Артуровы всадники с плеском перебирались через речушку. Гвидр сломя голову мчался навстречу отцу; Артур, наклонившись в седле, подхватывал мальчика, усаживал его на Лламрей и, пришпорив коня, скакал к воротам. Он был ласков с Гвидром – собственно, как и со всеми детьми, – хотя со взрослыми держался холодно и сдержанно. Прежний Артур, исполненный радостного воодушевления, исчез. Он открывал душу только Кайнвин и всякий раз, приезжая в Дун-Карик, разговаривал с ней часами напролет. О Гвиневере – о ком же еще?

– Он до сих пор ее любит, – призналась мне Кайнвин.

– Надо бы ему жениться снова, – отозвался я.

– Как можно?! Он ведь только о ней и думает.

– Что же ты ему присоветовала?

– Конечно, простить ее. Сомневаюсь, что ей снова придет в голову натворить глупостей, а если он может быть счастлив только с этой женщиной, значит надо принять ее обратно.

– Он слишком горд.

– Вижу, – неодобрительно отозвалась Кайнвин, откладывая веретено и прясло. – Наверное, сперва ему надо убить Ланселота. Полегчает.

Той осенью Артур попытался: он внезапно обрушился на Венту, Ланселотову столицу, но Ланселот прознал о готовящемся набеге и бежал к своему защитнику Кердику, забрав с собой Амхара и Лохольта, сыновей Артура от его любовницы-ирландки, Эйлеанн. Близнецы негодовали на то, что родились бастардами, и неизменно сражались на стороне Артуровых врагов. Ланселота Артур не нашел, зато вернулся с богатой добычей: привез столь необходимое зерно, ведь летние неурядицы повредили урожаю.

В середине осени, за две недели до Самайна и вскорости после набега на Венту, Артур вновь приехал в Дун-Карик. Он заметно исхудал, лицо осунулось. Прежде в нем не было ничего пугающего, ныне он сделался отчужден и замкнут; никто знать не знал, что за мысли таятся у него в голове, молчаливость придавала ему ореол таинственности, а сердечное горе ожесточило. В былые дни рассердить Артура было непросто, а теперь он выходил из себя по поводу и без повода. Больше всего он злился на самого себя: два старших сына его предали, брак не сложился, Думнония подвела. Он так надеялся создать идеальное королевство, оплот справедливости, безопасности и мира, а христиане предпочли кровопролитие. Артур винил себя за то, что не распознал вовремя, к чему все идет, и теперь, в минуты затишья после бури, сомневался в собственной прозорливости.

– Ну что ж, займемся делами пустячными, Дерфель, – сказал он мне.

Стоял чудесный осенний день. Небо испещрили облака: солнечные блики скользили наперегонки по желто-бурому пейзажу к западу от нас. Артур в кои-то веки не искал общества Кайнвин, но отвел меня на поросшую травой полянку за отремонтированным частоколом Дун-Карика – и угрюмо уставился на Тор, воздвигшийся на фоне неба. Или скорее на Инис-Видрин, где томила Гвиневера.

– Пустячными? – переспросил я.

– Надо бы саксов разбить. – Он поморщился, понимая: разбить саксов – никакая это вам не безделица. – Вступать в переговоры они отказываются. Если я пошлю гонцов, саксы их убьют. Так они мне и сказали на прошлой неделе.

– Они? – не понял я.

– Они, – мрачно подтвердил Артур, имея в виду Кердика с Эллой.

Два саксонских короля обычно грызлись друг с другом не на жизнь, а на смерть – мы же такое положение вещей всячески поддерживали щедрым подкупом, – но теперь они, похоже, усвоили урок, что Артур столь убедительно преподавал бриттским королевствам: единство – залог победы. Два саксонских правителя объединили силы, дабы сокрушить Думнонию, а решение не принимать послов свидетельствовало о твердости их намерений и являлось мерой самозащиты. Гонцы Артура того и гляди попытаются подкупить вождей, ослабив тем самым армию, и все до единого послы, как бы они ни стремились заключить мир, неизбежно шпионят за врагом. Кердик с Эллой решили не рисковать. Они вознамерились забыть про свои разногласия, сплотиться – и раздавить нас.

– А я-то надеялся, моровое поветрие их ослабило, – промолвил я.

– Пришли новые, Дерфель, – отозвался Артур. – По слухам, их корабли пристают к берегу всякий день, и каждый битком набит изголодавшимися саксами. Они знают, что мы слабы, и на следующий год их явятся тысячи – тысячи тысяч! – Артура эта мрачная перспектива словно бы радовала. – Целая орда! А может, такая гибель нам и суждена – тебе и мне? Два верных друга, щит к щиту, падут под секирами варваров...

– Есть смерть и похуже, господин.

– Есть и получше, – коротко отрезал Артур. Он не сводил глаз с Тора; ну да он всегда, приезжая в Дун-Карик, сживал здесь – на западном склоне, и никогда с восточной стороны, и никогда – с южной, напротив Кар-Кадарна, но только здесь, и не иначе, – и глядел, глядел через долину. Я знал, о чем Артур думает, и он знал, что я знаю, и все же он ни разу не упомянул ее имени – не хотел признаваться, что каждое утро просыпается с мыслями о ней и каждую ночь молится, чтобы она ему приснилась. Внезапно Артур осознал, что я смотрю на него, и отвернулся, окинул взглядом поля, где Исса воспитывал из мальчишек воинов. В осеннем воздухе слышался сухой и резкий перестук древков копий, а Исса хрипло покрикивал, чтобы острия держали ниже, а щиты – выше.

– Ну как они? – поинтересовался Артур, кивая на новобранцев.

– Точь-в-точь как мы двадцать лет назад, – отозвался я. – В ту пору старшие говорили, что из нас никогда не выйдет настоящих воинов, а двадцать лет спустя эти мальчишки станут говорить то же самое о своих сыновьях. Хорошие будут бойцы. Закалятся в первой же битве, а после того ничем не уступят любому другому воину Британии.

– В первой же битве... – мрачно повторил Артур. – Возможно, другой и не будет. Когда придут саксы, Дерфель, нас задавят числом. Даже если Повис и Гвент пришлют всех своих ратников, численное превосходство за ними. – (В словах этих была горькая правда.) – Мерлин говорит, мне не о чем тревожиться, – саркастически добавил Артур. – Дескать, благодаря его трудам на Май-Дане никакая война не понадобится. Ты там был?

– Нет еще.

– Сотни идиотов таскают на холм дрова. Сущее безумие. – Он сплюнул на землю. – Не верю я в Сокровища, Дерфель, я верю в стену щитов и острые копья. И еще одна надежда есть у меня. – Артур помолчал.

– Какая? – подсказал я.

Артур обернулся ко мне:

– Если удастся сравить наших врагов между собою хотя бы один только раз, то шанс у нас появится. Коли Кердик придет один, мы с ним справимся, пока с нами Повис и Гвент, но против двух королей – и Кердика, и Эллы – я не выстою. Я, пожалуй, победил бы обоих, будь у меня пять лет на то, чтобы восстановить армию, – но только не этой весной. Наша единственная надежда, Дерфель, – рассорить недругов.

Именно так мы обычно и воевали. Подкупали одного саксонского короля и науськивали его на другого, но, судя по тому, что поведал мне Артур, саксы приняли все меры, чтобы нынешней зимой такого не произошло.

– Я предложу Элле мир на веки вечные, – продолжал между тем Артур. – Пусть оставит за собою все свои нынешние земли, а также и ту землю, что сумеет отобрать у Кердика, дабы правили там он и его потомки. Ты меня понял? Я уступаю Элле эту землю в бессрочное владение, если только в грядущей войне он встанет на нашу сторону.

Я долго молчал. Былой Артур, Артур, что был мне другом вплоть до той ночи в храме Изиды, никогда не произнес бы таких слов, ибо правды в них не было. Никто и никогда не уступит бриттскую землю саксам. Артур лгал – в надежде, что Элла поверит этой лжи, а спустя несколько лет Артур нарушит обещание и нападет на Эллу. Я знал это – но опровергать слова короля благоразумно не стал, ибо как тогда притворяться, будто сам я в них верю? Зато я напомнил Артуру о давней клятве, погребенной под камнем у дерева – далеко отсюда.

– Ты ведь клялся убить Эллу. Или клятва позабыта?

– Ныне мне дела нет до клятв, – холодно отрезал Артур и тут же, не сдержавшись, выкрикнул: – И что мне до них? Разве кто-то держит клятвы, данные мне?

– Я держу, господин.

– Тогда повинуйся мне, Дерфель, – коротко бросил он. – Поезжай к Элле.

Я уже понял, что именно этого Артур от меня и потребует. Отозвался я не сразу: постоял немного, наблюдая, как Исса выстраивает малолеток в довольно-таки шаткий щитовой строй. И наконец обернулся к Артуру.

– Я так понял, Элла пообещал казнить твоих послов?

Артур отвел глаза и долго смотрел на далекий зеленый холм.

– Старики говорят, зима грядет суровая, – промолвил он. – Мне нужен ответ Эллы до первого снега.

– Да, господин.

Он, верно, расслышал горькую ноту в моем голосе, потому что вновь оглянулся на меня:

– Элла не станет убивать родного сына.

– Будем уповать, что нет, господин, – кротко отозвался я.

– Ну так поезжай к нему, Дерфель, – повторил Артур. Очень может статься, он только что приговорил меня к смерти, – однако сожаления он не выказал. Он встал, отряхнул белый плащ от налипших травинки. – Если нам удастся весной одолеть Кердика, мы возродим Британию.

– Да, господин, – кивнул я.

Все у него просто: разобьем саксов, а там и Британию возродим. Я задумался: так оно всегда и бывает. Последний рывок, последний великий подвиг, а затем всенепременно – радость и ликование. Отчего-то так никогда не получалось; и все-таки ныне, в отчаянии цепляясь за наш последний шанс, я должен ехать к отцу.

Глава 2

Я – сакс. Саксонку Эрке, мою мать – она в ту пору была мною беременна, – Утер захватил и сделал своей рабыней; я родился вскорости после того. Меня отняли у матери совсем мальцом, но я успел выучить саксонский язык. Позже, гораздо позже, накануне Ланселотова мятежа, я отыскал свою мать и узнал, что отец мой – Элла.

Выходит, я чистокровный сакс и, кроме того, наполовину королевской крови, хотя, воспитанный среди бриттов, никакого родства с саксами я не ощущаю. Для меня, так же как и для Артура, и для любого свободнорожденного бритта, саксы – чума, занесенная к нам из-за Восточного моря.

Откуда они пришли, никому не ведомо. Саграмор – а уж он-то попутешествовал побольше всех Артуровых вождей, вместе взятых, – рассказывает, будто земля саксов – далекий, одетый туманом край болот и лесов, хотя сам признает, что в жизни там не бывал. Он просто знает: это где-то за морем, а саксы, дескать, уплывают оттуда, потому что британская земля – лучше. А еще я слышал, будто родину саксов осаждают враги еще более странные, пришельцы с края света. Как бы там ни было, вот уже сотню лет саксы переплывают море и захватывают нашу землю – и ныне держат под своей рукою всю Восточную Британию. Мы зовем эту украденную территорию Ллогр, Утраченные земли, и во всей свободной Британии не нашлось бы такого человека, который не мечтал бы их отобрать. Мерлин и Нимуэ верят, что землю могут вернуть только боги, Артур надеется сделать это при помощи меча. А мне поручено рассорить наших врагов между собою, чтобы облегчить задачу либо богам, либо Артуру.

Я пустился в дорогу осенью, когда дубы сделались бронзовыми, буки – алыми, а холод затянул рассветы белым маревом. Я поехал один: если Элла вознаградит посла смертью, лучше сократить потери. Кайнвин уговаривала меня взять с собою боевую дружину, но зачем? Отдельный отряд не выстоит против целого воинства Эллы; и вот, когда ветер обрывал первые желтые листья с вязов, я поскакал на восток. Кайнвин пыталась убедить меня дожидаться Самайна, ибо если сработают заклинания Мерлина на Май-Дане, тогда никакое посольство к саксам уже не понадобится, но Артур и думать не желал о задержке. Все свои надежды он возлагал на предательство Эллы и хотел получить ответ от короля саксов. Я отправился в путь, уповая, что как-нибудь да уцелею и вернусь в Думнонию к Самайну. При мне был меч, а на спине висел щит; никакого другого оружия я не взял, равно как и успехов.

Напрямую на восток скакать не стоило: так я оказался бы в опасной близости от земли Кердика. Вместо того я двинулся на север, в Гвент, а уж оттуда свернул к востоку, в направлении саксонской границы, к владениям Эллы. День и еще полдня я ехал через плодородные уголья Гвента, мимо римских вилл и крестьянских дворов. Над отверстиями в крышах курился дым. Скот, предназначенный для зимнего забоя, согнали в луга; под копытами животных земля превратилась в жидкую грязь; унылое мычание задавало меланхолический тон моему путешествию. В воздухе ощущалось первое дыхание зимы, а поутру разбухшее солнце висело в тумане бледным пятном у самого горизонта. На поля, вспаханные под пар, слетались скворцы.

По мере того как я ехал к востоку, пейзаж менялся. Гвент был христианской страной: сначала по пути мне встречались внушительные, богато украшенные церкви, но на второй день церквушки заметно измельчали, а дворы – обеднели, и вот наконец я оказался в срединных землях – в пустошах, где не правили ни саксы, ни бритты, но и те и другие убивали беспрепятственно. Угодья, где некогда кормились целые семьи, густо поросли молодыми дубками, боярышником, березой и ясенем; тут и там торчали голые, обугленные скелеты домов. Однако кто-то жил и здесь; раз, заслышав в рощице шаги, я схватился за Хьюэлбейн, опасаясь лихих людей, что укрывались в здешних диких долинах. Однако никто не докучал мне вплоть до того вечера, когда дорогу преградил отряд копейщиков. То были гвентцы; как и все воины короля

Мэурига, они были экипированы на римский манер: бронзовые нагрудники, шлемы с алым плюмажем из крашеного конского волоса и ржаво-красные плащи. Их предводитель, христианин по имени Кариг, пригласил меня к ним в крепость, что стояла на прогалине среди леса на высоком гребне холма. Каригу была доверена охрана границы; он резко осведомился, по какому делу я еду, но, когда я назвал и сообщил, что послан Артуром, далее расспрашивать не стал.

Каригова крепость представляла собою просто-напросто деревянный частокол, в пределах которого соорудили пару-тройку хибар. Внутри густо нависал дым: костры жгли прямо под крышей. Я согрелся; с десятков воинов Карига поджаривали оленью ногу на вертеле, выструганном из захваченного саксонского копья. Таких крепостей за дневной переход встретишь не меньше дюжины, и все они глядят на восток, стерегут на случай, если Элловы головорезы нагрянут с набегом. Те же меры предосторожности принимала и Думнония, притом что мы держали у границ постоянную армию. Расходов такая армия требовала непомерных, к вящей досаде тех, чьи налоги – зерно, кожа, соль и шерсть – шли на содержание войска. Артур старался облегчить поборы и распределить их бремя по справедливости, хотя теперь, после мятежа, безжалостно драл три шкуры с тех богачей, что пошли за Ланселотом. Этот налог ложился на христиан несоразмерно тяжким гнетом; Мэуриг, христианский король Гвента, выслал протест; Артур его проигнорировал. Кариг, верный слуга короля, обошелся со мной сдержанно, хотя, надо отдать ему должное, сделал все, чтобы предостеречь меня об опасности, поджидающей в саксонских землях.

– Ты ведь знаешь, господин, что саксы никому не позволяют пересекать границу?

– Да, слышал.

– С неделю назад двое торговцев проехали, – рассказывал Кариг. – Горшки везли, шерсть. Я их упредил, но... – Он помолчал, пожал плечами. – Саксы оставили себе и горшки, и шерсть, а обратно прислали два черепа.

– Если получишь мой череп, отошли его к Артуру, – велел я, глядя, как с оленины в пламя капает жир и, ярко вспыхнув, сторает. – А что, из Ллогра тоже никто не едет?

– Вот уж много недель, как никого не было, – отозвался Кариг. – Ну да на будущий год ты, небось, на саксонских копейщиков в Думнонии насмотришься.

– Почему не в Гвенте? – вызывающе парировал я.

– Элла с нами не в ссоре, – твердо отрезал Кариг. Этот ершистый юнец не особо-то радовался своему уязвимому положению на границе Британии, хотя долг исполнял на совесть, а люди его, как я заметил, были неплохо вышколены.

– Вы бритты, Элла сакс, разве одно это уже не повод для ссоры? – отозвался я.

Кариг пожал плечами.

– Думнония слаба, господин, и саксы это знают. Гвент – силен. Саксы нападут на вас, не на нас. – Прозвучало это до отвращения самодовольно.

– Как только саксы расправятся с Думнонией, – сказал я, тронув железную рукоять меча, дабы не накликать несчастья опрометчивым словом, – много ли времени пройдет, прежде чем они явятся на север, в Гвент?

– Христос защитит нас, – набожно произнес Кариг, осеняя себя знаком креста.

На стене хижины висело распятие. Один из воинов облизал пальцы, а затем коснулся ступней претерпевающего муки Господа. Я украдкой сплюнул в огонь.

На следующее утро я поскакал на восток. За ночь напозли тучи, и рассвет приветствовал меня промозглой моросью. Римская дорога, ныне разбитая и заросшая сорной травой, вела в сырой лес, и чем дальше я ехал, тем больше падал духом. Все, что я услышал в пограничном форте Карига, наводило на мысль о том, что Гвент на стороне Артура сражаться не станет. Мэуриг, молодой король Гвента, не отличался воинским рвением. Его отец Тевдрик твердо знал: бриттам должно объединиться против общего врага, но Тевдрик давно отрекся от трона

и поселился монахом близ реки Уай, а сын его в военачальники не годится. Без вымуштрованных гвентских войск Думнония обречена – разве что сияющая нагая нимфа и впрямь предвещает некое чудесное вмешательство богов. Или разве что Элла купится на Артуровы байки. Да полно, примет ли меня Элла? Поверит ли он, что я его сын? Саксонский король был ко мне добр в те несколько раз, что судьба сводила нас вместе, но это ровным счетом ничего не значит. Чем дальше я ехал под жалящей моросью между раскидистыми сырыми деревьями, тем сильнее овладевало мною отчаяние. Я уже не сомневался: Артур послал меня на верную смерть, и хуже того – сделал это с бессердечием азартного игрока, который, в последний раз бросая кости, ставит на кон все, что есть.

Ближе к полудню лес закончился, и я выехал на широкую прогалину, к речке. Дорога подводила к броду и продолжалась на другом берегу, однако у переправы, над бугром высотой человеку по пояс, торчала сухая елка, вся увешанная приношениями. Такой магии я не знал и понятия не имел, оберегает ли разубранное дерево дорогу, умиротворяет ли водяной поток, или здесь просто развлекались дети. Я спешил, пригляделся: на ломких ветвях подрагивали человеческие позвонки. Нет, дети тут ни при чем. Но что же это? Я сплюнул рядом с бугром, чтобы отвести зло, тронул железную рукоять Хьюэлбейна и направил коня через брод.

На другом берегу шагов через тридцать снова начинался лес. Не проехал я и половины этого расстояния, как из полутьмы под сенью ветвей метнули боевой топор – он летел, вращаясь в воздухе, и на лезвии отблескивал пасмурный дневной свет. Бросок был не ахти какой, топор просвистел шагах в четырех от меня. Никто меня не окликнул, но и нового нападения из-за деревьев не последовало.

– Я сакс! – заорал я по-саксонски. Ответа мне не было, зато послышался приглушенный гул голосов и захрустели сучья. – Я сакс! – повторил я, гадая про себя, действительно ли в засаде затаились саксы или, может статься, изгой-бритты, ведь я был в ничьих землях – сюда бежали от правосудия лихие люди всех племен и стран.

Я уже собирался крикнуть по-бриттски, что не замышляю зла, когда из полумрака раздался голос.

– Бросай сюда меч! – приказали мне по-саксонски.

– Подойди и возьми, – предложил я.

Повисло молчание.

– Твое имя? – осведомился голос.

– Дерфель, сын Эллы.

Я бросил им имя отца, словно вызов, и, должно быть, это их смутило, потому что снова раздался невнятный гомон, а минуту спустя шестеро воинов, продравшись сквозь заросли ежевики, вышли на прогалину. Все – в шкурах с густым мехом (саксы носят такие вместо доспехов), и все – с копьями. Один – в рогатом шлеме, по всей видимости предводитель, – направился вдоль обочины дороги ко мне.

– Дерфель, – промолвил он, останавливаясь в пяти-шести шагах от меня. – Дерфель, – повторил он. – Слышал я это имя, да только оно не саксонское.

– Так зовут меня, – отвечал я, – а я сакс.

– Сын Эллы? – подозрительно переспросил он.

– А то.

Мгновение он разглядывал меня. Высоченный, из-под рогатого шлема выбивалась буйная русая грива. Борода доходила чуть ли не до пояса, а усы свисали до верхнего края кожаного нагрудника, надетого под меховым плащом. Верно, местный вождь, а не то так воин, отвечающий за охрану этой части границы. Он покрутил ус свободной рукой, выпустил – завитки распрямились сами собою.

– Хротгара, сына Эллы, знаю, – задумчиво протянул он. – Кюрнинга, сына Эллы, зову другом. Пенду, Иффе и Сэболда, сынов Эллы, видел в битве, но Дерфель, сын Эллы? – Воин покачал головой.

– Он перед тобой, – отозвался я.

Сакс взвесил на руке копье, отмечая, что щит мой по-прежнему висит у седла.

– Слышал я о Дерфеле, друге Артура, – обвиняюще проговорил он.

– Он перед тобой, – повторил я. – У него дело к Элле.

– С бриттами Элла никаких дел не имеет, – отрезал воин, и его люди одобрительно заворчали.

– Я сакс, – парировал я.

– Так что у тебя за дело?

– О том услышит отец мой – от меня. Тебя оно не касается.

Воин обернулся и жестом поманил своих людей.

– Нас – касается.

– Твое имя? – резко осведомился я.

Он замялся было, затем решил, что, назвавшись, ничем особенно не рискует.

– Кеолвульф, сын Эадберта.

– Что ж, Кеолвульф, – промолвил я, – уж верно, мой отец вознаградит тебя, когда узнает, что ты задержал меня в пути? Чего ждешь ты от него? Золота? Или смерти?

Я, конечно, блефовал. И блеф сработал. Я понятия не имел, обнимет ли меня Элла или убьет, но Кеолвульф и впрямь страшился королевского гнева – страшился достаточно, чтобы неохотно позволить мне проехать и снабдить эскортом из четырех копейщиков. Они-то и стали моими проводниками в глубь Утраченных земель – все дальше и дальше.

Так ехал я через те края, куда на памяти вот уже целого поколения свободные бритты почитай что и не заглядывали. То было самое сердце враждебной страны: два дня провел я в дороге. На первый взгляд эта местность не слишком-то отличалась от бриттских земель, ибо саксы захватили наши поля и пашни и теперь возделывали их примерно так же, как прежде мы, хотя я отметил, что их скирды сена будут повыше наших и поквadratнее, а дома – покрепче, понадежнее. Римские виллы стояли по большей части заброшенными, хотя тут и там попадались и жилые усадьбы. Христианских церквей не встречалось, – собственно говоря, вообще никаких святынь я не увидел; разве что один-единственный раз попался по дороге бриттский идол, и тут же были оставлены мелкие подношения. Бритты здесь все еще жили, а некоторые даже владели землей; большинство, однако, составляли рабы либо жены саксов. Все здесь переименовали: мои сопровождающие знать не знали, как эти места назывались во времена бриттов. Мы проехали Личворд и Стеортфорд, затем Леодасхам и Келмересфорг: слова – непривычные, саксонские, а деревни между тем процветали. То были не дома и двory захватчиков и чужаков – нет, то были поселения оседлого народа. От Келмересфорта мы повернули на юг через Беадеван и Викфорд. По пути мои спутники гордо рассказывали мне, что вот эти самые пахотные земли Кердик вернул Элле давешним летом. Этой землей и была куплена верность Эллы в грядущей войне, в ходе которой этот народ пройдет через всю Британию до Западного моря. Мой эскорт нимало не сомневался: саксы победят. Все они слышали, насколько ослабил Думнонию бунт Ланселота: мятеж-то и подтолкнул саксонских королей к мысли объединиться и захватить всю Южную Британию.

Зимовал Элла в местечке, что саксы называли Тунресли. Над глинистыми полями и темными болотами воздвигся холм; с его плоской вершины, если глядеть на юг, за широкую Темзу, глаз различал вдалеке туманные уголья Кердика. На холме высился внушительный чертог: массивное строение из темного дуба. Высокую и крутую шипцовую крышу венчал символ Эллы – выкрашенный кровью бычий череп. Одинокий чертог черной громадой маячил в сумерках – недоброе место, зловещее. Чуть к востоку под кронами деревьев притаилась дереvушка; там

мерцали мириады костров. Похоже, я прибыл в Тунресли в пору большого сбора: костры обозначали место, где гости встали лагерем.

– Пируют, – сообщил один из моих спутников.

– Пир в честь богов? – поллюбопытствовал я.

– В честь Кердика. Он приехал потолковать с нашим королем.

Мои надежды, и без того невеликие, развеялись по ветру. С Эллой у меня еще был какой-никакой шанс уцелеть, но с Кердиком – ни тени шанса. Кердик холоден и жесток, а вот Элла способен на сильные переживания и по-своему даже великодушен.

Я тронул рукоять Хьюэлбейна и подумал о Кайнвин. Попросил богов – хоть бы мне снова ее увидеть. А между тем мы уже приехали; я соскользнул с усталого коня, расправил плащ, снял щит с луки седла и отправился объясняться с врагами.

Здесь, на промозглой вершине холма, в высоком и длинном чертоге, на устланном тростником полу пировали, должно быть, сотни три воинов. Три сотни громогласных весельчаков, бородатых и краснолицых, – эти, в отличие от нас, бриттов, не видели вреда в том, чтобы заявиться в господский пиршественный зал с оружием. В центре пылало три здоровенных костра, а дым нависал так густо, что поначалу я не мог рассмотреть тех, кто сидел за длинным столом в дальнем конце зала. Никто не обратил на меня внимания – ну да при моих-то длинных и светлых волосах и густой бороде я вполне смахивал на саксонского копейщика. Но вот меня провели мимо ревуших костров, какой-то воин разглядел пятиконечную белую звезду на моем щите – и вспомнил знак, с которым сталкивался в битве. В гомон голосов и смеха вплеся глухой рык. Рев распространялся по залу, набирал силу, и вот уже все до одного саксы вопили и выли, а я шел вперед, к почетному столу на возвышении. Оружие воины отставили рога с элем и принялись колотить кулаками по полу или по щитам. Высокая кровля загудела от грозного ритма: в нем звучала сама смерть.

Клинок с грохотом ударился о стол – и шум разом смолк. Это Элла поднялся на ноги – это его меч рубанул по длинному неструганому столу так, что во все стороны полетели щепки. Там, на возвышении, за горой блюд и налитых до края рогов пировали с дюжину воинов. Рядом с Эллой восседал Кердик, а с другой стороны от Кердика – Ланселот. И Ланселот был здесь отнюдь не единственным бриттом. Тут же сгорбился его кузен Борс, а в конце стола пристроились Амхар с Лохольтом, Артуровы сыновья; все – мои заклятые враги. Я тронул рукоять Хьюэлбейна и помолился о хорошей смерти.

Элла неотрывно глядел на меня. Он отлично меня знал – но вот известно ли ему, что я его сын? Ланселот при виде меня явно опешил: залился краской, знаком подозвал толмача, коротко переговорил с ним, и тот наклонился к Кердику и зашептал что-то в монаршее ухо. Кердик тоже меня знал, однако непроницаемое выражение его лица нимало не изменилось: ни при словах Ланселота, ни при виде врага. То было лицо писца – чисто выбритое, с узким подбородком, с широким, высоким лбом. Губы – тонкие, жидкие волосы гладко зачесаны назад и собраны в пучок на затылке; ничем не примечательное лицо – если бы не глаза. Светлые, безжалостные – глаза убийцы.

Элла от изумления словно дар речи утратил. Он был куда старше Кердика, ему уже перевалило за пятьдесят – год, а то и два назад; по любому счету – старик, однако он до сих пор выглядел куда как внушительно. Статный, широкогрудый, лицо гладкое, суровое, нос перебит, щеки в шрамах и черная борода лопатой. На нем было роскошное алое платье и массивная золотая гривна на шее; золото блестело и на запястьях, но никакие украшения не могли скрыть того факта, что Элла в первую очередь солдат – саксонский воин, матерый медведище. На его правой руке недоставало двух пальцев, – верно, в какой-нибудь давней битве оттяпали, и отомстил он, надо думать, презрительно. Наконец Элла нарушил молчание:

– Ты посмел приехать сюда?..

– Дабы повидать тебя, о король, – отвечал я, опускаясь на одно колено. Я поклонился Элле, затем Кердику, но Ланселота словно не заметил. Для меня он был ничтожество, пустое место: один из королей-прихлебателей при Кердике, элегантный бритт-изменник. В смуглом лице читалась неприкрытая ненависть ко мне.

Кердик насадил кус мяса на длинный нож, поднес его было ко рту, но замешкался.

– Мы не принимаем послов от Артура, – небрежно обронил он, – а тех, у кого хватает глупости приехать, мы убиваем. – Он положил мясо в рот и отвернулся, словно уже покончил со мною – разобрался с пустяковым делом. Его воины взревели, требуя моей смерти.

Элла вновь заставил зал замолчать, с грохотом ударив мечом по столу.

– Ты приехал от Артура? – призвал он меня к ответу.

Я решил, что боги неправду простят.

– Я привез тебе привет, о король, от Эрке, – промолвил я, – вместе с сыновним почтением от сына Эрке, который, к вящей его радости, тако же и твой.

Кердику эти слова ничего не сказали. Ланселот внимательно выслушал перевод, вновь горячо зашептал что-то толмачу, и тот опять обратился к Кердику. Я нимало не сомневался, что следующие слова были подсказаны Кердику Ланселотом.

– Он должен умереть, – потребовал Кердик. Говорил он спокойно, точно моя смерть для него – сущая безделица. – Мы связаны договором, – напомнил он Элле.

– Договор гласит: нам не должно принимать посланцев от наших врагов, – отозвался Элла, по-прежнему неотрывно глядя на меня.

– А это кто, по-твоему? – рявкнул Кердик, в кои-то веки не сдержавшись.

– Это мой сын, – просто сказал Элла, и по битком набитому залу прокатился сдавленный вздох. – Он мой сын, – повторил Элла, – так?

– Так, о король.

– У тебя есть еще сыновья, – равнодушно бросил Кердик и жестом указал на бородатых воинов, сидящих по левую руку от Эллы. Бородачи – надо думать, мои сводные братья? – озадаченно пялились на меня. – Он привез послание от Артура! – настаивал Кердик. – Этот пес, – он ткнул ножом в мою сторону, – всегда служил Артуру.

– Ты привез послание от Артура? – осведомился Элла.

– Слова от сына к отцу, и только, – вновь солгал я.

– Смерть ему! – коротко отрезал Кердик, и все его сторонники заворчали в знак согласия.

– Я не стану убивать родного сына в моем собственном чертоге, – возразил Элла.

– Я могу помочь, – ехидно отозвался Кердик. – Если к нам приедет бритт, да будет он зарублен на месте. – Эти слова он произнес, обращаясь ко всему залу. – Так договорено меж нами! – настаивал Кердик. Его люди одобрительно взревели и принялись колотить древками копий по щитам. – Эта тварь, – Кердик указал на меня, – сакс, сражающийся под знаменами Артура! Он гад, а тебе ли не знать, что мы делаем с гадами!

Воины оглушительно завопили, требуя моей смерти; завыли и залаяли псы, внося свою лепту в общий гвалт. Ланселот с каменным лицом наблюдал за мной, Амхару с Лохольтом явно не терпелось изрубить меня на куски. Лохольт ненавидел меня лютой ненавистью: это я держал его руку, когда отец отсек ему правую кисть.

Элла дождался, пока шум стихнет.

– В моем чертоге, – произнес он, особо подчеркивая «в моем»: ежели кто забыл, так правит здесь он, а не Кердик, – воин умирает с мечом в руке. Кто захочет убить Дерффеля, пока тот при мече? – И он оглядел зал, приглашая бросить мне вызов. Все промолчали. Элла посмотрел на союзного короля сверху вниз. – Я не нарушу нашего договора, Кердик. Наши копья выступят вместе, и никакие слова моего сына не поставят под угрозу нашу победу.

Кердик поковырял в зубах, извлекая ошметок мяса.

– Из его черепа, – заметил он, указывая на меня, – выйдет недурной битвенный стяг. Я хочу, чтобы он умер.

– Ну так ты его и убей, – презрительно бросил Элла. Союз союзом, но особой любви друг к другу короли не питали. Элла терпеть не мог молодого выскочку Кердика, а Кердик полагал, что старику недостает жестокости.

Кердик улыбнулся подначке краем губ.

– Не я, – кротко отозвался он, – но мой первый воин сделает это. – Кердик оглядел зал, высмотрел нужного человека, указал на него пальцем. – Лиова! Здесь гад. Убей его!

Воины восторженно загомонили. Они заранее предвкушали битву, и, уж конечно, еще до того, как настанет утро, выпитый эль подтолкнет их не к одной кровопролитной стычке, но смертный поединок между защитником короля и сыном короля – развлечение получше, нежели пьяная драка, и, уж верно, позанятнее, чем брэнчание двух арфистов по углам зала.

Я обернулся поглядеть на противника, от души надеясь, что тот уже изрядно набрался и Хьюэлбейн играючи с ним управится, но из толпы пирующих вышел человек, менее всего отвечающий моим предположениям. Я-то думал, он окажется здоровяком под стать Элле, но нет: поединщик был сухощав, гибок, на спокойном смышленном лице – ни единого шрама. Он скользнул по мне невозмутимым взглядом, сбросил плащ, извлек из кожаных ножен длинный тонкий клинок. Украшений на воине почти не было, если не считать простой серебряной гривны на шее, а одежда не отличалась броской пышностью, свойственной большинству защитников. Все в нем говорило: вот опытный, уверенный в себе боец, а гладкое, без рубцов и шрамов лицо свидетельствовало либо о баснословной удаче, либо о непревзойденном мастерстве. Вот он вышел на открытое место перед возвышением и поклонился королям: выглядел он пугающе трезвым.

Элла явно встревожился.

– Цена разговора со мной – выстоять против Лиовы, – объявил он мне. – Либо уезжай прямо сейчас – вернешься домой живым и невредимым.

При этом предложении воины глумливо захохотали.

– Я бы поговорил с тобой, о король, – промолвил я.

Элла кивнул и сел. Вид у него был подавленный – я догадался, что репутация у Лиовы грозная. Уж конечно, боец он хороший, иначе не стал бы защитником Кердика, но что-то в лице Эллы подсказало мне: Лиова не просто хорош.

Ну что ж, у меня репутация тоже не из последних. Вон и Борс, похоже, встревожился – настойчиво нашептывает что-то на ухо Ланселоту. Ланселот, едва его двоюродный брат закончил, подозвал толмача, а тот, в свою очередь, переговорил с Кердиком. Король выслушал – и угрюмо воззрился на меня.

– Как знать, Элла, что этот твой сын не имеет при себе какого-нибудь Мерлинова амулета? – осведомился он.

Саксы, что всегда боялись Мерлина, при этом предположении гневно заворчали.

Элла нахмурился.

– Есть при тебе амулет, Дерфель?

– Нет, о король.

Но убедить Кердика было не так-то просто.

– Эти люди распознают Мерлинову магию, – настаивал он, указывая на Ланселота с Борсом.

Кердик переговорил с толмачом, тот передал Борсу его приказ. Борс пожал плечами, встал, обошел стол кругом, спустился с возвышения. Нерешительно приблизился ко мне; я широко развел руки, давая понять, что не замышляю зла. Борс осмотрел мои запястья – верно, искал сплетенные из трав браслеты либо какой другой талисман, – затем распустил шнуровку моей кожаной куртки.

– Остерегайся его, Дерфель, – шепнул он по-бриттски, и, к вящему своему изумлению, я осознал, что Борс, выходит, мне вовсе не враг. Он убедил Ланселота с Кердиком, что меня необходимо обыскать, только того ради, чтобы тайком предостеречь меня. – Ублюдок проворен, как куница, – продолжал между тем Борс, – и сражается что правой рукой, что левой. Притворится, что поскользнулся, – тут-то и берегись! – Между тем Борс углядел маленькую золотую брошь – подарок Кайнвин. – Зачарована? – спросил он.

– Нет.

– Ну да у меня она сохраннее будет, – сказал он, отстегивая брошь и показывая ее залу. Воины негодующе взревели: да как я посмел скрывать на себе талисман!

– И щит мне тоже отдай, – сказал Борс, ибо у Лиовы щита не было.

Я выпростал левую руку из-под ремня и вручил щит Борсу. Борс прислонил его к возвышению, осторожно пристроил брошь Кайнвин на верхний край щита. Обернулся ко мне, словно проверяя, видел ли я, куда он положил украшение, – и я кивнул.

Защитник Кердика рубанул мечом дымный воздух.

– Сорок восемь человек убил я в поединках, – сообщил он мне мягким, скупающим голосом, – а скольких сразил в бою, не скажу: счет потерял. – Он помолчал, провел рукой по лицу. – От всех этих битв у меня ни шрама не осталось. Хочешь умереть быстро, сдавайся сейчас.

– Можешь отдать мне меч, – отвечал я, – тогда обойдется без трепки.

Обмен оскорблениями был чистой воды формальностью. В ответ на мое предложение Лиова лишь пожал плечами – и обернулся к королям. Снова им поклонился, я поступил так же. Мы стояли на расстоянии десяти шагов друг от друга в центре открытого пространства между возвышением и ближайшим из трех громадных очагов, а по обеим сторонам зала теснились возбужденные зрители. Позвякивали монеты – это зрители бились об заклад.

Элла кивнул, давая дозволение начинать. Я извлек из ножен Хьюэлбейн, поднес рукоять к губам и поцеловал осколок свиной косточки, вставленный в рукоять. Эти две костяные пластинки и были для меня настоящим амулетом – куда более могущественным, нежели брошь, ибо некогда были орудиями Мерлиновой магии. Косточки не наделяли меня волшебной неуязвимостью, но я снова поцеловал рукоять и обернулся к Лиове.

Наши мечи тяжелы и неуклюжи, в сражении они быстро тупятся и превращаются в подобие здоровенных железных дубинок, – чтобы с такими управляться, нужна недюжинная мощь. Никакой такой утонченности в мечевом бою нет, есть – мастерство. А мастерство подразумевает хитрость: убеждаешь противника, что удар придет слева, а сам внезапно атакуешь справа. Впрочем, мечевые поединки выигрывают, как правило, не такого рода уловками, но грубой силой. Один из бойцов устанет, потеряет бдительность, тут-то победитель и зарубит его насмерть.

Но Лиова сражался иначе. Воистину, ни до того, ни после мне не доводилось иметь дело с таким противником, как этот Лиова. Не успел он приблизиться, а я уже почувствовал разницу, ибо его клинок, длиной не уступающий Хьюэлбейну, был куда тоньше и легче. Он пожертвовал весом ради скорости, и я понял: этот воин и впрямь так проворен и быстр, как предупреждал меня Борс, – быстр как молния; и не успел я толком осознать, что происходит, как он уже атаковал, – вот только вместо того, чтобы широко размахнуться мечом, он сделал стремительный выпад, нацелившись пропороть острием мышцы моей правой руки.

Я шагнул в сторону. В поединке все случается так быстро, что впоследствии, когда пытаешься мысленно восстановить ход событий, невозможно вспомнить каждое движение и каждую контратаку, но я видел, как блеснули его глаза, понял, что меч его способен наносить только колющие удары, и, едва он прынул вперед, я увернулся. Сделал вид, будто ничуть не удивлен выпадом столь стремительным, парировать не стал, просто прошел мимо, – а в следу-

ющий миг, рассчитывая, что противник потеряет равновесие, зарычал и рубанул Хьюэлбейном назад – этаким ударом можно быка выпотрошить.

Лиова отпрыгнул – равновесия он терять и не думал! – раскинул руки пошире, так что мой клинок просвистел в шести дюймах от его живота, не причинив ни малейшего вреда. Он-то думал, я размахнусь снова, но нет: я ждал, что предпримет он. Зрители громко вопили, требуя крови, но я их не слышал. Я неотрывно глядел в спокойные серые глаза Лиовы. Вот он взвесил меч в правой руке, молниеносно подался вперед, легко коснувшись моего лезвия, и с размаху атаковал меня.

Я с легкостью парировал, затем встречным движением отбил круговой удар под ребра – пришедший так же естественно, как день следует за ночью. Лязг стоял оглушительный, но я чувствовал: Лиова бьется не в полную силу. Да, сражался он ровно так, как я и ожидал, но при этом он еще и оценивал меня, подбираясь все ближе и обрушиваясь на меня снова и снова. Я парировал рубящие удары, а они между тем становились все мощнее; и вот, когда я ожидал, что уж теперь-то он мне вломит по-настоящему, Лиова удержал клинок на середине замаха, переброшил меч из правой руки в левую и рубанул прямо, целясь точно мне в голову. Стремительно, как бросок гадюки.

Этот прямой натиск Хьюэлбейн остановил. Сам не знаю, как ему это удалось. Только что я парировал удар сбоку, а в следующий миг меча там почему-то уже не было, а над головой моей нависла смерть, и все же клинок мой каким-то непостижимым образом оказался в нужном месте, и легкое Лиовино лезвие соскользнуло к рукояти Хьюэлбейна, а я попытался перевести отбив в контрвыпад, да только в движении моем не было нужной силы, и противник легко отскочил назад. Теперь уже я продолжал наступать, нанося рубящий удар за ударом, вот только я-то, в отличие от Лиовы, вкладывал в них всю свою мощь, так что любой из них выпустил бы недругу кишки, а натиск мой был столь могуч и стремителен, что у Лиовы не оставалось иного выбора, кроме как отходить. Он отражал мои атаки с той же легкостью, как и я – его, да только сопротивлялся он словно бы не всерьез. Он давал мне замахнуть как следует и, вместо того чтобы обороняться мечом, просто отступал – отступал все дальше, а я впустую растрчивал силы, рассекая клинком воздух, а не кости, мышцы и плоть. На последнем рубящем ударе я остановил клинок в середине замаха и поворотом кисти направил Хьюэлбейн точнехонько противнику в живот.

Меч Лиовы качнулся в сторону выпада – а в следующий миг обрушился на меня в ответном ударе, сам же Лиова отступил чуть в сторону. Я мгновенно повторил его обходной маневр, так что оба выпада не прошли в цель. Вместо того мы сошлись вплотную; я почувствовал его дыхание. Нет, пьян Лиова не был, но слабый запах эля я ощутил. На долю секунды противник мой застыл неподвижно, затем учтиво отвел руку с мечом в сторону и вопросительно посмотрел на меня: дескать, согласен ли я разойтись? Я кивнул, мы оба отступили назад, разведя мечи как можно дальше; толпа взволнованно загомонила. Люди знали: на их долю выпало редкое зрелище. Лиова стяжал среди них великую славу, и смею сказать, что и у меня было имя не из последних, но я понимал: противник будет посильнее меня. Мое мастерство – если тут вообще уместно говорить о мастерстве – было мастерством солдата. Я знал, как проломить щитовой строй, умел сражаться копьем и щитом и мечом и щитом, но Лиова, поединщик Кердика, обладал одним-единственным талантом – биться в поединке один на один с мечом в руках. Он был смертоносен.

Мы разошлись на шесть-семь шагов, Лиова прыгнул вперед – изящно и легко, словно танцуя, – и молниеносно обрушился на меня. Хьюэлбейн жестко парировал рубящий удар; Лиова, явно дрогнув, уклонился от мощного отбива. От моего внимания это не укрылось. Я, верно, оказался проворнее, чем он ожидал, или, может, Лиова сегодня двигался медленнее обычного, ведь даже небольшое количество выпитого эля замедляет движения. Есть на свете

воины, что выходят на бой только под куражом, но те, что сражаются на трезвую голову, живут долее прочих.

Я все гадал про себя: что с ним не так? Ранить я противника не ранил – но чем-то явно встревожил. Я снова рубанул наотмашь, он отскочил назад – и я воспользовался очередной паузой, чтобы подумать. Так отчего же Лиова дрогнул? И тут я вспомнил, как слабо он парирует, и понял: он не решается выставлять свой клинок против моего, уж больно тот легкий. Если мне удастся ударить по Лиовиному мечу со всей силы, так я, пожалуй, его и переломлю. Я снова ринулся в атаку, но на сей раз не остановился, а продолжал наступать: я прорывался все ближе – и орал на противника, и проклинал его воздухом, огнем и морем. Я обзывал его бабой, я плевал на его могилу и на сучью могилу, где зарыта его мать, и за все это время противник мой не произнес ни слова, но лишь встречал мой клинок своим и сводил его в сторону – неизменно отступая назад, а светлые глаза пристально наблюдали за мной.

И тут Лиова поскользнулся. Он словно бы оступился на обрывке тростника – и подвернул правую ногу. Опрокинулся на спину, зашарил левой рукой по полу, пытаясь найти опору, а я свирепо взревел и высоко занес Хьюэлбейн.

А затем шагнул в сторону, даже не попытавшись довести до конца смертоносный удар.

Об этом трюке меня и предостерегал Борс – и я его ждал. Смотрелось великолепно, что и говорить: я чуть не позволил себя одурачить, я готов был поклясться, что поскользнулся противник по чистой случайности. Но Лиова был не только мечником, но еще и акробатом, и мнимая потеря равновесия обернулась молниеносным гибким движением, и меч его, описав круг, с размаху пришелся туда, где должны были быть мои ноги. По сей день слышу, как тонкое, легкое лезвие со свистом рассекает воздух в каких-то нескольких дюймах от усыпанного тростником пола. Предполагалось, что удар придется мне по лодыжкам и непременно меня исколечит, – да только меня там уже не было.

Я отошел назад и теперь невозмутимо наблюдал за противником. Тот удрученно глядел на меня снизу вверх.

– Вставай, Лиова, – произнес я ровным голосом, давая ему понять, что моя недавняя ярость – не более чем притворство.

Думаю, тогда-то Лиова и понял, что я в самом деле опасен. Он сморгнул раз и другой: верно, использовал на меня все свои лучшие трюки, да только ни один не сработал, и уверенности у него резко поубавилось. Но мастерство осталось: Лиова стремительно прынул ко мне, пытаясь оттеснить меня назад блистательной последовательностью коротких режущих и внезапных круговых ударов и быстрых выпадов. Круговые удары я парировать не пытался, а прочие отводил как мог легким касанием меча, пытаясь сбить противника с ритма. Но наконец одна из атак увенчалась успехом: рубящий удар пришелся мне в левое предплечье. Кожаный доспех выдержал, но синяк остался отменный – целый месяц не сходил. Толпа так и охнула. Зрители наблюдали за битвой, затаив дыхание: всем не терпелось увидеть первую кровь. Лиова рывком потянул застрявший в коже меч на себя, пытаясь прорезать доспех насквозь, до кости, но я отдернул руку, сделал выпад Хьюэлбейном и заставил противника отступить.

Лиова ждал, что я продолжу атаковать, но теперь настала моя очередь опробовать трюк-другой. Я намеренно не двинулся ему навстречу, но вместо того опустил меч на несколько дюймов ниже, чем следовало, и тяжело задышал. Встряхнул головой, пытаясь отбросить пропитанные потом пряди со лба. У огромного очага и впрямь было жарко. Лиова настороженно наблюдал за мной. Он видел, что я выдохся, видел, что меч дрогнул в моей руке, но тот, кто убил сорок восемь воинов, зря не рискует. Лиова обрушил на меня молниеносный рубящий удар, проверяя реакцию. Рубанул с коротким замахом – такой удар требует отбива, но не приходит в цель с сокрушающей силой под стать лезвию топора, что вгрызается в плоть. Парировал я с запозданием – нарочно, конечно! – более того, позволил острию Лиовиного клинка задеть мне плечо, в то время как Хьюэлбейн с лязгом пришелся в наиболее широкую часть меча, у

основания гарды. Я крикнул, притворился, что замахваюсь, Лиова легко и непринужденно уклонился в сторону – и я отвел клинок назад.

Я снова выждал. Лиова сделал выпад. Я резко отбил его меч, но на сей раз даже не попытался перейти к ответной атаке. Зрители смолкли: почуяли, что поединок близится к концу. Лиова снова прынул вперед, я снова парировал. Он предпочитал выпады – так можно заколоть противника, не подвергая опасности драгоценный клинок, но я знал: если я стану отбивать эти быстрые атаки слишком часто, он в конце концов прикончит меня добрым старым способом. Лиова повторил прием еще дважды, первый выпад я неуклюже остановил, от второго ушел, а затем принялся тереть глаза левым рукавом, словно их ел пот.

Тут-то Лиова и ударил наотмашь. В первый раз за весь поединок он пронзительно крикнул, размахнулся как следует высоко над головой – и меч пошел наискось, метя мне в шею. Я легко заблокировал, пошатнулся, но благополучно дал его клинку соскользнуть вниз по лезвию Хьюэлбейна, затем чуть опустил меч – и Лиова сделал ровно то, чего я от него ждал.

Он с силой замахнулся назад. Быстро, умело – но я уже успел оценить его скорость, и я уже вывел Хьюэлбейн вперед и вверх на встречном ударе, ничуть не менее стремительном. Я сжал рукоять обеими руками и всю свою мощь вложил в этот сокрушительный натиск снизу вверх, метя не в Лиову, но в его меч.

Мечи скрестились.

Только на сей раз звона не было. Был резкий треск.

Клинок Лиовы сломался. Верхние две трети отлетели в сторону, на посыпанный тростником пол; в руках у него остался лишь обрубок. В лице Лиовы отразился ужас. В первое мгновение он попробовал было атаковать меня обломком меча, но я быстро рубанул Хьюэлбейном раз и другой и оттеснил его назад. Лиова уже понял: я ничуть не устал. Понял, что обречен. И все-таки он попытался парировать Хьюэлбейн, но мой клинок играючи отбил жалкий металлический огрызок и резко пошел вперед.

Я приставил меч к его шее – там, где поблескивала серебряная гривна.

– О король! – крикнул я, по-прежнему глядя на Лиову – глаза в глаза. В чертоге повисла тишина. Все словно онемело: на глазах у саксов их первый воин проиграл поединок. – О король! – повторил я.

– Лорд Дерфель? – откликнулся Элла.

– Ты велел мне сразиться с защитником короля Кердика, но убивать его ты мне не приказывал. Я прошу у тебя его жизнь.

Элла помолчал.

– Его жизнь принадлежит тебе, Дерфель.

– Сдаешься? – спросил я Лиову. Ответил он не сразу. Его гордость все еще не могла смириться с поражением, но, пока тот колебался, я перевел острие Хьюэлбейна от его глотки к правой щеке. – Ну? – подсказал я.

– Сдаюсь, – проговорил он и отбросил обломок меча.

Я нажал на Хьюэлбейн – не сильно, всего лишь содрал кожу со скулы.

– Шрам тебе на память, Лиова, – о том, что ты сражался с лордом Дерфелем Кадарном, сыном Эллы, и проиграл, – промолвил я и отошел.

Лиова остался стоять, порез сочился кровью. Толпа разразилась восторженными воплями. Странные все же существа люди. То они требуют моей смерти, а то громко восхваляют меня за то, что я пощадил их защитника. Я забрал брошь Кайнвин, подхватил щит, обернулся к отцу.

– Я привез тебе привет от Эрке, о король, – промолвил я.

– И я ему рад, лорд Дерфель, – отозвался Элла, – очень рад.

Король жестом указал на место слева от себя, где еще недавно сидел один из его сыновей. Вот так я присоединился к врагам Артура за высоким столом. И попиrowал всласть.

Когда пир закончился, Элла увел меня в свои покои сразу за возвышением. Комната была просторная, с высокими сводами, посреди нее пылал очаг, а под торцевой стеной возвышалось ложе из шкур. Элла закрыл дверь, загодя выставив в коридоре стражу, затем жестом пригласил меня присесть на деревянный сундук у стены, а сам отошел в дальний конец спальни, приспустил штаны и помочился в сточное отверстие в деревянном полу.

– Лиова быстр, – отметил он, отливая.

– Это верно.

– Я думал, он тебя одолеет.

– Не настолько он быстр, – возразил я, – или, может, выпитый эль на нем сказался. А теперь сплунь туда.

– Куда сплунуть? – не понял отец.

– В мочу. Чтобы отвести зло.

– Моим богам дела нет ни до мочи, ни до плевков, Дерфель, – усмехнулся он. Элла пригласил в комнату двоих сыновей, и теперь эти двое, Хротгар и Кюрнинг, с любопытством наблюдали за мной. – Ну так что за послание шлет Артур? – осведомился король.

– А зачем бы ему что-то слать?

– Да потому, что иначе ты бы сюда не приехал. Ты что, думаешь, тебя дурень набитый на свет породил? Ну так чего Артуру занудилось? Нет, не отвечай, дай я сам догадаюсь. – Элла затянул завязки штанов, отошел от дыры и уселся в единственное кресло в комнате – римское, с подлокотниками, из черного дерева, инкрустированного слоновой костью, хотя фрагменты узора по большей части давно осыпались. – Он предложит мне в залог землю, если я нападу на Кердика в будущем году, верно?

– Да, господин.

– Так мой ответ – нет, – проворчал Элла. – Он сулит мне то, что и без того принадлежит мне! И что это за предложение?

– Бессрочный мир, о король, – сказал я.

Элла улыбнулся:

– Когда человек обещает что-то на веки вечные, он играет с правдой. Вечного ничего не бывает, мой мальчик, ничего. На будущий год мои копыя выступят заодно с Кердиком, так Артуру и скажи. – Он рассмеялся. – Ты даром потратил время, Дерфель, но я рад, что ты приехал. Завтра мы потолкуем об Эрке. Тебе нужна женщина на ночь?

– Нет, о король.

– Твоя принцесса ничего не узнает, – поддразнил он.

– Нет, о король.

– И он еще зовет себя моим сыном! – расхохотался Элла, а вслед за ним засмеялись и его сыновья.

Оба высокие, статные; волосы потемнее моих, но, думается, на меня они походили изрядно, а еще подозревал я, что их пригласили в покои не просто так, а в свидетели разговора – дабы они передали остальным саксонским вождям, что от предложения Элла отказался наотрез.

– Спать будешь снаружи, у моей двери, – распорядился Элла, жестом выпроваживая сыновей из комнаты, – там ты в безопасности. – Он дождался, чтобы Хротгар и Кюрнинг вышли за порог, и удержал меня. – Завтра, – проговорил отец, понизив голос, – Кердик уберется домой и Ланселота с собой прихватит. Кердик, конечно, заподозрил недоброе – с какой стати я тебя не прикончил? – ну да это я переживу как-нибудь. Мы потолкуем завтра, Дерфель, и для твоего Артура у меня найдется ответ подлиннее. Не тот ответ, которого он ждет, но, может, стерпится – слюбится. Теперь ступай: я жду гостей.

Я прилег на узком пяточке между возвышением и дверью в отцовские покои. Ночью мимо меня к ложу Эллы проскользнула девушка, а в зале войны все пели, и дрались, и пили, и со временем наконец заснули, хотя последний из них захрапел уже с рассветом. Тогда-то я и проснулся: услышал, как перекликаются петухи на холме Тунресли. Я пристегнул Хьюэлбеин, взял плащ и щит, прошел мимо догорающих углей и вышел на обжигающе студеном воздухе. Над плоской возвышенностью нависала дымка, загустевая до тумана ниже по склонам – там, где Темза, разлившись, впадает в море. Я отошел от чертога к гребню холма и оттуда долго глядел вниз, на белое марево над рекой.

– Господин мой король приказал мне убить тебя, буде я повстречаю тебя одного, – раздался голос за моей спиной.

Я обернулся. Передо мной стоял Борс, двоюродный брат и защитник Ланселота.

– Прими мою благодарность, – промолвил я.

– За то, что предостерег тебя насчет Лиовы? – Борс пожал плечами: какие, мол, пустяки. – То-то проворен, шельмец, а? Проворен и смертоносен. – Борс подошел поближе, вгрызся в яблоко, решил, что уж больно мякотное, выбросил. Этот здоровяк-воин – один из многих! – этот покрытый шрамами, чернобородый копейщик сражался в щитовом строю невесть сколько раз, и невесть сколько друзей погибло у него на глазах... Борс сыто рыгнул. – Я не прочь подраться, чтобы возвести моего родича на трон Думнонии, – промолвил он, – но биться на стороне сакса? Еще не хватало! Опять же невелика радость – стоять и глядеть, как тебя изрубят на кусочки на забаву Кердику.

– Но на следующий год, лорд, ты выступишь на стороне Кердика.

– Да ну? – иронически протянул Борс. – Вот уж не знаю, Дерфель, что будет в следующем году. Может, поплыву в Лионесс? Говорят, красивее тамошних женщин в целом мире не сыщешь. Волосы – из серебра, тела – из золота, сами – немые. – Он расхохотался, достал из кошелька еще одно яблоко, отполировал его о рукав. – Вот господин мой король, – проговорил он, разумея Ланселота, – он-то станет сражаться на стороне Кердика, ну да что ему остается? От Артура он доброго приема не дожидается.

Я наконец понял, к чему клонит Борс.

– Господин мой Артур с тобою не в ссоре, – тщательно подбирая слова, проговорил я.

– Вот и я с ним не в ссоре, – отозвался Борс, хрустя яблоком. – Так что, может статься, мы еще встретимся, лорд Дерфель. Какая жалость, что мне не довелось отыскать тебя нынче утром. Господин мой король щедро заплатил бы мне за твою смерть. – Он широко усмехнулся и зашагал прочь.

Два часа спустя Борс покинул Тунресли вместе с Кердиком: я видел, как они скачут вниз по холму, туда, где тающий туман разодран в клочья алыми кронами деревьев. С Кердиком отбыла сотня воинов: едва ли не все они мучились последствиями ночного пира, точно так же как и люди Эллы, посланные им в сопровождение. Я ехал позади Эллы, его коня вели в поводу, а сам он шел рядом с королем Кердиком и Ланселотом. За ними, след в след, шагали двое знаменосцев: один нес забрызганный кровью бычий череп на шесте – стяг Эллы, другой вздымал Кердиков стяг – выкрашенный красным волчий череп, задрапированный человеческой кожей. Ланселот меня игнорировал. Поутру, когда мы неожиданно столкнулись друг с другом в пиршественном зале, он просто посмотрел сквозь меня, да и я его словно не заметил. Ланселотовы люди убили мою меньшую дочку, и хотя с убийцами я расправился, но не отказался от мысли отомстить за душу Диан самому Ланселоту, да только Эллин чертог был неподходящим местом. Теперь с поросшего травой гребня над илистыми берегами Темзы я наблюдал, как Ланселот и его немногочисленная свита шагают к кораблям Кердика.

Только близнецы Амхар с Лохольтом дерзнули бросить мне вызов. Эти угрюмые юнцы ненавидели своего отца и презирали мать. Они почитали себя принцами, но Артур титулы ни во что не ставил и в пресловутой чести им отказал, отчего они еще больше озлобились. Братья

считали, что их незаконно лишили королевского достоинства, земли, богатства и почестей, и готовы были сражаться под чьими угодно знаменами, лишь бы против Артура, которого они винили во всех своих неприятностях. Культа правой руки Лохольта была оправлена в серебро, и к обрубку крепились два медвежьих когтя. Лохольт-то ко мне и обернулся:

– Увидимся на будущий год.

Я понимал, что он ищет ссоры, но голоса не повысил:

– С нетерпением жду этой встречи.

Лохольт воздел оправленную в серебро культу, напоминая мне, как я некогда держал руку пленника, а его отец нанес удар Экскалибуром.

– Ты должен мне кисть руки, Дерфель.

Я промолчал. Подошел Амхар и встал рядом с братом. Оба унаследовали отцовскую внешность – широкую кость, вытянутую челюсть, – но их черты отравило мрачное недовольство, а от Артуровой силы и следа не осталось. Хитрые лица, недобрые; едва ли не волчьи.

– Ты меня разве не слышал? – осведомился Лохольт.

– Радуйся, что одна рука у тебя осталась, – промолвил я. – Что до моего долга тебе, Лохольт, я заплачу его Хьюэлбейном.

Близнецы замешкались, но, не будучи уверены, поддержит ли их стража Кердика, ежели они обнажат мечи, наконец успокоились на том, что плюнули в мою сторону, развернулись и размашисто зашагали к илистой отмели, где дожидались две Кердиковы ладьи.

Побережье под Тунресли являло собою жалкое зрелище: не то земля, не то море, где река и океан, сойдясь вместе, породили унылый пейзаж – илистые наносы, и мелководья, и прихотливые переплетения заливов. Стонали чайки; копейщики Кердика прошлепали по вязкой береговой полосе, перешли вброд неглубокую бухточку и перебрались через деревянный планшир на баркасы. Я видел, как Ланселот, опасливо обходя вонючую грязь, изящно приподнимает плащ. Лохольт и Амхар шли за ним; добравшись до корабля, они обернулись и указали на меня пальцами – жест этот приносит несчастье. Я их проигнорировал. Паруса уже подняли, но ветер дул слабый, и Кердиковым копейщикам пришлось выводить обе крутогрудые ладьи из узкой мелеющей бухточки, маневрируя с помощью длинных весел. Едва украшенные изображением волков бушприты развернулись в сторону открытого моря, воины-гребцы, задавая ритм, затянули песню: «Так-растак твою милку, и так-растак твою мать, и так-растак твою девку, и так-растак и в кровать». С каждым новым «так-растак» они вопили все громче и с силой налегали на длинные весла; два корабля набирали скорость, пока наконец вокруг их парусов с грубо намалеванными волчьими мордами не за клубился туман. «И так-растак твою милку, – завели гребцы вновь, только теперь голоса тонули в водяной дымке, – и так-растак твою мать, – и низкие корпуса таяли в тумане, пока наконец корабли вовсе не исчезли в белесом мареве, – и так-растак твою девку, и так-растак и в кровать». Последний отзвук донесся словно из ниоткуда и угас вместе с плеском весел.

Двое из людей Эллы посадили короля на коня.

– Ты выспался? – осведомился он, устраиваясь в седле поудобнее.

– Да, о король.

– У меня-то нашлось занятие получше, – коротко отозвался он. – Теперь следуй за мной. – Элла ударил коня каблуками и направил его вдоль береговой полосы. Был отлив: бухточки мелели на глазах, на воде играла рябь. Тем утром в честь отъезжающих гостей Элла оделся как король-воитель. Плюмаж из черных перьев увенчал железный шлем, отделанный золотом; кожаный нагрудник и высокие сапоги были выкрашены в черный цвет; с широких плеч спадал длинный черный бобровый плащ, на фоне которого низкорослая лошадка казалась и вовсе карлицей. За нами следовала дюжина верховых воинов, один из них нес стяг с бычьим черепом. Элла, как и я, наездник был неважнецкий. – Я знал, что Артур пошлет тебя, – внезапно проговорил он.

Я промолчал, и Элла обернулся ко мне:

– Стало быть, ты нашел свою мать?

– Да, о король.

– И как она?

– Постарела, – честно ответил я. – Постарела, обрюзгла, недужна.

Элла удрученно вздохнул:

– Начинают они как юные девушки – такие прекрасные, что разобьют сердце целому воинству, а народают пару детей – и все как одна превращаются в обрюзглых, недужных старух. – Он помолчал, обдумывая эту мысль со всех сторон. – Но отчего-то мне верилось, что с Эрке такого никогда не случится. Уж больно была красива, – грустно заметил он и тут же расплылся в усмешке. – Ну да спасибо богам, в молоденьких никогда недостатка нет, э? – Элла расхохотался и вновь оглянулся на меня. – Когда ты в первый раз назвал мне имя матери, я сразу понял, ты мой сын. – Он помолчал. – Мой первенец.

– Твой первенец и бастард, – отозвался я.

– Что с того? Кровь есть кровь, Дерфель.

– И я горжусь тем, что в моих жилах течет твоя, о король.

– Вот и правильно, мальчик; хотя многие, очень многие скажут о себе то же. Своей кровью я всегда делился щедро. – Элла прыснул, поворотил коня на илистую отмель и, прищипывая, погнав его по скользкому склону туда, где на берегу рассыхалась целая флотилия. – Ты только погляди на них, Дерфель! – велел мне отец, натягивая поводья и указывая на ладьи. – Погляди на них! Сейчас они ни на что не годны, но почитай что все они приплыли не далее как нынче летом, и каждый битком набит народом по самый планшир. – Элла вновь ударил коня каблуками, и мы неспешно поехали вдоль обшарпанной череды вытасненных на берег судов.

На илистой отмели завязло восемь, а то и девять десятков кораблей. Все до одного измятые, с симметричными носом и кормой, и все они разрушались и гнили. Обшивка позеленела от липкой слизи, днища залила вода, шпангоуты почернели и рассыпались трухой. Иные – те, что, верно, простояли тут больше года, – превратились в темные скелеты.

– По шесть десятков человек на каждом судне, Дерфель, – промолвил Элла, – никак не меньше шести десятков, и с каждым приливом приходили все новые. Теперь, когда в открытом море бушуют шторма, никто уже не плывет, зато строятся новые корабли – те, что придут по весне. И не только сюда, Дерфель, но по всему побережью! – Элла широко взмахнул рукой, словно пытаясь охватить весь восточный берег Британии. – Тьмы и тьмы кораблей! И на всех – мои соплеменники, всем им нужен дом, нужна земля! – Последнее слово он яростно выкрикнул и, не дожидаясь ответа, резко поворотил коня. – Едем! – крикнул он, и я последовал за ним через взбаламученную отливом грязь бухточки, вверх по галечной насыпи и через кущи терновника тут и там: мы вновь поднимались на холм, к Эллиному чертогу.

Элла сдержал коня на уступе, подождал меня и, едва я с ним поравнялся, молча указал вниз, на седловину. Там стояла целая армия. Пересчитать копыта я бы не сумел, сколько бы ни пытался: столь несметное множество собралось во впадине, и, как я знал, люди эти составляли лишь небольшую часть воинства Эллы. Воины-саксы сбились в огромную толпу; завидев на фоне неба своего короля, они восторженно взревели и принялись колотить древками копий по щитам: оглушительный грохот раскатился по серому небу от края до края. Элла поднял покрытую шрамами правую руку, и шум разом смолк.

– Видал, Дерфель? – спросил он.

– Я вижу то, что ты считаешь нужным показать мне, о король, – уклончиво ответил я, отлично понимая, что именно говорят мне вытасненные на берег ладьи и орда вооруженных воинов.

– Ныне я силен, – промолвил Элла, – а вот Артур слаб. Он хоть пять сотен воинов наберет? Вот уж не думаю. Его поддержат копейщики Повиса, но довольно ли их? Сомневаюсь. У

меня тысяча вышколенных копейщиков, Дерфель, и в два раза больше изголодавшихся мужей, готовых топорами отстаивать свое право на ярд земли. А у Кердика людей еще больше, гораздо больше, и в земле он нуждается еще отчаяннее меня. Нам обоим нужна земля, Дерфель, нам нужна земля, а у Артура она есть, и Артур слаб.

– В Гвенте тысяча копейщиков, – напомнил я, – а если вы вторгнетесь в Думнонию, Гвент придет ей на помощь. – Сам я на это не слишком-то надеялся, ну да самоуверенные речи Артурову делу только на пользу. – Гвент, Думнония и Повис – все они станут сражаться, а ведь под Артуровы знамена встанут и другие. Черные щиты станут биться за нас, придут копейщики из Гвинедда и Элмета, из Регеда и Лотиана.

Элла поулыбался моей похвальбе.

– Ты еще не вполне усвоил урок, Дерфель, – промолвил он, – так что едем. – Король вновь прищипил коня и поскакал вверх по склону, но теперь чуть к востоку, в сторону рощицы. На опушке он спешился, взмахом руки велел эскорту оставаться на месте и повел меня по узкой слякотной тропке к прогалине, где стояли два невысоких деревянных дома. Не столько дома, сколько хижины: с покатыми, крытыми ячменной соломой крышами и приземистыми, сложенными из необструганных древесных стволов стенами. – Видал? – осведомился Элла, указывая на конек ближайшей крыши.

Я сплюнул, отводя зло, ибо там, высоко над крышей, красовался деревянный крест. Здесь, в языческом Ллогре, я меньше всего ожидал увидеть христианскую церковь. Второй дом, чуть пониже, надо думать, служил жилищем священнику: тот как раз выползал из низкого дверного проема своей конуры поприветствовать гостей. Тонзура, черная монашеская ряса, спутанная темно-русая борода – все как положено. Узнав Элла, он склонился в низком поклоне.

– Именем Христа тебя приветствую, о король! – закричал он на скверном саксонском.

– Откуда ты? – спросил я по-бриттски.

Обращению на родном языке священник явно удивился.

– Из Гобаннума, господин, – отвечал он. Жена монаха, замызганная, неопрятная баба с обидой в глазах, выползла из хижины и встала рядом с мужем.

– Что ты тут делаешь? – любопытствовал я.

– Владыка Иисус Христос открыл глаза королю Элле, господин, – объяснил монах, – вот король и пригласил нас сюда – нести весть о Христе его народу. Я и мой брат, священник Горфидд, проповедуем Евангелие саксам.

Я оглянулся на Элла. Тот хитро улыбался.

– Миссионеры из Гвента?

– Жалкие создания, что и говорить, – обронил Элла, жестом отсылая священника с женой обратно в хижину. – Но они думают отвратить нас от поклонения Тунору и Саксоту; по мне, так пусть себе тешатся надеждой. До поры до времени.

– Потому что, – медленно произнес я, – король Мэуриг пообещал тебе соблюдать перемирие, пока ты позволяешь его священникам приходить к твоему народу?

– Дурень он, этот Мэуриг, – расхохотался Элла. – Его больше заботят души моих подданных, нежели безопасность своей земли, а пара священников – невелика цена за то, что тысяча копейщиков Гвента будут сидеть сложа руки, пока мы захватим Думнонию. – Он обнял меня за плечи и повел обратно, туда, где дожидались лошади. – Ну, Дерфель, понял? Гвент не выступит на войну, во всяком случае, пока король Мэуриг верит в возможность насадить свою религию в моем народе.

– И что, получается? – любопытствовал я.

Элла презрительно фыркнул:

– Разве что среди рабов и женщин, да и тех раз-два и обчелся, – далеко вера не распространится. Уж я о том позабочусь. Видал я, что эта религия сделала с Думнонией, и здесь я

такого не допущу. Наши древние боги для нас вполне хороши, Дерфель, так зачем бы нам новые? Отчасти в этом беда бриттов. Они потеряли своих богов.

– Только не Мерлин, – возразил я.

Тут Элле пришлось прикусить язык. Он свернул в тень деревьев, и я заметил: в лице его отразилась тревога. Он всегда боялся Мерлина.

– Слышал я разное, – неуверенно протянул Элла.

– Про Сокровища Британии? – отозвался я.

– А что они вообще такое?

– Да ничего особенного, о король, – сказал я, ничуть не погрешив против истины. – Набор обветшавших древностей. Только два из них обладают подлинной ценностью: меч и котел.

– Ты их видел? – яростно вскинулся он.

– Да.

– А на что они способны?

Я пожал плечами:

– Никто не знает. Артур полагает, весь этот хлам ни на что не годен, но Мерлин говорит, Сокровища повелевают богами, и если совершить нужный магический обряд в нужное время, тогда древние боги Британии станут исполнять волю его.

– Тут-то он и натравит на нас своих богов?

– Да, о король, – отвечивал я. И произойдет это скоро, очень скоро; вот только об этом я отцу не сказал.

Элла нахмурился:

– У нас тоже есть боги.

– Так призови их, о король. Пусть боги сражаются с богами.

– Боги не дураки, мальчик, – проворчал он, – с какой бы стати им сражаться, если люди отлично умеют убивать от их имени? – Элла решительно зашагал дальше. – Я уже стар, – признался он, – но за всю свою жизнь богов ни разу не видел. Мы в них верим, но что им за дело до нас? – Он встревоженно оглянулся на меня. – А ты в эти Сокровища веришь?

– Я верю в могущество Мерлина, о король.

– Чтобы боги да сошли на землю? – Элла призадумался ненадолго, затем помотал головой. – А если ваши боги и впрямь придут, так отчего бы и нашим не подоспеть к нам на помощь? Даже ты, Дерфель, – саркастически хмыкнул он, – вряд ли выстоишь против молота Тунора.

Мы вышли из-за деревьев, и я увидел, что наш эскорт и лошади исчезли.

– Пройдемся, – предложил Элла, – я расскажу тебе про Думнонию все как есть.

– Я все знаю про Думнонию, о король.

– Тогда, Дерфель, ты знаешь и то, что король Думнонии – дурень никчемный, а ее правитель королем быть не хочет, равно как и этим, как бишь вы это называете, – ну кайзером?

– Императором, – поправил я.

– Императором, – повторил он, издевательски коверкая слово, и увлек меня на тропу вдоль опушки леса. Поблизости не было ни души. По левую руку от нас крутой склон уводил к затянутому туманом устью, а к северу тянулся глухой, промозгло-сырой лес. – Эти ваши христиане готовы взбунтоваться, – подвел итог Элла. – Ваш король – увечный калека, а ваш предводитель отказывается украсть трон у дурня. Со временем, Дерфель, и скорее рано, нежели поздно, на трон найдется желающий. Ланселот и тот едва не захватил его, а вскорости попытается кто-нибудь получше Ланселота. – Элла, нахмурившись, помолчал. – И чего Гвиневере стукнуло раздвигать перед ним ноги?

– Потому что Артур не желал стать королем, – уныло отозвался я.

– Олух и есть. А на следующий год будет мертвым олухом, ежели не примет моего предложения.

– Что за предложение, о король? – спросил я, останавливаясь под огненно-алым буком. Элла тоже остановился и положил ладони мне на плечи.

– Скажи Артуру, пусть отдаст трон тебе, Дерфель.

Я глядел на отца глаза в глаза. На долю мгновения мне померещилось было, что он шутит, но нет: Элла был серьезен как никогда.

– Мне? – потрясенно повторил я.

– Тебе, – кивнул Элла, – а ты поклянешься в верности мне. Мне от тебя потребуется земля, но ты можешь убедить Артура отдать трон тебе и станешь править Думнонией. Мой народ расселится здесь, станет возделывать землю, ты будешь королем над ними – но под моей рукой. Мы заключим союз, ты и я. Отец и сын. Ты правишь Думнонией, я правлю Энгеландом.

– Энгеландом? – переспросил я. Слово было мне внове.

Он убрал руки с моих плеч и широким жестом обвел окрестности.

– Вот, здесь! Вы зовете нас саксами, но ты и я – англ. Кердик – сакс, а мы с тобой – англ., англичане, и страна наша – Энгеланд. Вот Энгеланд! – гордо объявил он, окидывая взглядом сырую вершину холма.

– А как же Кердик? – спросил я.

– Мы с тобой убьем Кердика, – с подкупающей прямоотой отозвался Элла и, взяв меня под локоть, зашагал дальше, вот только теперь он вел меня к торной дороге, что петляла меж деревьев, – там среди свежеспавших листьев рылись свиньи в поисках буковых орешков. – Ты передай Артуру мое предложение, – настаивал Элла. – Скажи ему, что он может взять трон вместо тебя, коли хочет, но кому бы из вас трон ни достался, владеть вы им будете от моего имени.

– Я скажу, о король, – заверил я, хотя знал: Артур с презрением отвергнет такое условие. Думается, Элла тоже это знал, лишь ненависть к Кердику подтолкнула его к подобному предложению. Он понимал: даже если они с Кердиком в самом деле захватят всю Южную Британию, грянет еще одна война, в которой решится, кто из них двоих будет бретвальдой (так саксы называют верховного короля).

– А если, – предположил я, – вместо того вы с Артуром в будущем году нападете на Кердика?

Элла покачал головой:

– Кердик раздал слишком много золота моим вождям. Они не пойдут против него, тем паче пока он сулит им в награду Думнонию. Но если Артур отдаст Думнонию тебе, а ты отдашь ее мне, тогда золото Кердика им ни к чему. Скажи это Артуру.

– Скажу, о король, – повторил я, по-прежнему зная: Артур в жизни не согласится на подобное. Ведь тем самым он нарушил бы клятву, данную Утеру, – Артур некогда пообещал сделать Мордредом королем, и клятва эта легла в основу всей Артуровой жизни. Я был настолько уверен, что клятвы он не нарушит, что, невзирая на свой ответ Элле, очень сомневался, стоит ли вообще заговаривать с Артуром об этом предложении.

Элла между тем привел меня на широкую прогалину, где дожидался мой конь, а при нем – эскорт верховых копейщиков. В центре прогалины высился громадный необтесанный камень, высотой в человеческий рост. И хотя он нимало не походил на обработанный песчаник древних храмов Думнонии, равно как и на плоские валуны, на которых мы провозглашали наших королей, было ясно: камень этот – священный. Ведь стоял он особняком в круге травы, и никто из воинов-саксов не дерзнул подойти к нему поближе, хотя рядом в землю вкопали их собственную святыню: гигантский, очищенный от коры древесный ствол, а на нем грубо вырезанное лицо. Элла подвел меня к огромному камню; не дойдя нескольких шагов, остановился и пошарил в поясном кошелье. Вытащил маленький кожаный мешочек, развязал его, вытряхнул что-то на ладонь и показал мне. На ладони лежало крохотное золотое колечко с оправленным в него осколком агата.

– Хотел твоей матери подарить, – промолвил Элла, – да не успел: ее Утер захватил. С тех самых пор и храню. Возьми.

Я взял кольцо. Простенькая, деревенская побрякушка... Не римской работы, нет: римские драгоценности отличаются изысканной утонченностью, и на саксонское не похоже: саксы предпочитают вещи тяжелые, массивные. Это колечко сработал какой-нибудь бедолага-бритт, чью жизнь оборвал саксонский клинок. Квадратный зеленый камешек даже вделан был неровно, и все же перстенок заключал в себе некую странную, хрупкую прелесть.

– Матери твоей мне его подарить не случилось, – проговорил Элла, – а теперь, раз уж она так раздалась, стало быть, носить его не сможет. Так что отдай кольцо своей принцессе Повисской. Слыхал я, она достойная женщина.

– Так и есть, о король.

– Отдай ей и скажи: ежели между нашими королевствами и впрямь вспыхнет война, я пощажу женщину с этим кольцом на пальце – ее саму и всю ее семью.

– Спасибо, о король, – отозвался я, убирая кольцо в кошель.

– Есть у меня для тебя еще один дар – последний, – проговорил Элла, обнял меня одной рукою за плечи и подвел к камню. Я чувствовал себя виноватым: я-то ему никаких даров не привез, поездка в Ллогр внушала мне такой ужас, что мысль о подарках мне даже в голову не пришла. Впрочем, Элли подобное упущение, похоже, ничуть не трогало. Он подошел к камню вплотную. – Этот камень некогда принадлежал бриттам и почитался священным, – сообщил он. – В нем дыра есть – видишь? Вот здесь, сбоку, мальчик, – глянь-ка!

Я подошел к камню сбоку – да, верно: глубокая черная дыра уходила в самое сердце камня.

– Однажды я разговорился со старым рабом-бриттом, – объяснил Элла, – и тот рассказал, что через эту дыру можно перешептываться с мертвыми.

– Но сам ты в это не веришь? – полюбопытствовал я, уловив в его голосе скептическую нотку.

– Мы верим, что через эту дыру можно побеседовать с Тунором, Воденом и Сакснотом, – отозвался Элла, – но что до тебя? Ты, Дерфель, может, и впрямь докричишься до мертвых. – Он улыбнулся. – Мы еще встретимся, мальчик.

– Надеюсь, о король, – ответил я, и тут мне вспомнилось странное пророчество моей матери: дескать, Элла погибнет от руки собственного сына. Я попытался выбросить его из головы, списать на бред сумасшедшей старухи, но боги нередко говорят устами именно таких женщин, и я вдруг словно онемел.

Элла крепко обнял меня, притиснув лицом к воротнику пышного мехового плаща.

– Долго ли твоей матери осталось жить? – спросил он.

– Недолго, о король.

– Похорони ее ногами к северу, – наказал он. – Таков обычай нашего народа. – И Элла обнял меня в последний раз. – Домой ты вернешься благополучно – я pošлю людей тебя проводить, – пообещал он и отступил на шаг. – Чтобы потолковать с мертвыми, – добавил он грубовато, – надо трижды обойти вокруг камня и преклонить колена у дыры. Скажи моей внучке, я ее целую. – Элла улыбнулся, очень довольный, что застал меня врасплох столь глубокими познаниями сокровенных подробностей моей жизни, затем развернулся и зашагал прочь.

Эскорт ждал и наблюдал. Я трижды обошел вокруг камня, опустил на колени и наклонился к дыре. Мне внезапно захотелось разрыдаться, срывающимся голосом я произнес имя дочери.

– Диан? – прошептал я в самое сердце камня. – Диан, радость моя? Ты подожди нас, милая, мы придем к тебе, Диан. – Моя погибшая доченька, моя красавица Диан, жестоко убитая прихвостнями Ланселота. Я сказал ей, мы ее любим. Я передал ей поцелуй Эллы. А затем прижался лбом к холодному камню и представил себе ее крохотную тень – одну-одинешеньку

в Ином мире. Правда, Мерлин рассказывал нам, будто в мире смерти дети весело играют под яблонями Аннуина, но я все равно не сдержал слез, вообразив, как она внезапно услышала мой голос. Подняла ли она взгляд? Плакала ли она – как я?

Я уехал прочь. Обратный путь до Дун-Карика занял три дня, и я отдал Кайнвин золотое колечко. Ей всегда нравились простенькие вещицы, и перстенок подошел ей куда лучше замысловатых римских драгоценностей. Кайнвин носила кольцо на мизинце правой руки: ни на какой другой палец оно не лезло.

– Не думаю, впрочем, что перстень спасет мне жизнь, – удрученно заметила она.

– Почему нет? – не понял я.

Кайнвин улыбнулась, залюбовавшись подарком.

– Какой сакс станет приглядываться к какому-то там колечку? Сперва насилуй, затем грабь, разве не такова заповедь копейщика?

– Когда саксы придут, тебя здесь не будет, – отрезал я. – Тебе придется вернуться в Повис.

Кайнвин покачала головой.

– Я останусь. Я не могу убежать к брату всякий раз, когда приключаются неприятности.

Я отложил этот спор до будущих времен и вместо того послал гонцов в Дурноварию и в Кар-Кадарн – известить Артура о моем возвращении. Четыре дня спустя Артур прибыл в Дун-Карик, и я сообщил ему об отказе Эллы. Артур пожал плечами, словно ничего другого и не ждал.

– Ну, попытка не пытка, – обронил он небрежно.

О предложении, сделанном мне Эллой, я ему говорить не стал: в нынешнем его настроении Артур, чего доброго, подумает, что я не прочь согласиться, и перестанет мне доверять. Не упомянул я и о том, что застал в Тунресли Ланселота: мне ли было не знать, что даже звук этого имени Артуру ненавистен. Зато я рассказал про священников из Гвента, – от этих известных Артур заметно помрачнел.

– Видно, придется наведаться к Мэуригу, – удрученно заметил Артур, пристально глядя на Тор. А затем обернулся ко мне. – А ты знал, что Экскалибур – одно из Сокровищ Британии? – укоризненно осведомился он.

– Да, господин, – признался я. Мерлин рассказал мне об этом давным-давно, но он взял с меня клятву хранить тайну, опасаясь, что Артур, чего доброго, уничтожит меч, дабы показать, насколько он чужд суевериям.

– Мерлин потребовал вернуть Экскалибур, – промолвил Артур. Он всегда знал, что рано или поздно это произойдет, с того самого далекого дня, когда Мерлин вручил юному Артуру магический меч.

– И ты отдашь? – встревоженно спросил я.

Артур поморщился.

– А если и нет, Дерфель, по-твоему, это положит конец Мерлиновой чепухе?

– Если это и впрямь чепуха, господин, – проговорил я, вспоминая светящуюся нагую девушку и твердя себе, что она – вестница великих чудес.

Артур отстегнул меч вместе с узорчатыми ножнами.

– Вот сам ему меч и вези, Дерфель, – недовольно буркнул он, – сам и вези. – Он всунул драгоценный меч мне в руки. – Но скажи Мерлину, что я хочу получить его назад.

– Скажу, господин, – пообещал я. Ибо если боги не явятся в канун Самайна, тогда Экскалибур придется извлечь из ножен в битве против объединенного воинства саксов.

Но до кануна Самайна было уже рукой подать, а в ночь мертвых боги будут призваны на землю.

Ради этого на следующий же день я повез Экскалибур на юг.

Глава 3

Май-Дан – это громадный холм к югу от Дурноварии; надо думать, некогда то была величайшая из крепостей Британии. Обширная, плавно закругленная, точно купол, вершина протянулась на восток и на запад, а вокруг нее древний народ возвел три стены – три крутых дерновых вала. Никто ведать не ведает, когда крепость была построена и как; иные верят, будто укрепления возвели сами боги, не иначе, ибо тройные стены кажутся неправдоподобно высокими, а рвы небывало глубокими: тут явно поработали не простые смертные. Впрочем, ни высота стен, ни глубина рвов не помешали римлянам захватить крепость и перебить весь гарнизон. С того самого дня Май-Дан опустел, если не считать небольшого каменного храма Митры, что победители-римляне возвели в восточном конце плоской возвышенности. Летом старая крепость – чудо что за место: на обрывистых стенах пасутся овцы, над травой, диким тимьяном и орхидеями порхают бабочки, а поздней осенью, когда ночи коротки, а над Думнонией с запада проносятся дожди, холм превращается в промозглую голую высоту, где ветер пробирает до костей.

Главная дорога наверх подводит к лабиринтоподобным западным вратам. Я поднимался по раскисшей, скользкой грязи, неся Экскалибур Мерлину. А вместе со мною к вершине устало брела целая толпа простолюдинов. Одни сгибались под тяжестью громадных вязанок хвороста, другие несли мехи с питьевой водой, кое-кто подгонял волов, а те тащили громадные деревянные стволы или волокуши, нагруженные обрубленными сучьями. Бока волов покрылись кровавыми разводами: выбиваясь из сил, животные влекли непосильный груз по крутой, предательской тропе туда, где высоко надо мной на внешнем, поросшем травой крепостном валу дежурили копейщики. Присутствие стражи подтвердило то, что я услышал в Дурноварии: Мерлин закрыл доступ на Май-Дан для всех, кроме тех, кто пришел работать.

Ворота охраняли два копейщика. Оба ирландцы: черные щиты, нанятые у Энгуса Макайрема. Я задумался: а ведь Мерлин целое состояние растратил на подготовку этого заброшенного земляного форта к приходу богов! Стражники сразу поняли, что я не из числа рабочих, и сошли по склону мне навстречу.

– Что у тебя здесь за дело, господин? – почтительно спросил один из них. Я был не в доспехах, зато при Хьюэлбейне, и одни ножны уже выдавали во мне человека не из простых.

– У меня дело к Мерлину, – отвечал я. Но стражник не посторонился.

– Многие приходят сюда, господин, уверяя, будто у них дело к Мерлину, – промолвил он. – Но что за дело господину Мерлину до них?

– Скажи Мерлину, – велел я, – что лорд Дерфель принес ему последнее из Сокровищ. – Я постарался произнести эти слова сколь можно более торжественно, но на черных щитов впечатления, похоже, не произвел. Тот, что помоложе, ушел наверх сообщить кому следует; тот, что постарше, добродушный рубаха-парень – ну да копейщики Энгуса в большинстве своем таковы! – разговорился со мной. Черные щиты пришли из Деметии, королевства, что Энгус основал на западном побережье Британии, но ирландские копейщики Энгуса, пусть и захватчики, не внушали такой ненависти, как саксы. Ирландцы сражались с нами, воровали наше добро, обращали нас в рабство, они присвоили нашу землю, но они говорили на языке, схожем с нашим, их боги были и нашими богами, и, когда они с нами не воевали, они легко уживались с местными бриттами. Некоторые, вот, например, тот же Энгус, ныне вообще больше смахивали на бриттов, нежели на ирландцев: не его ли родная Ирландия всегда гордилась тем, что римляне ее так и не захватили, а теперь вот приняла религию, принесенную римлянами! Ирландцы обратились в христианство, хотя владыки из-за моря – ирландские короли вроде Энгуса, захватившие земли в Британии, – по-прежнему держались старых богов. Будущей весной, ежели

только обряды Мерлина не призвут богов нам на помощь, эти черные щиты, конечно же, станут сражаться за Британию против саксов, подумал я про себя.

Спустился мне навстречу не кто иной, как юный принц Гавейн. Он гордо прошествовал вниз по тропе в своих выбеленных известкой доспехах, хотя, надо признать, великолепие его малость подпортилось – он поскользнулся в луже и несколько ярдов проехался на заднице.

– Лорд Дерфель! – закричал он, неуклюже поднимаясь на ноги. – Лорд Дерфель! Сюда, сюда! Добро пожаловать! – Я направился к нему – и Гавейн просиял широкой улыбкой. – Ну разве не потрясающе? – спросил он.

– Еще не знаю, о принц.

– Победа! – ликовал он, осторожно обходя слякотное место, на котором поскользнулся прежде. – Великий труд! Помолимся же, чтобы труд этот не пропал втуне.

– Вся Британия о том молится, кроме разве христиан, – проговорил я.

– Спустя три дня, лорд Дерфель, в Британии не останется более христиан, – заверил он меня, – ибо к тому времени все узрят истинных богов. Если, конечно, дождь не пойдет, – встревоженно добавил Гавейн. Он поглядел на небо, на зловещие тучи, и чуть не расплакался.

– Дождь? – не понял я.

– Или, может, это тучи заслонят от нас богов. Дождь или тучи, я толком не понял, а Мерлин злится. Он ничего не объясняет, но думается, это дождь нам враждебен, или, может, все-таки туча... – Он помолчал с разнесчастным видом. – Или и то и другое. Я спросил Нимуэ, да только она меня не жалуется, – убито признался Гавейн, – так что я не знаю доподлинно, но прошу богов о ясном небе. А последнее время все пасмурно, тучи идут и идут; небось это христиане молятся о дожде. А ты правда привез Экскалибур?

Я развернул ткань, извлек на свет меч в ножнах и повернул его рукоятью к Гавейну. В первое мгновение юноша не решался дотронуться до клинка, затем робко протянул руку и извлек Экскалибур из ножен. Благоговейно любовался клинком, коснулся пальцем выгравированных завитков и вырезанных по стали драконов.

– Сделан в Ином мире – самим Гофанноном, – потрясенно выдохнул он.

– Скорее откован в Ирландии, – немилосердно поправил я. При виде юношеского простодушия Гавейна меня отчего-то так и подмывало развеять эту благочестивую наивность.

– Нет, господин, – очень серьезно заверил он, – меч сделан в Ином мире. – И он почтительно вернул мне Экскалибур. – Пойдем, господин, – позвал Гавейн, увлекая меня за собой, но вновь поскользнулся в грязи и отчаянно замахал руками, пытаясь не упасть. Его белый доспех, такой впечатляющий на расстоянии, изрядно облез, и поблек, и заляпался грязью, но сам Гавейн обладал несокрушимой уверенностью в себе – она-то и спасала положение, в противном случае юнец смотрелся бы просто смехотворно. Его длинные золотые волосы, небрежно заплетенные в косу, падали до поясницы. Мы уже вступили во входной коридор, петляющий между высокими земляными валами. Я между делом спросил Гавейна, как он познакомился с Мерлином.

– О, я знаю Мерлина всю жизнь! – радостно заверил принц. – Он, видишь ли, приезжал ко двору моего отца, хотя в последнее время не так уж и часто, но, когда я был ребенком, он там жил постоянно. Он был моим наставником.

– Твоим наставником? – изумленно произнес я. Я и впрямь удивился не на шутку: Мерлин ни словом не упоминал при мне ни про какого Гавейна, ну да старик всегда отличался скрытностью.

– Не грамоте обучал, нет, – уточнил Гавейн, – буквам меня женщины учили. Нет, Мерлин открыл мне мою судьбу. – Юноша смущенно улыбнулся. – Научил хранить себя в чистоте.

– В чистоте! – Я с любопытством воззрился на него. – Что, никаких женщин?

– Ни одной, господин, – простодушно признался он. – Так велит Мерлин. Во всяком случае, не сейчас; потом-то конечно. – Голос его прервался – и юноша залился краской.

– Вот уж не дивлюсь я, что ты молишься о ясном небе, – хмыкнул я.

– Нет, господин, что ты! – запротестовал Гавейн. – Я молюсь о ясном небе, чтобы боги сошли к нам! А когда они явятся, они приведут с собой Олвен Серебряную. – И он снова вспыхнул до корней волос.

– Олвен Серебряную?

– Ты видел ее, господин, – в Линдинисе. – Его красивое лицо озарилось просто-таки неземным светом. – Ступает она легче, чем дыхание ветерка, кожа ее сияет в темноте, а там, где прошла она, распускаются цветы.

– Она и есть твоя судьба? – спросил я, втайне испытав гадкий укол ревности при мысли о том, что эту лучезарную гибкую нимфу отдадут молодому Гавейну.

– Мне суждено жениться на ней, когда труды наши завершатся, – торжественно произнес принц. – Сейчас мой долг – хранить Сокровища, но через три дня я привечу богов и поведу их против врага. Я стану освободителем Британии. – Он произнес эту вопиющую похвальбу совершенно спокойно, словно речь шла о самом что ни на есть обыденном поручении. Я промолчал – просто шагал себе вслед за ним мимо глубокого рва, что разделяет средний и внутренний валы Май-Дана. Пространство между ними загромождали небольшие, наспех сооруженные шалаши из веток и соломы. – Через два дня мы их снесем и бросим в костры, – пояснил Гавейн, проследив мой взгляд.

– В костры?

– Увидишь, господин, увидишь.

Однако, поднявшись на холм, я не сразу смог понять, что же я такое вижу. Вершина Май-Дана представляет собою вытянутую травянистую поляну, там в военное время целое племя вместе со всей скотиной укрылось бы, но теперь западный конец холма был крест-накрест исчерчен сложным узором сухих изгородей.

– Вот! – гордо объявил Гавейн, указывая на изгороди так, словно сам же их и построил.

Селян, нагруженных вязанками хвороста, направляли к одной из ближайших изгородей; там они сбрасывали свою ношу и устало брели прочь – собирать еще. И тут я разглядел, что изгороди на самом-то деле – это гигантские нагромождения сучьев и веток, готовые вспыхнуть костры. Дровяные завалы поднимались выше человеческого роста и протянулись на мили и мили, но только когда мы с Гавейном поднялись на внутренний круг укреплений, я разглядел рисунок изгородей в целом.

Изгороди заполняли всю западную половину возвышенности, а в самом их центре высились пять костров, образующих круг в середине пустого пространства шестидесяти или семидесяти шагов в диаметре. Это пространство и окружала изгородь, закрученная в форме спирали: она описывала три полных оборота, так что вся спираль, включая центр, в ширину достигала больше ста пятидесяти шагов. Снаружи спираль обрамлял поросший травой круг, в свою очередь опоясанный кольцом из шести двойных спиралей, причем каждая раскручивалась из одного центра и вновь сворачивалась, захватывая следующую, так что в прихотливом внешнем круге располагалось двенадцать опоясанных огнем участков. Двойные спирали соприкасались друг с другом – так вокруг грандиозного узора образуется целый бастион пламени.

– Двенадцать малых кругов – это для тринадцати Сокровищ? – спросил я у Гавейна.

– Котел, господин, будет в центре, – благоговейно пояснил принц.

Сооружение и впрямь вышло внушительное. Сучья и хворост утрамбовали плотно, изгороди получились высокие, куда выше человеческого роста: на вершине холма дров скопилось довольно, чтобы костры Дурноварии пылали девять или даже десять зим. Двойные спирали в западном конце крепости еще только закладывали; на моих глазах люди яростно утаптывали валежник, чтобы дерево прогорело не быстро, но полыхало долго и ярко. Под нагромождением

веток и прутьев своей очереди дожидались цельные древесные стволы. Этот костер, подумал я, возвестит конец мира.

Наверное, в определенном смысле именно для этого костер и разложен. Наступит конец привычного нам мира, ибо если Мерлин прав, то сюда, на эту самую возвышенность, явятся боги Британии. Меньшие боги отправятся в малые круги внешнего кольца, в то время как Бел сойдет в огненное сердце Май-Дана, где ждет его Котел. Великий Бел, бог богов, владыка Британии, явится на крыльях урагана, и звезды покатаются ему вслед, точно осенние листья, подхваченные бурей. А там, где пять отдельных костров отметили средину Мерлиновых огненных кругов, Бел вновь ступит на Инис-Придайн, остров Британия. По спине у меня внезапно побежали мурашки. До сих пор я не вполне осознавал всей грандиозности Мерлиновой мечты, а теперь вот был просто ошеломлен. Через три дня – через каких-то три дня! – боги будут здесь.

– Над кострами трудится больше четырех сотен человек, – серьезно поведал мне Гавейн.

– Охотно верю.

– А спирали мы разметили волшебным вервием.

– Чем-чем?

– Вервием, господин, сплетенным из волос девственника, толщиной всего в одну прядь. Нимуэ стояла в центре, я шел по периметру, а господин мой Мерлин отмечал мои шаги «чертовыми пальцами». Спирали должны быть прочерчены безупречно. На это целая неделя ушла, потому что веревка то и дело рвалась, и всякий раз приходилось начинать сначала.

– Так, может, никакая это была не волшебная веревка, о принц? – поддразнил я.

– Конечно волшебная, господин, – заверил меня Гавейн. – Ее ж сплели из моих собственных волос.

– А в канун Самайна, стало быть, вы зажжете костры и станете ждать? – спросил я.

– Трижды три часа должно кострам гореть, господин, а на шестой час мы начнем обряд. А вскорости после того ночь обратится в день, небеса заполнятся огнем, и дымный воздух взбурлит под взмахами божьих крыл.

До сих пор Гавейн вел меня вдоль северной стены форта, а теперь вдруг жестом указал вниз, где, чуть восточнее круговых костров, притулился маленький храм Митры.

– Подожди здесь, господин, – попросил он. – Я приведу Мерлина.

– А он далеко? – спросил я, думая, что Мерлин, верно, в каком-нибудь из временных шалашей, сооруженных в восточном конце возвышенности.

– Я не вполне уверен, где он, – признался Гавейн, – но знаю, что он отправился привести Анбарра, и сдастся мне, я догадываюсь, где это.

– Анбарр? – переспросил я. Анбарра я знал лишь по легендам: это волшебный конь, необъезженный жеребец, он якобы скачет стремительным галопом как по земле, так и по воде.

– Я помчусь верхом на Анбарре бок о бок с богами, – гордо объявил Гавейн, – помчусь прямо на врагов, развернув знамя. – Он указал в сторону храма, к низкой черепичной крыше которого был фамильярно прислонен гигантский стяг. – Знамя Британии, – добавил Гавейн, проводил меня вниз к храму и собственноручно развернул полотнище. На гигантском прямоугольнике белого льна красовалась вышивка: грозный алый дракон Думнонии, сплошные когти, хвост да пламя. – Вообще-то, это знамя Думнонии, – признался Гавейн, – но, наверное, другие бриттские короли не станут возражать, правда?

– Конечно не станут, если ты сбросишь саксов в море, – заверил я.

– Такова моя миссия, господин, – очень торжественно ответил Гавейн. – С помощью богов, разумеется, и еще вот этого. – И он дотронулся до Экскалибура у меня под мышкой.

– Экскалибур! – потрясенно воскликнул я. У меня просто в голове не укладывалось, чтобы кто бы то ни было, кроме Артура, сражался волшебным мечом.

– А как же иначе? – отозвался Гавейн. – Мне суждено, вооружившись Экскалибуром и оседлав Анбарра, выдворить недругов из Британии. – Юноша просиял восторженной улыбкой

и жестом указал на скамейку у входа в храм. – Подожди здесь, господин, а я пойду поищу Мерлина.

Храм охраняли шестеро копейщиков из числа черных щитов, но поскольку я пришел туда вместе с Гавейном, остановить меня не попытались – даже когда я, пригнувшись, прошел сквозь низкий проем внутрь. Меня же потянуло осмотреть строение не любопытства ради, но скорее потому, что в те дни Митра был моим главным богом. Митра – тайный бог солдат. В Британию культ Митры принесли римляне, и, хотя ушли они давным-давно, Митра по-прежнему пользовался любовью воинов. Храм был совсем крохотный: две тесные комнатухи без окон, под стать пещере, где Митра родился, – вот и все. Внешнее помещение загромождали деревянные ящики и плетеные корзины – надо думать, с Сокровищами Британии, хотя заглядывать под крышки я не стал. Вместо того я протиснулся сквозь внутреннюю дверцу в темное святилище: там тускло мерцал во мраке гигантский серебряно-золотой Котел Клиддно Эйддина. За Котлом, с трудом различимый в смутном сером свете, что просачивался через две приземистые двери, обнаружился алтарь Митры. Либо Мерлин, либо Нимуэ – оба они нещадно потешались над Митрой – положили на алтарь барсучий череп, дабы отвлечь внимание бога. Я отшвырнул череп прочь, преклонил колена перед Котлом и произнес молитву. Я заклинал Митру пособить нашим прочим богам, я просил, чтобы Митра пришел на Май-Дан и умножил ужас в час гибели врагов наших. Я дотронулся рукоятью Экскалибура до его камня и задумался: когда, интересно, здесь в последний раз принесли в жертву быка? Я живо представил себе, как солдаты-римляне заставляют быка опуститься на колени, подпихивают его сзади и тянут за рога и так протаскивают сквозь низкие двери, и вот наконец бык во внутреннем святилище, стоит там и ревет от страха и повсюду вокруг во мраке чует только копейщиков. Здесь, в жуткой тьме, ему перережут подколенные сухожилия. Он снова взревет, рухнет на пол, попытается достать гигантскими рогами почитателей Митры, но они сильнее – они совладают с быком и соберут его кровь, и бык умрет медленной смертью, а храм провоняет навозом и кровью. Тогда воины выпьют бычьей крови в память о Митре, как он нам и заповедал. У христиан, как мне рассказывали, есть похожий обряд; они, правда, уверяют, что при свершении ритуала никого не убивают, но мало кто из язычников в это верит: ведь смерть – это дань, которую мы приносим богам в обмен на подаренную ими жизнь.

Я стоял на коленях в темноте – воин Митры, пришедший в один из забытых храмов, и вот, пока я молился, я почувал тот же морской запах, памятный мне по Линдинису: аромат водорослей с острым привкусом соли, что вдруг защекотал нам ноздри, когда Олвен Серебряная, хрупкая, нежная, прелестная, сходила вниз по галерее. На мгновение мне померещилось, что здесь присутствует кто-то из богов либо что сама Олвен Серебряная явилась в Май-Дан, но повсюду царило недвижимое безмолвие: ни тебе видений, ни мерцающей нагой кожи, только неуловимый запах морской соли да легкий шепот ветра за пределами храма.

Я вышел обратно через внутреннюю дверь – там, во внешнем помещении, морем запахло еще сильнее. Я подергал крышки ящиков, приподнял мешковину, прикрывающую корзины, и вроде бы нашел источник пряного аромата: две корзины были полны соли, отсыревшей и слипшейся в промозглом осеннем воздухе, – но нет, морской дух шел не от соли, но от третьей корзины, битком набитой влажными бурыми водорослями. Я тронул водоросли, лизнул палец – и почувствовал вкус соленой воды. Рядом с корзиной стоял огромный закупоренный глиняный горшок. Я вытащил пробку: внутри плескалась морская вода – верно, поливать водоросли, чтобы не пересохли. Я пошарил в корзине и сразу под водорослями обнаружил моллюсков. Удлиненные, узкие, изящные двустворчатые ракушки – вроде мидий, но только чуть покрупнее и серовато-белые, а не черные. Я вынул одну, понюхал, подумал было, что это какое-нибудь лакомство для Мерлина. Моллюску мое прикосновение, видать, не понравилось: створки открылись, и в ладонь мне ударила струя жидкости. Я положил ракушку обратно в корзину и прикрыл живых моллюсков водорослями.

Я повернулся к выходу, собираясь подождать снаружи, как вдруг взгляд мой упал на руку. Я заворожено уставился на нее: уж не обманывают ли меня глаза? В смутном свете у внешней двери не разберешь, так что я нырнул обратно сквозь внутреннюю дверь туда, где у алтаря ждал великий Котел, и здесь, в самой темной части храма Митры, я поднес правую ладонь к лицу.

И вправду светится!

Я вздрогнул. Я не хотел верить глазам своим – но ведь рука действительно светилась! Не лучилась, не сияла внутренним светом, нет, ладонь словно мазнули какой-то блескучей дрянью. Я провел пальцем по влажному пятну – мерцающую поверхность прочертил темный след. Итак, Олвен Серебряная на самом деле никакая не нимфа и не посланница богов, а самая обыкновенная смертная девушка – ее просто-напросто умастили слизью моллюска. Это не магия богов, это фокусы Мерлина. Так в темном святилище умерли все мои надежды.

Я вытер руку о плащ и вышел наружу, в солнечный свет. Присел на скамейку у храмовой двери, глядя на внутренний вал: там возилась орава детишек – малыши весело съезжали и скатывались кувырком вниз по склону. Отчаяние, истерзавшее меня по дороге в Ллогр, накатило с новой силой. Мне безумно хотелось верить в богов, и все же меня одолевали сомнения. Ну и что с того, спрашивал я себя, что девочка смертная и что ее нездешнее мерцающее свечение – это Мерлинов трюк? Это не отменяет могущества Сокровищ, но ведь всякий раз, как я задумывался о Сокровищах и чувствовал, что уже не полагаюсь на их силу, я подбадривал себя воспоминанием о мерцающей нагой девушке. А теперь, выходит, никакая она не вестница богов, но просто-напросто очередная иллюзия, сотворенная Мерлином.

– Господин? – В мысли мои ворвался женский голос. – Господин?

Я поднял глаза: передо мной стояла пухленькая темноволосая молодка и смущенно улыбалась мне. В простеньком платье и в плаще, короткие темные кудри перехвачены ленточкой, и за руку держит рыжеволосого мальчугана.

– Ты меня совсем не помнишь, господин? – разочарованно протянула она.

– Киууилог, – вспомнил я наконец ее имя. Одна из наших служанок в Линдинисе – там-то ее и соблазнил Мордред. Я встал. – Как поживаешь?

– Да правду сказать, неплохо, господин, – заверила она, очень довольная, что я ее все-таки вспомнил. – А это малыш Мардок. В отца пошел, верно, детка?

Я пригляделся к мальчику. Круглолицый крепыш лет шести-семи от роду, с жесткими, торчащими во все стороны волосами, ну вылитый Мордред.

– Спасибо, нравом удался не в отца, – продолжала Киууилог, – он у нас хороший мальчик, верно? Просто золото, а не мальчуган, господин. Никаких с ним хлопот, вот ни минуточки, верно, мое солнышко? – Она нагнулась и поцеловала Мардока. Мальчуган явно чувствовал себя неловко – что еще за телячьи нежности на людях! – однако ж широко улыбнулся. – Как госпожа Кайнвин? – любопытствовала Киууилог.

– Замечательно. Я расскажу ей про тебя, она будет рада.

– Уж она-то всегда была ко мне добра, – отозвалась Киууилог, – я б и переехала в ваш новый дом, господин, да вот мужчину встретила. Замуж вышла, вот оно как.

– И кто же он?

– Идфаэль ап Мерик, господин. Он теперь служит лорду Ланвалю.

Ланваль был начальником стражи, приставленной к Мордреду в его золоченой темнице.

– А мы думали, ты ушла от нас, потому что Мордред дал тебе денег, – признался я.

– Он-то? Денег дал? – рассмеялась Киууилог. – Да раньше звезды с небес посыпятся, господин. Дурочка я была в ту пору, – весело посетовала она. – Понятное дело, я ж не понимала, что за мужчина Мордред, да он тогда и мужчиной-то еще не был, куда ему, ну и куда денешься, вскружил он мне голову, король как-никак и все такое, ну да не я первая, не я последняя, верно? Но обернулось-то все к лучшему. Мой Идфаэль – человек хороший, он не против кукушонка в своем гнезде – малыш Мардок ему что родной. Вот ты кто у нас такой, золотце, –

заворковала она, – кукушоночек! – Она наклонилась, стиснула Мардока в объятиях и принялась щекотать его; мальчуган, хохоча, вырывался.

– А тут что ты делаешь? – полюбопытствовал я.

– Лорд Мерлин нас пригласил, – гордо объявила Киууилог. – Малыш Мардок ему уж больно по сердцу пришелся, вот оно как. Совсем парня разбаловал! Вечно сует ему лакомые кусочки, то-то ты у меня растолстеешь, золотце, уж растолстеешь, что твой поросенок! – Она снова пощекотала сынишку, тот со смехом отбивался и наконец высвободился. Убежал он, впрочем, недалеко: встал в нескольких шагах и уставился на меня, засунув палец в рот.

– Говоришь, Мерлин тебя пригласил? – переспросил я.

– Ага – сказал, ему повариха нужна, вот оно как, а я ж стряпаю ничуть не хуже любой другой. А уж сколько денег посулил! Мой Идфаэль сказал, чтоб непременно ехала. И ведь не то чтобы господин Мерлин много ел. Вот сыр он обожает, ну да тут стряпуха-то не нужна, верно?

– А моллюсков он ест?

– Сердцевидки любит, да только тут их мало. Нет, ест он по большей части сыр. Сыр и яйца. Не то что ты, господин, тебе-то, бывало, все мясо подавай, уж мне ли не помнить?

– Да я и сейчас от мяса не откажусь, – отозвался я.

– Хорошие были деньки, – вздохнула Киууилог. – Малыш Мардок-то с твоей Диан одногодки. Я все думала, то-то они бы славно играли вместе. Как она?

– Она мертва, Киууилог.

Молодая женщина разом изменилась в лице.

– Ох нет, господин, быть того не может, скажи, что не может!

– Ее убили люди Ланселота.

Киууилог сплюнула в траву.

– Негодяи, все до единого. Мне страшно жаль, господин.

– Диан счастлива в Ином мире, – заверил я, – и в один прекрасный день мы все придем к ней.

– Непременно, господин, непременно. А остальные как?

– С Морвенной и Сереной все отлично.

– Вот и хорошо, господин. – Она просияла улыбкой. – Ты ведь останешься до призывания?

– Призывания? – Это выражение я слышал впервые. – Нет, – покачал головой я. – Меня не приглашали. Думаю, я посмотрю из Дурноварии.

– А посмотреть будет на что, – заверила она. Заулыбалась, поблагодарила меня за то, что поговорил с ней, и бросилась в погоню за Мардоком, понарошку, ясное дело, а тот ну улепетывать, пища от восторга.

Я вновь присел на скамью, очень довольный встречей, и задумался, что за игры такие затеял Мерлин. Зачем ему понадобилась Киууилог? И с какой бы стати нанимать стряпуху, если ему отродясь никто не готовил?

Но размышлял я недолго: за земляным валом поднялась суматоха, малышня бросилась врассыпную. Я встал: появились двое мужчин, изо всех сил налегающие на веревку. Мгновение спустя выбежал Гавейн, и тут я увидел, кого ведут – гигантского и свирепого вороного жеребца. Он рвался на волю и едва не сдернул обоих вниз со стены, но те крепче вцепились в недоуздок и потащили перепуганное животное вперед. Тут конь ринулся вниз по крутому склону внутреннего укрепления, увлекая за собою обоих. Гавейн закричал им – дескать, поосторожнее бы надо – и сам не то скатился кубарем, не то побежал вдогонку за зверюгой. Следом появился Мерлин вместе с Нимуэ: эта маленькая драма его, похоже, нисколько не трогала. Он проследил, как коня отвели к одному из восточных навесов, а затем они с Нимуэ спустились к храму.

– А, Дерфель! – беззаботно приветствовал меня Мерлин. – Экий ты пасмурный. Зубы болят?

– Я привез тебе Экскалибур, – сдержанно промолвил я.

– Сам вижу, не слепой. Да, глуховат порою, что есть, то есть, и мочевого пузырь пошаливает, ну да чего и ждать в мои-то годы? – Он отобрал у меня Экскалибур, на несколько дюймов выдвинул клинок из ножен, поцеловал сталь. – Меч Риддерха, – благоговейно проговорил старик, и на мгновение лицо его просияло словно в экстазе, но он тут же рывком задвинул меч обратно и уступил его Нимуэ. – Итак, ты ездил к отцу, – призвал меня к ответу Мерлин. – Тебе он понравился?

– Да, господин.

– Ты всегда был до смешного впечатлителен, Дерфель, – обронил Мерлин и оглянулся на Нимуэ. Она между тем извлекла Экскалибур из ножен и крепко-накрепко прижимала обнаженный клинок к тощему телу. Бог весть почему, но Мерлина это не порадовало: старик выхватил у нее ножны, а затем попытался отобрать и меч. Она не уступила, и Мерлин, поборовшись с ней мгновение-другое, оставил попытки вернуть клинок. – Я слышал, ты пощадил Лиову? – спросил он, снова оборачиваясь ко мне. – Это ошибка. Лиова – та еще опасная бестия.

– Откуда ты знаешь, что я его пощадил?

Мерлин укоризненно воззрился на меня:

– Что, если я прятался под стропилами Эллиного чертога в обличье совы, Дерфель, или, не ровен час, схоронился в тростнике на полу в образе мыши? – Он резко крутнулся к Нимуэ и на сей раз вырвал-таки меч из ее рук. – Нечего истощать магию, – пробормотал он, неловко заталкивая клинок обратно в ножны. – А что, Артур не возражал уступить меч? – поинтересовался он.

– А с какой бы стати ему возражать, господин?

– Да потому, что Артур склонен к опасному скептицизму, – пояснил Мерлин, пригибаясь и проталкивая Экскалибур в низкий дверной проем. – Он думает, мы отлично обойдемся и без богов.

– Жаль, что он не видел, как Олвен Серебряная сияет во тьме, – саркастически заметил я.

Нимуэ злобно зашипела на меня. Мерлин замешкался, медленно обернулся, выпрямился и кисло глянул на меня.

– Это почему же жаль? – зловеще осведомился он.

– Потому что кабы он ее увидел, господин, так уж в богов всенепременно уверовал бы. Ну, до тех пор, пока не обнаружил бы твоих моллюсков.

– Ах, вот в чем дело, – протянул Мерлин. – Ты тут уже пошарил да поразнюхал, так? Ты сунул свой длинный саксонский нос куда не следовало – и нашел моих сверлильщиков!

– Сверлильщиков?

– Моллюсков, дурень, они сверлильщиками прозываются. По крайней мере, в речах простецов.

– И что, они светятся?

– Их слизь и впрямь люминесцирует, – небрежно обронил Мерлин. Я видел: мое открытие его здорово раздосадовало, но он изо всех сил пытается не выказать раздражения. – Об этом явлении еще Плиний упоминает, ну да он столько ерунды понаписал, что не знаешь, чему и верить. По большей части его идеи – суший вздор. Вся эта чепуха насчет того, что друиды срезают омелу на шестой день новой луны! Еще чего не хватало! На пятый день – пожалуйста, иногда и на седьмой, но на шестой – да ни в жизнь! А еще, как сейчас помню, он советует, ежели голова разболелась, обмотать лоб женской нагрудной повязкой, да только средство это никуда не годится. И с какой бы стати? Магия-то заключена в грудях, а не в повязке, так что, понятное дело, ткнуться в грудь больной головой куда как полезнее. Меня это средство ни разу не подводило, уж будь уверен. Дерфель, а ты Плиния читал?

– Нет, господин.

– И верно, я ж так и не обучил тебя латыни! Оплошал, каюсь. Ну так вот, Плиний описывает сверлильщиков и, между прочим, отмечает: у тех, кто этих тварей ел, начинали светиться ладони и губы. Признаюсь, меня это заинтриговало. А кто бы на такое не купился? Мне страх до чего не хотелось разбираться подробнее, я ж невесть сколько времени убил впустую на Плиниевы идеи, куда более правдоподобные, но вот здесь он, как ни странно, не соврал. Помнишь Каддога? Ну, лодочника, который спас нас с Инис-Требса? Теперь он добывает для меня сверлильщиков. Эти моллюски живут в отверстиях в скалах – очень нелюбезно с их стороны, но я щедро плачу Каддогу, и он прилежно их выковыривает: а что, раз подрядился в охотники за сверлильщиками, так и терпи! Дерфель, да ты никак разочарован?

– Я думал, господин... – начал было я и тут же прикусил язык, понимая, что сейчас меня обсмеют.

– О! Ты, верно, думал, что девчонка спустилась с небес! – докончил за меня Мерлин и издевательски расхохотался. – Нимуэ, ты слышала? Великий воин, Дерфель Кадарн, поверил, что наша крошка Олвен – это волшебное видение! – Последнее слово он протянул как-то особенно зловеще.

– Чего от него и ждали, – сухо отрезала Нимуэ.

– Если задуматься, то да, пожалуй, – признал Мерлин. – А неплохой фокус, верно, Дерфель?

– Но всего лишь фокус, господин, – отозвался я, не в силах скрыть разочарования.

Мерлин вздохнул:

– Ты смешон, Дерфель, просто смешон. Фокусы вовсе не подразумевают отсутствие магии, но магия не всегда даруется нам богами. Ты что, вообще ничего не понимаешь? – Последний вопрос прозвучал почти зло.

– Я знаю, что меня провели, господин.

– Провели! Провели! Сколько патетики! Да ты хуже Гавейна! Друид второго дня обучения и тот бы тебя провел! Наша задача не в том, чтобы удовлетворить твое детское любопытство, но исполнить миссию богов, а боги эти, Дерфель, ушли далеко от нас. О, как далеко! Они исчезают, тают во тьме, уходят в бездну Аннуина. Их необходимо призвать, а чтобы призвать богов, мне нужны рабочие руки, а чтобы привлечь рабочие руки, мне следовало поманить простецов надеждой. По-твоему, мы с Нимуэ сложили бы все эти костры в одиночку? Нам требовались люди! Сотни людей! Мы вымазали девчонку слизью моллюсков – и люди пришли к нам, а ты только и умеешь, что хныкать да жаловаться: тебя, дескать, провели! Да кому какое дело до того, что ты там про себя думаешь! Ступай сжуй сверлильщика – глядишь, и обретешь просветление! – И Мерлин наподдал по рукоятке Экскалибура, задвигая меч глубже в храм. – Полагаю, этот дурень Гавейн все тебе показал?

– Он показал мне круги костров, господин.

– А ты небось хочешь знать, зачем они?

– Хочу, господин.

– Да любой, кто обладает хоть малой толикой сообразительности, уже давно бы сам все вычислил, – величественно изрек Мерлин. – Боги далеко, это очевидно, иначе они бы нами не пренебрегали, однако много лет назад они дали нам средства призвать их обратно: вручили нам Сокровища. Ныне боги спустились в бездну Аннуина так глубоко, что Сокровища сами по себе бессильны. Надо привлечь внимание богов, а как это сделать? Очень просто! Мы подаем знак – туда, в пропасть, а знак этот – всего-навсего грандиозный огненный узор, и в узор этот мы помещаем Сокровища и проделываем еще кой-чего, ну да это уже не важно, а после того я смогу умереть с миром, вместо того чтобы объяснять простейшие вещи до смешного легковверным недоумкам. Нет-нет, – возразил старик, не успев я и слова вымолвить, не то чтобы задать вопрос, – тебе в канун Самайна здесь делать нечего. Мне нужны только те, кому я могу доверять. А если ты еще раз сюда заявишься, я прикажу страже утыкать копьями твое брюхо.

– А почему бы просто-напросто не обнести холм призрачной оградой? – спросил я. Призрачная ограда – это выложенные в ряд черепа, заклётые друидом: через такую черту никто не дерзнет переступить.

Мерлин вытаращился на меня как на сумасшедшего:

– Призрачная ограда! В канун Самайна! Это ж единственная ночь в году, недоумок, когда призрачные ограды не действуют! Я что, должен тебе азы объяснять? Призрачная ограда, дурень ты набитый, удерживает на привязи души мертвых, дабы отпугнуть живых, но в канун Самайна души мертвых свободны бродить где вздумается, и потому обуздать их невозможно. В канун Самайна от призрачной ограды примерно столько же толку, сколько от твоих мозгов.

Под градом его упреков я и бровью не повел.

– Надеюсь, хоть тучи не придут, – проговорил я в надежде его задобрить.

– Тучи? – фыркнул Мерлин. – Что мне за дело до туч? А, понимаю! Этот идиот Гавейн с тобой разоткровенничался, а у него в голове каша та еще. Если день выдастся облачный, Дерфель, боги все равно увидят наш знак, потому что их взор, в отличие от нашего, пронзает любую завесу, но если будет слишком пасмурно, то, чего доброго, пойдет дождь. – Старик говорил четко, едва ли не по слогам – таким голосом объясняют прописные истины несмышленному ребенку. – А ливень, понимаешь ли, потушит все наши костры. Что, самому догадаться – никак? – Он свирепо зыркнул на меня, отвернулся и обвел взглядом круги костров. Опершись на черный посох, он долго молчал, погруженный в мысли о своем грандиозном творении на вершине Май-Дана. И наконец пожал плечами. – А ты когда-нибудь задумывался, что могло бы произойти, если бы христианам удалось посадить на трон Ланселота? – спросил Мерлин. Гнев его уже схлынул, на смену пришла меланхолия.

– Нет, господин.

– Настал бы их пятисотый год, и все они ожидали бы, что этот их нелепый распятый Бог сойдет на землю во славе своей. – До тех пор Мерлин неотрывно глядел на четкие круги из дров и хвороста, но теперь вдруг обернулся ко мне. – А что, если бы он так и не явился? – озадаченно проговорил старик. – Представь себе: христиане собрались-снарядились, все в парадных плащах, все добела отмытые, чистенькие, дружно молятся – и ничего ровным счетом не происходит?

– Тогда в пятьсот первом году никаких христиан не осталось бы, – отозвался я.

Мерлин покачал головой:

– Сомневаюсь. Это дело священников – объяснять необъяснимое. Святоши вроде Сэн-сама измыслили бы причину, а народ им поверил бы: ведь народу позарез хочется верить. Люди не отказываются от надежды из-за пережитого разочарования, Дерфель; нет, они начинают надеяться с удвоенной силой. Какие же мы олухи – все до единого!

– Ты, выходит, боишься, что на Самайн ничего не произойдет? – промолвил я, внезапно почувствовав острую жалость к старику.

– Конечно боюсь, недоумок. А вот Нимуэ не боится. – Он оглянулся на Нимуэ: та угрюмо наблюдала за нами обоими. – Ты-то ни минуты не сомневаешься, малютка моя, верно? – поддразнил ее Мерлин. – Что до меня, Дерфель, хотел бы я, чтобы в обряде не было нужды. Мы ведь даже не знаем, что должно случиться, когда мы зажжем костры. Может, боги и придут, а может, выждут своего часа? – Он свирепо глянул на меня. – Если ничего не происходит, Дерфель, это вовсе не значит, что ничего не произошло. Тебе понятно?

– Думаю, да, господин.

– Вот уж не верю. Вообще в толк не могу взять, зачем я из кожи вон лезу, растолковывая тебе, что да как! Лучше б наставлял быка тонкостям риторики! Чем возиться с таким бестолковым олухом. Ну, ступай себе, чего ждешь. Экскалибур ты доставил.

– Артур хочет получить его назад, – промолвил я, вспомнив о своем обещании Артуру.

– Да уж небось! Ну, может, и получит, как только Гавейну меч перестанет быть нужен. А может, и нет. Какая, в сущности, разница? Полно докучать мне пустяками, Дерфель. Я сказал – до свидания. – И рассерженный Мерлин направился было прочь, но, не пройдя и нескольких шагов, обернулся и окликнул Нимуэ: – Идем, девочка.

– Я должна убедиться, что Дерфель и впрямь ушел, – отрезала Нимуэ и с этими словами взяла меня под локоть и потянула к внутреннему валу.

– Нимуэ! – заорал Мерлин.

Не обращая на него внимания, Нимуэ потащила меня вверх по травянистому склону, туда, где вдоль вала вела тропа. Я завороченно оглядел прихотливый узор разложенных костров.

– Вы немало потрудились, – неловко выдавил я.

– И все труды пойдут прахом, если мы не совершим должных обрядов, – ядовито отпаривала она. Мерлин на меня злобился, ну да его гнев по большей части – сплошное притворство, сейчас есть, а в следующий миг уже и нет, точно удар молнии, а вот исступленная ярость Нимуэ шла из самых глубин: заостренное лицо побелело и напряглось. Красавицей она никогда не была, а лишившись глаза, выглядела и вовсе жутко, но облик ее, в котором читались свирепость и ум, западал в память, а сейчас, на высокой земляной насыпи под порывами западного ветра, смотрелась она еще внушительнее обычного.

– А что, есть опасность, что обряд не будет проведен так, как надо?

– Мерлин, он вроде тебя, – свирепо буркнула Нимуэ, пропуская мой вопрос мимо ушей. – Слишком уж впечатлителен.

– Чушь, – возразил я.

– Тебе-то откуда знать, Дерфель? – рявкнула она. – Тебе разве приходится терпеть его бахвальство? Или с ним спорить? Или его подбадривать? Или это ты вынужден наблюдать, как он совершает величайшую из ошибок в истории мира? – выплевывала она вопрос за вопросом. – Или это ты стоишь и смотришь, как он вот-вот загубит все наши труды? – Нимуэ махнула костлявой рукой в сторону костров. – Дурень ты, – горько подвела итог она. – Мерлин пернет – а тебе оно что глас самой мудрости. Он стар, Дерфель, и жить ему осталось недолго, и сила его иссякает. А сила, Дерфель, она изнутри идет. – Нимуэ ударила себя между маленьких грудей. К тому времени мы уже дошли до вершины насыпи, там Нимуэ остановилась и обернулась ко мне. Я рослый, дюжий воин, она маленькая и хрупкая, дунь – улетит, и все же она брала надо мною верх. Так было всегда. В Нимуэ бурлила страсть настолько глубокая, темная и могучая, что противостоять ей мало что могло.

– Так почему Мерлинова впечатлительность ставит обряд под угрозу? – не отставал я.

– А вот так! – отрезала Нимуэ, развернулась и пошла дальше.

– Объясни, – потребовал я.

– Ни за что! – огрызнулась она. – Ты дурень набитый.

Я побрел за ней.

– Кто такая Олвен Серебряная? – полюбопытствовал я.

– Рабыня, мы ее в Деметии купили. Захватили девочку в Повисе, а нам она обошлась в шесть золотых монет с лишним, уж больно смазливенькая.

– Это верно, – отозвался я, вспоминая, как она невесомо скользит сквозь притихшую ночь в Линдинисе.

– Вот и Мерлину тоже так кажется, – презрительно бросила Нимуэ. – Как ее увидит, так и затрясется весь. Ну да нынче он уж больно стар, и, кроме того, нам приходится притворяться, что она девственница, – ну, ради Гавейна. А он-то нам и верит! Впрочем, этот олух поверит во что угодно! Вот идиот-то!

– И он женится на Олвен, когда все закончится?

Нимуэ расхохоталась.

– Так дурню обещано, хотя как только Гавейн узнает, что девчонка вовсе не из сонма бессмертных духов, а рождена рабыней, он, глядишь, и передумает. Так что, может статься, мы ее перепродадим. Хочешь откупить? – лукаво подмигнула она.

– Нет.

– Все верен своей Кайнвин? – поддразнила Нимуэ. – Как она?

– В добром здравии.

– И она приедет в Дурноварию поглядеть на обряд?

– Нет, – покачал головой я.

Нимуэ подозрительно сощурилась.

– А сам-то приедешь?

– Да, я бы посмотрел.

– А Гвидр? Ты ведь его привезешь?

– Да сам-то Гвидр не прочь. Но мне придется сперва спросить дозволения у его отца.

– Скажи Артуру, чтобы отпустил парня. Каждый ребенок в Британии должен своими глазами увидеть приход богов. Такое зрелище, Дерфель, вовеки не забудется.

– Так, значит, все сбудется – сбудется, несмотря на промахи Мерлина? – уточнил я.

– Сбудется – несмотря на Мерлина, – мстительно отрезала Нимуэ. – Сбудется, потому что я сделаю все, что надо. Я дам старому дурню то, что он хочет, – уж по душе ему это или нет. – Она остановилась, развернулась, ухватила мою левую руку, уставилась единственным глазом на шрам у меня на ладони. Этот шрам связал меня клятвой исполнять ее волю, и я почувал: сейчас она от меня чего-то потребует, – но она вдруг передумала: осторожность одержала верх. Нимуэ перевела дух, впилась в меня взглядом и выпустила руку со шрамом. – Отсюда сам дойдешь, – горько бросила она и зашагала прочь.

А я побрел по склону вниз. Навстречу мне, к вершине Май-Дана, по-прежнему тащились селяне, нагруженные хворостом. Девять часов должно гореть кострам, объяснял Гавейн. Девять часов на то, чтобы заполнить небеса пламенем и призвать богов на землю. Или может статься, если с обрядами чего-нибудь напутают, костры окажутся ни к чему.

И уже через три ночи мы узнаем, чем все закончится.

* * *

Кайнвин охотно съездила бы в Дурноварию посмотреть, как призовут богов, но ночью в канун Самайна на землю приходят мертвые, и ей хотелось самой убедиться, что мы оставили подарки для Диан. Ей подумалось, положить дары надо там, где Диан умерла, так что она отвела наших двух дочерей на развалины дома Эрмида, и там, на пепелище, оставила кувшин с разведенным медом, хлеб с маслом и горстку орехов в меду – любимое лакомство Диан. Сестры положили в золу несколько грецких орехов и сваренных вкрутую яиц, а потом все укрылись в хижине лесника неподалеку, под охраной моих копейщиков. Диан они не увидели – в канун Самайна мертвые не показываются, но сделать вид, что их нет, – значит напрашиваться на неприятности. Позже Кайнвин рассказала мне, что к утру снедь исчезла до крошки и кувшин был пуст.

В Дурноварии ко мне присоединились Исса с Гвидром. Артур разрешил-таки сыну посмотреть на обряд, и Гвидр себя не помнил от восторга. В тот год ему исполнилось одиннадцать, и мальчишка просто-таки бурлил радостью, и жизнью, и любопытством. От отца он унаследовал худощавое сложение, а от Гвиневеры – красоту: длинный точеный нос и дерзкий взгляд. Бедовый был мальчуган, но добрый и славный, и мы с Кайнвин только порадовались бы, кабы пророчество его отца и впрямь сбылось и Гвидр женился на нашей Морвенне. Ну да решится это года через два, а то и три, а до тех пор Гвидр будет жить с нами. Он-то надеялся подняться на вершину Май-Дана – и здорово огорчился, когда я объяснил, что туда пускают только участников обряда. Даже селян, которые своими руками сложили гигантские костры,

и тех отослали в течение дня. Они, подобно сотням любопытных, съехавшихся со всей Британии, будут наблюдать за обрядом с полей под сенью древнего форта.

Артур прибыл утром в канун Самайна, и я отметил, как он обрадовался при виде Гвидра. В те темные дни мальчуган был для него единственным светом в окошке. Кулух, двоюродный брат Артура, явился из Дунума с полудюжиной копейщиков.

– Вообще-то, Артур меня отговаривал, – сообщил он мне с ухмылкой, – ну да я такого зрелища ни за что не пропущу.

Кулух, прихрамывая, подошел поздороваться с Галахадом: тот вот уже несколько месяцев вместе с Саграмором охранял границу от саксов Эллы. Сам Саграмор подчинился приказу Артура и остался на боевом посту, но попросил Галахада съездить в Дурноварию и привезти назад, в гарнизон, вести о событиях великой ночи. Люди уповали на чудо, а сам Артур не на шутку тревожился: опасался, что его сподвижники останутся горько разочарованы, ежели ничего не случится.

А надежда все больше подчиняла себе умы, ибо ближе к вечеру в город въехал король Кунеглас Повисский. Он привез с собой дюжину воинов и сына Пирддила, неловкого, застенчивого отрока, у которого только-только пробивались первые усики. Мы с Кунегласом крепко обнялись. Он приходился Кайнвин братом, и свет не видывал человека честнее и порядочнее. По пути на юг он завернул к Мэуригу Гвентскому и теперь подтвердил: да, этот правитель биться с саксами не склонен.

– Он верит, что его Бог защитит, – мрачно сообщил Кунеглас.

– В точности как мы, – отозвался я, жестом указав из дворцового окна на нижние склоны Май-Дана. Там уже собралась толпа: что бы ни принесла с собою судьбоносная ночь, люди надеялись оказаться поближе. Многие пытались пробиться на вершину холма, но черные щиты Мерлина удерживали любопытствующих на расстоянии. На поле к северу от крепости горстка храбрых христиан шумно молилась Богу, прося наслать дождь и помешать языческим обрядам, но их разогнала разъяренная толпа. Какою-то христианку избили до бесчувствия, и Артур выслал своих собственных воинов поддерживать порядок.

– Ну так что же произойдет нынче ночью? – спросил меня Кунеглас.

– Может, и ничего, о король.

– И ради этого я приперся за тридевять земель? – проворчал Кулух. Этого коренастого, задиристого сквернословия я числил среди своих ближайших друзей. Хромал он с тех самых пор, как саксонское лезвие глубоко впилося ему в ногу в битве против саксов Эллы под Лондоном, но на здоровенный рубец он чихать хотел и уверял, что копейщик из него по-прежнему отменный.

– А ты чего тут позабыл? – поддразнил он Галахада. – Я думал, ты христианин.

– Я христианин.

– Стало быть, ты о дожде молишься? – упрекнул его Кулух.

Дождь шел и сейчас – ну, не то чтобы дождь, так, легкая морось с запада. Кое-кто верил, что морось сменится ясной погодой, но неизбежно находились пессимисты, предрекающие сущий потоп.

– А если нынче ночью и впрямь хлынет ливень, – подзуживал Галахад, – ты признаешь, что мой Бог сильнее твоего?

– Я тебе тогда глотку перережу, – проворчал Кулух. Не всерьез, конечно: как и я, он дружил с Галахадом, сколько себя помнил.

Кунеглас пошел потолковать с Артуром, Кулух удрал проверить, по-прежнему ли в таверне у северных ворот Дурноварии доступна рыжая деваха, а мы с Галахадом и юным Гвидром отправились в город. Там царило веселье: словно большая осенняя ярмарка заполнила улицы и выплеснулась на окрестные луга. Торговцы установили лотки, в тавернах было не толкнуться, жонглеры изумляли толпу своей ловкостью, а десятка два бардов тянули песни.

Дрессированный медведь неуклюже ковылял вверх-вниз по склону городского холма, свирепая на глазах, а ему все подливали меду чашу за чашей. Прямо над нами высился особняк епископа Эмриса. Епископ Сэнсам пялился в окно на зверюгу, но, заметив меня, поспешно отпрыгнул и задвинул деревянный ставень.

– И долго ему сидеть в темнице? – полюбопытствовал Галахад.

– Пока Артур не простит его, – пожал плечами я, – а в один прекрасный день так оно и будет: Артур всегда прощает врагов.

– Как это по-христиански.

– Как это глупо, – возразил я, сперва убедившись, что Гвидр меня не слышит: мальчуган отошел полюбоваться на медведя. – Вот чего даже вообразить себе не могу, так это чтобы Артур простил твоего единокровного братца, – продолжал я. – Я его тут видел недавно.

– Ланселота? – изумленно охнул Галахад. – И где же?

– При Кердике.

Галахад перекрестился, не обращая внимания на хмурые взгляды прохожих. В Дурноварии, как и в большинстве городов Думнонии, жили главным образом христиане, но сегодня улицы заполнили язычники из окрестных деревень, и у многих руки чесались затеять драку с врагами-христианами.

– Думаешь, Ланселот станет сражаться на стороне Кердика? – спросил меня Галахад.

– А что, он умеет сражаться? – язвительно отозвался я.

– Вообще-то да.

– Тогда если он и впрямь возьмет в руки оружие, то – на стороне Кердика.

– Тогда молю Господа, чтобы мне предоставилась возможность убить его, – проговорил Галахад и вновь осенил себя крестом.

– Если замысел Мерлина удастся, никакой войны не будет, – сказал я. – Будет резня, и возглавят ее боги.

Галахад улыбнулся:

– Будь со мной честен, Дерфель: замысел удастся?

– Все мы здесь для того, чтобы это узнать, – уклончиво проговорил я. И тут меня осенило: а ведь в городе наверняка найдется десятка два саксонских шпионов, что пришли за тем же самым. Скорее всего, это бриты из свиты Ланселота, они же могут незамеченными смешаться с возбужденной толпой, которая между тем все прибывала и прибывала. Если Мерлин потерпит неудачу, подумал я, саксы воспрянут духом – и тем суровее окажутся весенние битвы.

Дождь припустил сильнее, я окликнул Гвидра, и мы все трое бегом бросились обратно во дворец. Гвидр принялся упрашивать отца: дескать, пусть ему позволят наблюдать за обрядом с поля под самыми укреплениями Май-Дана, но Артур лишь покачал головой.

– Если дождь не прекратится, то в любом случае смотреть будет не на что, – объяснил Артур. – Ты простудишься, и тогда... – И он оборвал себя на полуслове. Он собирался сказать: и тогда твоя мама на меня рассердится.

– И тогда ты заразишь Морвенну и Серену, – докончил я, – а я подхватчу простуду от них, а твой отец – от меня, и когда нагрянут саксы, вся наша армия будет чихать и сморкаться.

Гвидр на секунду задумался, решил, что это была шутка, и вновь потянул отца за рукав.

– Ну пожалуйста! – взмолился он.

– Ты будешь смотреть из верхнего зала, вместе со всеми нами, – стоял на своем Артур.

– Папа, а тогда можно, я вернусь поглядеть на медведя? Зверюга уже пьян, на него вот-вот собак спустят. Я встану под навес и не промокну. Честное слово. Папа, ну пожалуйста.

Артур отпустил мальчишку, я послал Иссу присмотреть за ним, и мы с Галахадом поднялись в верхний дворцовый зал. Год назад, когда Гвиневера время от времени наезжала во дворец, в нем царили изящество и чистота, но теперь заброшенное здание пребывало в запустении и повсюду лежала пыль. Построили его еще римляне, и Гвиневера пыталась некогда

восстановить древнее великолепие чертогов, но Ланселотовы войска разграбили их во времена мятежа, а приводить покои в порядок никто не стал. Люди Кунегласа развели огонь прямо на полу, и миниатюрные плитки трескались от жара. Сам Кунеглас стоял у широкого окна и оттуда мрачно глядел поверх соломенных и черепичных крыш Дурноварии в сторону склонов Май-Дана, едва различимых за пеленой дождя.

– Ведь распогодится, правда? – взмолился он, завидев нас.

– Чего доброго, польет еще сильнее, – заметил Галахад, и при этих словах на севере зарокотал гром и дождь заметно усилился: капли так и отскакивали от крыши на четыре-пять дюймов. Дрова на вершине Май-Дана здорово вымокли, но пока, надо думать, пострадали лишь верхние слои, а в глубине завалов древесина сухая. Собственно, внутрь вода не просочится еще с час или более такого ливня, а сухая растопка в середине очень скоро вытопит влагу из отсыревших веток, однако, если дождь затянется до ночи, костры так и не разгорятся толком.

– По крайней мере, под дождем пьяные протрезвеют, – отметил Галахад.

В дверях появился епископ Эмрис в черной, насквозь промокшей и заляпанной грязью рясе. Он опасливо оглянулся на грозных язычников – копейщиков Кунегласа – и поспешно присоединился к нам у окна.

– Артур здесь? – спросил он.

– Он где-то во дворце, – отозвался я и представил Эмриса королю Кунегласу, добавив, что епископ – из числа наших добрых христиан.

– Уповаю, что все мы добры, лорд Дерфель, – проговорил Эмрис, кланяясь королю.

– По мне, так добрые христиане – это те, которые не бунтовали против Артура, – откликнулся я.

– А был ли это бунт? – промолвил Эмрис. – Думается, лорд Дерфель, это было безумие, порожденное благочестивой надеждой, и смею сказать, что сегодня Мерлин делает в точности то же самое. Подозреваю, он останется разочарован, так же как не оправдались надежды моей бедной паствы в прошлом году. Но к чему приведет разочарование нынешней ночи? Вот зачем я здесь.

– Так к чему же оно приведет? – заинтересовался Кунеглас.

Эмрис пожал плечами:

– Если Мерлиновы боги так и не появятся, о король, кого во всем обвинят? Христиан. А кого вырежет толпа? Опять же христиан. – Эмрис осенил себя крестом. – Хочу, чтобы Артур дал слово защитить нас.

– Уверен, он даст – и охотно, – заверил Галахад.

– Ради тебя, епископ, даст, – добавил я. Во времена смуты Эмрис остался верен Артуру: хороший был человек, пусть и осмотрителен в советах столь же, сколь тучен телом. Подобно мне, престарелый епископ входил в королевский совет, что видимости ради наставлял Мордред в делах правления, хотя теперь, когда король наш был узником в Линдинисе, совет собирался редко. Артур общался с советниками с глазу на глаз, а затем принимал решения сам, но на самом-то деле что-то решать требовалось лишь там, где речь шла о подготовке Думнонии к вторжению саксов, и все мы были рады-радехоньки переложить это бремя на Артуровы плечи.

Промеж серых туч скользнула раздвоенная молния, а мгновение спустя раздался удар грома, да такой оглушительный, что все мы непроизвольно пригнулись. Проливной дождь внезапно усилился еще больше, свирепо забарабанил по крышам, и яростно взбурлили ручьи грязной воды, струящиеся по улицам и переулкам Дурноварии. По полу растеклись лужицы.

– Может, боги не хотят, чтобы их призывали? – угрюмо предположил Кунеглас.

– Мерлин говорит, они далеко, – отозвался я, – так что дождь – не их рук дело.

– Что, несомненно, доказывает: за этим дождем стоит Бог еще более великий, – гнул свое Эмрис.

– Не по твоей ли просьбе? – ядовито осведомился Кунеглас.

– Я не молился о дожде, о король, – отозвался Эмрис. – Воистину, ежели на то твоя воля, так я помолюсь о том, чтобы дождь прекратился. – С этими словами он закрыл глаза, широко развел руки и запрокинул голову в молитве. Торжественность момента слегка подпортила дождевая капля, что просочилась сквозь черепицу крыши и плюхнулась точнехонько на тонзуру, – однако ж епископ закончил молитву и осенил себя крестом.

И – о чудо! – не успела пухлая Эмрисова рука сотворить знак креста на изгвазданной рясе, как дождь начал стихать. С запада еще налетали шквалы брызг, но барабанная дробь по крышам разом прекратилась, и в воздухе между нашим высоким окном и гребнем Май-Дана постепенно прояснилось. Холм по-прежнему темнел мрачной громадой под серыми тучами, и в древней крепости ничего невозможно было разглядеть, кроме разве горстки копейщиков, охраняющих укрепления, да нескольких паломников ниже по склону: эти подобрались к форту так близко, как только посмели. Эмрис сам не знал, радоваться ему или огорчаться действительности своей молитвы, но на всех нас она произвела громадное впечатление, особенно когда тучи на западе расступились и склоны Май-Дана вызеленил косою, водянистый луч солнца.

Рабы принесли нам подогретый мед и холодную оленину, но мне кусок в горло не шел. Я все наблюдал, как день клонится к вечеру и рвутся лоскутья облаков. Небо светлело, на западе, над далеким Лионессом, запылало алое горнило. Солнце садилось, был канун Самайна, и по всей Британии и даже в христианской Ирландии народ оставлял снедь и питье для мертвых, которые вот-вот перейдут пропасть Аннуина по мосту из мечей. В эту ночь призрачная череда теней явится на землю, туда, где они некогда дышали и любили – и умерли. Многие умерли на Май-Дане, так что нынче ночью холм заполонят духи; я же неминуемо представил, как маленькая призрачная Диан бродит на развалинах дома Эрмида.

Пришел Артур, и я подумал, до чего же непривычно он выглядит без Экскалибура в узорчатых ножнах. Видя, что дождь прекратился, он недовольно буркнул и выслушал просьбу епископа Эмриса.

– Я выслал на улицы своих копейщиков, – заверил он епископа, – так что, пока твои люди не задирают язычников, никто их не тронет. – Артур принял из рук раба рог с медом и вновь повернулся к епископу. – Я в любом случае хотел с тобой повидаться, – промолвил он и поделился с епископом своими тревогами насчет короля Мэурига Гвентского. – Если Гвент не выйдет на бой, саксы задавят нас числом, – предостерег он Эмриса.

Епископ побледнел как полотно.

– Да быть того не может – Гвент не допустит, чтобы Думнония пала!

– Епископ, Гвент подкуплен, – сообщил я и в свой черед поведал, как Элла пустил в свои земли Мэуриговых проповедников. – Пока Мэуриг верит, что есть шанс обратить саксов в свою веру, он против них меча не поднимет.

– При мысли об обращении саксов мне должно только радоваться, – благочестиво отозвался Эмрис.

– Зря, – предостерег я. – Как только эти священники перестанут быть нужны, Элла пере режет им глотки.

– А потом и нам, – мрачно добавил Кунеглас. Они с Артуром уже сговорились съездить вместе к королю Гвента, и теперь Артур уламывал Эмриса присоединиться к ним.

– Тебя, епископ, он выслушает, – втолковывал Артур, – а если ты сумеешь убедить его, что для христиан Думнонии саксы куда опаснее, нежели я, может статься, он и передумает.

– Я охотно поеду с вами, – заверил Эмрис, – право же, охотно.

– По крайней мере, необходимо уговорить юного Мэурига, чтобы пропустил мою армию через свои земли, – угрюмо буркнул Кунеглас.

Артур заметно встревожился.

– А что, Мэуриг может отказаться?

– Если верить моим шпионам, то да, – отозвался Кунеглас, пожимая плечами. – Но ежели саксы и впрямь нагрянут, так я пройду через его земли, не важно, даст он там разрешение или нет.

– Тут-то и приключится война между Гвентом и Повисом, – раздраженно бросил Артур, – а это на руку одним только саксам, и никому больше. – Он досадливо поморщился. – И зачем Тевдрик отказался от трона?

Тевдрик, отец Мэурига, исповедовал христианство, однако ж всегда сражался против саксов на Артуровой стороне.

На западе погас последний алый отблеск. На несколько мгновений мир завис между светом и тьмой – а затем нас поглотила бездна. Мы стояли в проеме окна, ежась на сыром ветру, и глядели, как сквозь прорехи в облаках проглядывают первые звезды. Растущая луна висела над южным морем совсем низко, и свет ее расплылся по краям облака, заслонившего созвездие Змеи – во всяком случае, змеиную голову. Ночь накануне Самайна, мертвые уже близко...

В домах Дурноварии засияли огни, но за пределами города царила тьма – вот разве что лунный луч посеребрит купу деревьев или склон далекого холма. Май-Дан смутно маячил во мраке: черное пятно в черном сердце ночи мертвых. А мгла все стучалась, загорались все новые звезды, и безумная луна летела, не разбирая пути, сквозь клочья облаков. Мертвецы тянулись нескончаемой чередой по мосту мечей: вот они уже здесь, среди нас, и хотя ни видеть, ни слышать их нам не дано, но они здесь – во дворце, на улицах, в каждой долине, в каждом городе, в каждом доме Британии, а на полях сражений, где столько душ было вырвано из земных тел, мертвые кишмя кишат, что твои скворцы. Диан бродит себе под сенью деревьев у дома Эрмида, а бесплотные призраки все плывут и плывут по мосту мечей, заполняя остров Британия. Однажды, подумалось мне, я тоже пройду по мосту в такую ночь – посмотреть на моих детей, и на их детей, и на детей их детей. Каждый год, в канун Самайна, скитаться душе моей по земле – до скончания времен.

Ветер стих. Луна снова спряталась за громадной грядой облаков, что нависла над Арморикой, но над нами небеса расчистились. Звезды, жилища богов, ослепительно сияли в пустоте. Кулук уже вернулся во дворец и теперь стоял у окна рядом с нами: мы жались друг к другу, вглядываясь в ночь. Пришел и Гвидр; впрочем, ему очень скоро надоело таращиться в промозглую тьму, и он отправился к приятелям из числа дворцовой стражи.

– Когда начнется обряд? – спросил Артур.

– Не скоро, – предупредил я. – Кострам должно полыхать в течение шести часов, прежде чем приступят к магическому ритуалу.

– А как же Мерлин отсчитывает часы? – полюбопытствовал Кунеглас.

– В уме, о король, – отвечал я.

Мертвые плыли сквозь нас. Ветер совсем улегся, и в наступившем безмолвии в городе завывали собаки. Звезды в обрамлении посеребренных облаков пылали по-нездешнему ярко.

И тут внезапно, из черноты посреди резкой ночной тьмы, на широкой, обнесенной стеной вершине Май-Дана вспыхнул первый костер – и обряд призывания богов начался.

Глава 4

Миг – и пламя, чистое и яркое, заплясало над укреплениями Май-Дана, а затем огонь растекался по спиральям, и вот уже обширная чаша, образованная травянистыми насыпями крепостных стен, заполнилась тусклым дымным светом. Я словно видел, как люди суют факелы в самую глубину высоких и широких завалов и бегут, бегут с огнем к центральной спирали и вдоль внешних кругов. Поначалу костры занимались медленно, шипящие языки с трудом пробивались сквозь отсыревшие ветки верхнего слоя, но жар постепенно вытопил сырость, дрова разгорались все пуще, и вот наконец-то запылал весь сложный, прихотливый узор и свет засиял в ночи победно и ярко. Гребень холма превратился в огненный кряж, в бурлящий круговорот пламени; к небесам клубами тянулся подсвеченный алым дым. В Дурноварии замелькали тени – отсветы слепящих костров. На улицах толпились люди, кое-кто даже на крыши взбирался – полюбоваться на далекий пожар.

– Шесть часов? – недоверчиво переспросил Кулук.

– Так мне Мерлин объяснил.

– Шесть часов! – сплюнул Кулук. – Я бы успел к рыжей сбегать.

Однако с места он не стронулся, равно как и никто из нас, все мы замороженно наблюдали за пляской пламени над холмом. То был погребальный костер Британии, финал истории, призывание богов, и мы глядели и ждали в напряженном молчании, словно ожидали увидеть, как, разорвав пелену синевато-багрового дыма, на землю снизойдут боги.

Но тут заговорил Артур – и напряжение схлынуло.

– Поесть бы, – буркнул он. – Если нам тут торчать шесть часов, так неплохо бы и заморить червячка.

За едой говорили мало, по большей части о короле Мэуриге Гвентском и об ужасной вероятности, что он, чего доброго, не пустит своих копейщиков на войну. Если, конечно, война и впрямь начнется, неотвязно думал я, беспрестанно посматривая в окно – туда, где плясало пламя и бурлил дым. Я попытался отслеживать время, но на самом-то деле я понятия не имел, один час прошел или два, прежде чем трапеза закончилась, и вот мы снова столпились у громадного распахнутого окна, неотрывно глядя на Май-Дан, где впервые в истории Сокровища Британии были собраны воедино. Была там Корзина Гаранхира – ивовая плетенка, в которой поместились бы хлеб и пара-тройка рыбин, хотя ныне прутья так поизломались, что любая уважающая себя хозяйка давным-давно выкинула бы корзинку в огонь. И Рог Брана Галеда – почерневший от времени бычий рог с выщербленным оловянным ободком по краю. И Колесница Модрон – она давно развалилась на части, и притом была так мала, что ехать на ней смог бы разве что ребенок – если, конечно, ее удалось бы собрать заново. Был там Недоуздук Эйddieна – истрепанная веревка с проржавевшими железными кольцами: даже беднейший из крестьян этим воловьим поводом погнушался бы. И Кинжал Лауфродеда – с затупившимся широким лезвием и сломанной деревянной рукоятью; и стертое Точило Тудвала – такого любой ремесленник устыдился бы. И Куртка Падарна – латаные-перелатаные нищенские лохмотья; и все же сохранилась она куда лучше, чем Плащ Регадда: он якобы наделял своего владельца невидимостью, но ныне износился до невесомой паутины. И Миска Ригенидда – плоская деревянная посуда, вся растрескавшаяся и никуда не годная, и Игральная Доска Гвенддолау – старая, покоробленная деревяшка с полустертой разметкой. Кольцо Элунед смахивало на самое обыкновенное кольцо воина: вот такие простенькие металлические ободки копейщики любили мастерить из оружия убитых врагов, но всем нам доводилось выкидывать за ненадобностью кольца куда более приглядные с виду, нежели Кольцо Элунед. Лишь два Сокровища обладали истинной ценностью: Меч Риддерха, Экскалибур, откованный в Ином

мире самым Гофанноном, и Котел Клиддно Эйддина. Теперь все они, и никчемный хлам, и роскошные драгоценности, покоились в кругу огня, дабы подать знак далеким богам.

А небеса все прояснялись, хотя над горизонтом на юге по-прежнему громоздились облака: мы все глубже погружались в эту ночь, ночь мертвых, а в тучах между тем замерцали молнии. Молнии – первое предвестие богов, и, устранившись, я тронул железную рукоять Хьюэлбейна; ну да молнии полыхали далеко, очень далеко, может, над морем или еще дальше, над Арморикой. С час или более молнии беззвучно полосовали южное небо. Раз целое облако словно осветилось изнутри – мы все так и охнули, а епископ Эмрис осенил себя знаком креста.

Но вот далекие молнии померкли, остался лишь гигантский костер в кольце укреплений Май-Дана. Этому сигнальному огню суждено было преодолеть бездну Аннуина, это сияние изливалось во тьму между мирами. «Что, интересно, думают про себя мертвые? – гадал я. – Сонмы призрачных душ, верно, уже обступили Май-Дан – поглядеть, как станут призывать богов?» Я представил себе, как отсветы пламени мерцают на стальных лезвиях моста мечей, а может, озаряют и Иной мир, и не скрою, что испугался. Молнии погасли, ничего нового не происходило: бушевал гигантский костер, и только, но, думается, все мы сознавали, что мир дрожит на грани перемены.

Часы шли, и вот неожиданно-негаданно был явлен следующий знак. Первым увидел его Галахад. Он перекрестился, замороженно уставился в окно, словно не веря глазам своим, а затем указал наверх, туда, где гигантский султан дыма застилал звезды.

– Вы видите? – спросил он, и все мы высунулись в окно и поглядели ввысь.

И я увидел: то зажглись огни ночных небес.

Такие огни всем нам доводилось видеть прежде, хотя и нечасто, но появление их в эту ночь нельзя было расценить иначе, как знамение. Сперва во тьме замерцала синяя дымка; постепенно дымка густела, разгоралась, и вот уже алая завеса огня слилась с синей и затрепетала среди звезд, точно колеблемое ветром полотнище. Мерлин, помнится, рассказывал мне, что небесные огни нередки на дальнем севере, но эти повисли на юге, а в следующий миг неожиданно-негаданно все пространство над нашими головами ярко расцветилось синими, серебряными и малиновыми каскадами. Мы все спустились во двор, чтобы лучше видеть, и оттуда благоговейно взирали на сияющие небеса. Костры Май-Дана оттуда уже не просматривались, но зарево их затопило южные небеса, а над головами у нас роскошной аркой переливались огни потусторонние.

– Ну теперь-то ты веришь, епископ? – спросил Кулук.

Эмрис словно утратил дар речи. Но вот он вздрогнул и дотронулся до деревянного креста на шее.

– Существования иных сил мы никогда не отрицали, – тихо отозвался он. – Просто мы верим, что наш Господь – единственный истинный Бог.

– А прочие боги – кто они? – спросил Кунеглас.

Эмрис нахмурился, явно не желая отвечать, но честность заставила.

– Они – силы тьмы, о король.

– Скорее уж силы света, – благоговейно проговорил Артур, ибо увиденное потрясло даже его. Артур, который предпочел бы, чтобы боги вовсе оставили нас в покое, видел свидетельства их могущества в небесах – и дивился небывалому чуду. – А что будет дальше?

Вопрос свой он обращал ко мне, но ответил епископ Эмрис:

– Смерть, господин.

– Смерть? – переспросил Артур, решив, что ослышался.

Эмрис загодя отошел в тень галереи, словно опасаясь мощи магии, что мерцала и растекалась потоками слепящего света на фоне звезд.

– Все религии используют смерть, господин, – педантично пояснил он, – и даже наша верит в искупительную жертву. Но в христианстве это сам Сын Божий позволил себя убить,

дабы никому больше не пришлось ложиться под жертвенный нож на алтаре; я не знаю ни одной религии, в таинствах которой не задействовалась бы смерть. Озирис погиб. – Епископ вдруг осознал, что рассказывает о поклонении Изиде, этом проклятии Артуровой жизни, и торопливо продолжил: – И Митра тоже умер, а в мистериях Митры умерщвляют быков. Все наши боги умирают, господин, – подвел итог Эмрис, – и все религии, кроме христианства, воспроизводят эти смерти как часть культа.

– Мы, христиане, ушли за пределы смерти – к жизни, – произнес Галахад.

– Хвала Господу, это так, – согласился Эмрис, осеняя себя крестом. – Но мы – не Мерлин.

Огни в небесах разгорались все ярче; сквозь гигантские многоцветные завесы, точно нити в гобелене, змеились, переплетаясь и обрываясь, вспышки белого света.

– Нет магии могущественнее, чем смерть, – неодобрительно отметил епископ. – Милосердный Бог такого не допустит, а наш Господь покончил с нею через смерть собственного Сына.

– Мерлин к смерти не прибегает, – сердито буркнул Кулук.

– Прибегает, – тихо промолвил я. – Перед тем как нам отправиться за Котлом, он принес человеческую жертву. Он сам мне рассказывал.

– Кого? – встрепенулся Артур.

– Не знаю, господин.

– Небось байки травил, – отозвался Кулук, глядя вверх. – Приврать-то старикан любит.

– Скорее всего, он говорил правду, – возразил Эмрис. – Древняя религия требовала много крови, и как правило – человеческой. Мы, конечно, знаем совсем мало, но я помню, как старый Бализ рассказывал мне, что друиды страх как любили убивать людей. Обычно это были пленники. Некоторых сжигали живьем, других бросали в яму смерти.

– А кое-кому удавалось спастись, – тихо добавил я. Ибо меня самого некогда бросили в друидическую яму смерти, но я сумел выжить, вырваться из этого кошмарного месива умирающей, искалеченной плоти, – тогда-то меня и взял на воспитание Мерлин.

Эмрис пропустил мои слова мимо ушей.

– В иных случаях, безусловно, требовалась жертва более значимая, – продолжал он. – В Элмете и Корновии до сих пор говорят о жертве, принесенной в Черный год.

– И что же это была за жертва? – полюбопытствовал Артур.

– Возможно, это просто легенда: слишком давно это было, чтобы полагаться на воспоминания. – Епископ имел в виду Черный год, когда римляне захватили Инис-Мон и вырвали самое сердце друидической религии; это страшное событие произошло в далеком прошлом – более четырехсот лет назад. – Но тамошний люд по сей день рассказывает про жертву короля Кефидда, – продолжал Эмрис. – Эту историю я услышал давным-давно; и Бализ всегда почитал ее за чистую правду. Так вот, Кефидду предстояло сразиться с римской армией, и похоже было на то, что ему грозит поражение, так что он принес в жертву самое дорогое из своих сокровищ.

– Какое же? – осведомился Артур. Он напрочь позабыл про огни в небесах и буравил взглядом епископа.

– Своего сына, конечно. Так было всегда, господин. Наш Господь пожертвовал Сына Своего, Иисуса Христа; Он же потребовал, чтобы Авраам убил Исаака, хотя, безусловно, смиловался в этом Своем повелении. А вот друиды Кефидда убедили короля убить сына. Само собою, магия не сработала. В хрониках говорится, что римляне наголову разбили Кефидда и всю его армию, а затем уничтожили роши друидов на Инис-Моне.

Мне показалось, что епископ не прочь присовокупить благодарственное слово-другое по поводу такого исхода, но Эмрис – это вам не Сэнсам, и у него хватило такта восхвалить Господа про себя.

Артур подошел к галерее.

– Что происходит на вершине холма, епископ? – тихо осведомился он.

– Откуда бы мне знать, господин? – возмутился Эмрис.

– Но ты полагаешь, там льется кровь?

– Думаю, такое возможно, господин, – неохотно выговорил Эмрис. – Думаю, скорее всего, так.

– Но чья? – спросил Артур, да так резко, что все, кто был во дворе, разом позабыли про великолепие ночных небес и во все глаза уставились на него.

– Если это древнее жертвоприношение, господин, если это высшая жертва, – отозвался Эмрис, – тогда это наверняка сын правителя.

– Гавейн, сын Будика, – тихо произнес я. – И Мардок.

– Мардок? – Артур стремительно развернулся ко мне.

– Ребенок Мордред, – ответил я. Я внезапно понял, зачем Мерлин расспрашивал меня про Киууилог, и почему забрал ее сына в Май-Дан, и почему обращался с мальчуганом так ласково. Как же я не догадался раньше? Теперь это казалось самоочевидным.

– Где Гвидр? – внезапно спросил Артур.

В первые мгновения никто не ответил, затем Галахад жестом указал на сторожку у ворот.

– Он оставался с копейщиками, пока мы ужинали.

Но Гвидра там уже не было; не было его и в комнате, что служила Артуру спальней, когда он наезжал в Дурноварию. Мальчика не было нигде, и никто не помнил, чтобы его видели после наступления сумерек. Артур, напрочь позабыв о волшебных огнях, обшаривал дворец снизу доверху, от погребов до сада, но сын его исчез бесследно. А я размышлял про себя о словах Нимуэ на Май-Дане, когда она уговаривала меня привезти Гвидра в Дурноварию, и вспоминал ее споры с Мерлином в Линдинисе о том, кто же на самом деле правит Думнонией, и не хотел верить своим подозрениям, но и выбросить их из головы тоже не мог.

– Господин, – поймал я Артура за рукав. – Думается, Гвидра увезли на холм. Только не Мерлин, а Нимуэ.

– Гвидр – не сын короля, – напомнил Эмрис. Ему явно было не по себе.

– Гвидр – сын правителя! – заорал Артур. – Станете отрицать? – Отрицать, понятно, никто и не думал, да что там – никто не смел и слова вымолвить. Артур обернулся к дворцу. – Хигвидд! Меч, копьё, щит, Лламрей! Быстро!

– Господин! – вмешался Кулух.

– Молчать! – рявкнул Артур. Он кипел от бешенства и ярость свою выместил не на ком инем, как на мне – ведь это я уговаривал его разрешить Гвидру поехать в Дурноварию. – Ты знал, что произойдет? – призвал он меня к ответу.

– Конечно нет, господин. Я и сейчас ничего не знаю. По-твоему, я причинил бы вред Гвидру?

Артур окинул меня мрачным взглядом, затем отвернулся.

– Вам ехать незачем, – бросил он через плечо, – а я отправляюсь на Май-Дан за сыном. – И он зашагал через двор туда, где конюх уже седлал Лламрей: Хигвидд держал кобылу под уздцы. Галахад молча последовал за Артуром.

Признаюсь, что с минуту я не трогался с места. Не хотел, и все. Пусть придут боги. Пусть все наши бедствия сгинут в шуме гигантских крыл, пусть свершится чудо и на землю ступит Бели Маур. Я мечтал о Британии Мерлина.

И тут мне вспомнилась Диан. В самом ли деле моя младшая доченька пришла той ночью во внутренний двор? Ведь душа ее была здесь, на земле, – в канун Самайна, – и внезапно на глаза мои навернулись слезы: я-то знал, что это за мука – потерять дитя. Не мог я стоять столбом посреди двора перед дворцом Дурноварии, пока умирает Гвидр и страдает Мардок. Мне страшно не хотелось ехать на Май-Дан, но я понимал, что не смогу посмотреть в лицо Кайнвин, если не помешаю гибели ребенка, – и я пошел за Артуром и Галахадом.

Кулух удержал меня за руку.

– Гвидр – отродье потаскухи, – проворчал он тихо, чтобы не услышал Артур.
Я не стал пререкаться о происхождении Артурова сына.

– Если Артур поедет один, его убьют, – сказал я. – Там, на холме, четыре десятка черных щитов.

– А если поедем мы, то наживем себе врага в лице Мерлина, – напомнил Кулух.

– А если не поедем, то наживем себе врага в лице Артура.

Ко мне подошел Кунеглас, тронул меня за плечо.

– Ну?

– Я еду с Артуром, – отвечал я. Ехать мне не хотелось, но иначе поступить я не мог. – Исса! – крикнул я. – Коня!

– Ну, если едешь ты, так, верно, и мне придется, – пробурчал Кулух. – Надо ж проследить, чтоб ты в беду не ввязался.

И вот уже все мы, перекрикивая друг друга, требовали спешно подать коней, оружие и щиты.

Почему мы поехали? Я часто, очень часто думаю о той ночи. Я по сей день вижу, как мерцающие огни сотрясают небеса, чую дым, струящийся с вершины Май-Дана, и ощущаю тяжкое бремя магии, навалившееся на Британию, – и все-таки мы поехали. Видно, в ту раздираемую пламенем ночь я был сам не свой. Меня гнали в путь сентиментальная щепетильность (как же, ребенок гибнет!), и память о Диан, и угрызения совести – ведь кто, как не я, уговорил Гвидра приехать в Дурноварию! – но превыше всего моя любовь к Артуру. А как же любовь к Мерлину и Нимуэ? Наверное, мне никогда не приходило в голову, что я им зачем-то нужен, но вот Артур во мне нуждался, и в ту ночь, когда Британия оказалась словно в ловушке между огнем и светом, я поскакал на поиски его сына.

Нас было двенадцать. Думнонийцы – Артур, Галахад, Кулух, Дерфель и Исса – и еще Кунеглас и его люди. Сегодня – а эту историю рассказывают и по сей день – детей учат, что тремя погубителями Британии стали Артур, Галахад и я, но той ночью мертвых в путь выехало двенадцать всадников. Доспехов у нас не было, только щиты, и у каждого – копьё и меч.

Мы мчались к южным вратам Дурноварии по освещенным улицам; люди испуганно шаркались в стороны. Ворота стояли открытыми – как оно и подобает в канун Самайна, чтобы мертвые входили в город беспрепятственно. Мы, пригнувшись, поднырнули под перекладной и галопом понеслись на юго-запад через запруженные народом поля: толпы замороженно глядели на бурлящую смесь огня и дыма, что изливалась с вершины холма.

Артур задал ужасающий темп; я намертво вцепился в луку седла, чтобы, чего доброго, не свалиться. Плащи наши развевались за спиной, ножны подпрыгивали вверх-вниз, небеса над головой вскипали дымом и светом. Я почувствовал запах горелой древесины и услышал потрескивание пламени задолго до того, как мы добрались до подножия холма.

Мы погнали коней вверх по склону, остановить нас никто не пытался – вплоть до того момента, как мы достигли головоломного входного лабиринта. Артур хорошо знал крепость: прежде, когда они с Гвиневерой жили в Дурноварии, летом они частенько поднимались на холм. Так что теперь он уверенно провел нас по петляющему коридору, там-то и поджидали трое черных щитов с копьями. Артур не колебался ни минуты. Он пришпорил коня, нацелил на недругов свое собственное длинное копьё – и пустил Лламрей во весь опор. Черные щиты отлетели с дороги и беспомощно завопили: могучие скакуны прогрохотали мимо.

Ночь наполнилась шумом и светом. Гудело пламя гигантских костров, и в самом сердце алчных огненных языков с оглушительным треском раскальвались целые древесные стволы. Дым заволакивал небесные огни. Копейщики орали на нас с укреплений, но никто не преградил нам пути, когда мы вырвались за внутреннюю стену на вершину Май-Дана.

Там мы остановились – и не из-за черных щитов: на нас дохнуло палящим жаром. Лламрей поднялась на дыбы и прынула прочь от пламени; Артур крепко вцепился ей в гриву;

в глазах ее полыхнул алый отблеск. Казалось, пышут тысячи кузнечных горнов; вновь налетел ревуший, испепеляющий шквал – мы отшатнулись, поневоле отступили назад. В бушующем пламени я не различал ничего: самое сердце Мерлинова узора заслоняли от нас стены клоко-чущего огня. Артур, пришпорив Лламрей, отъехал ко мне.

– Куда теперь? – прокричал он.

Я, верно, пожал плечами.

– А как Мерлин попал внутрь? – допрашивал меня Артур.

– С противоположной стороны, господин, – предположил я. Храм стоял в восточной части огненного лабиринта, так что во внешних спиральных навверняка оставили проход.

Артур рванул поводья и направил Лламрей вверх по склону внутреннего укрепления, на тропу, что шла вдоль гребня. Черные щиты разбегались врассыпную, даже не попытавшись задержать чужака. Мы въехали на вал вслед за Артуром, и хотя наши кони в ужасе косились на бушующее пламя справа, они последовали-таки за Лламрей сквозь круговорот искр и дыма. В какой-то момент часть огненной стены с треском обрушилась, пока мы скакали мимо, и моя кобыла прянула из полыхающего ада к внешнему краю вала. Я испугался было, что она того и гляди кубарем скатится в ров, и отчаянно свесился с седла, левой рукой вцепившись в гриву, но каким-то непостижимым образом кобыла удержала равновесие, вернулась на тропу и галопом понеслась дальше.

Миновав северную оконечность гигантских огненных кругов, Артур вновь свернул на плоскую возвышенность. На его белый плащ угодил тлеющий уголек, шерсть уже задымилась, но я поравнялся со всадником и загасил огонь.

– Куда? – крикнул он.

– Туда, господин. – Я указал на спирали огня близ храма. Никакого прохода я там не видел, но, когда мы подъехали ближе, стало ясно: проем тут был, но его заложили дровами, хотя и не так плотно, как в других местах; а еще осталась узкая брешь: повсюду пламя взметнулось на восемь-десять футов в высоту, а здесь пылало не выше пояса. За этим низким проемом зияло открытое пространство между внешними и внутренними спиральями – и там тоже стояли на страже черные щиты.

Артур неспешно подъехал к бреши. Наклонился вперед, заговорил с Лламрей, словно объясняя ей, что от нее требуется. Напуганная кобыла прижимала уши, переступала на месте мелкими, нервными шагками – но уже не шарахалась прочь от яростных языков пламени, что плясали по обе стороны от единственного прохода к самому сердцу огненного узора. Артур остановил Лламрей в нескольких шагах от проема и принялся ее успокаивать, она же по-прежнему встряхивала головой и дико посверкивала белками глаз. Артур дал кобыле хорошенько рассмотреть проем, затем похлопал ее по шее, вновь поговорил с ней – и повернул прочь.

Он описал трусую широкий круг, послал кобылу в галоп, пришпорил снова – и направил ее напрямик в проем. Лламрей запрокинула голову – я подумал, вот сейчас заартачится! – но тут она словно бы решила и ринулась навстречу пламени. Кунеглас с Галахадом поскакали следом. Кулух выругался на чем свет стоит – дескать, зачем так рисковать-то? – а в следующий миг все мы уже гнали коней, поспешая за Лламрей.

Артур припал к шее кобылы; стена огня приближалась. Он позволил Лламрей самой задавать темп, и она вновь замедлила бег. Я решил было, она прынет в сторону, но тут же понял: это она изготавилась к прыжку сквозь брешь. Я закричал, стараясь не выдать страха, Лламрей прыгнула – и исчезла из виду: ветер задернул проем плащом раскаленного дыма. Следующим проехал Галахад, а вот Кунегласов конь метнулся в сторону. Я мчался след в след за Кулухом; в ушах шумело, воздух полнился жаром и гулом огня. Наверное, в глубине души мне хотелось, чтобы кобыла моя заартачилась, но она неслась вперед во весь опор; я зажмурился – и окунулся в пламя и гарь. Почувствовал, как кобыла взвилась в воздух, услышал ржание – и вот уже мы

с глухим стуком приземлились внутри внешнего огненного круга, и я облегченно перевел дух и едва сдержал торжествующий вопль.

И тут плащ мне у самого плеча разодрало копьё. До сих пор я помышлял лишь о том, чтобы преодолеть стену огня, и не подумал, что ждет нас внутри пылающего круга. Воин из числа черных щитов атаковал меня, но промахнулся и теперь, выпустив копьё, подбежал стащить меня с седла. Он был слишком близко, чтобы я сумел воспользоваться собственным копьём, так что я просто-напросто хватил его по голове древком – и послал коня вперед. Недруг вцепился в мое копьё. Я выпустил древко, выхватил Хьюэлбейн и рубанул назад. Краем глаза я видел, как Артур верхом на Лламрей нарезает круги и машет мечом направо и налево, – и сам последовал его примеру. Галахад пнул кого-то ногой в лицо, еще одного проткнул копьём и понесся прочь. Кулук ухватил противника за гребень шлема и тащил бедолагу к костру. Воин, отчаянно пытавшийся развязать ремешки под подбородком, пронзительно заорал – Кулук швырнул его в пламя и повернул вспять.

Между тем сквозь проем уже прорвался Исса, а с ним и Кунеглас и шестеро его спутников. Уцелевшие черные щиты бежали к центру огненного лабиринта, а мы мчались за ними рысью между двух стен бушующего пламени. Одолженный меч в руке Артура отсвечивал алым. Артур пришпорил Лламрей, она пошла легким галопом, и черные щиты, видя, что их настигают, метнулись в сторону и бросили копьё, давая понять, что больше не сражаются.

На полпути вдоль круга обнаружился проход во внутреннюю спираль. Проем между внешними и внутренними кострами составлял добрых тридцать шагов от края до края – достаточно, чтобы проехать и не изжариться при этом заживо, но вот коридор внутри спирали суживался до десяти шагов в ширину, и здесь пылали самые большие костры, самые яростные. Все мы поневоле замешкались у входа. Что происходит внутри круга, мы по-прежнему не видели. Знает ли Мерлин, что мы здесь? А боги? Я поглядел наверх, опасаясь, что вот-вот с небес прилетит карающее копьё, но там лишь трепетала завеса дыма, застилая истерзанное огнем, извергающее потоки света небо.

Так въехали мы в последнюю спираль. Мы мчались во весь опор галопом, а витой проход сквозь ревущий шквал жара все сужался. Плясали языки пламени, дым забивал нам ноздри, зола обжигала щеки, но с каждым новым поворотом мы приближались к самому сердцу мистерии.

В гуле огня наше появление осталось незамеченным. Верно, Мерлин и Нимуэ и думать не думали, что обряд вот-вот прервут, ибо нас они не видели. Первыми нас заметили стражники, поставленные в центре круга: они предостерегающе завопили и бросились к нам, но Артур явился из огня, точно одетый в дым демон. Одежды его струили серое марево; он зычно закричал, вызывая противников на бой, пришпорил Лламрей и с силой врзался в строй черных щитов, составленный кое-как, наспех. Проломил он щитовую стену просто-напросто за счет скорости и веса; все мы, размахивая мечами, последовали за Артуром, и горстка преданных воинов бросилась врассыпную.

Гвидр был там. Живой и невредимый.

Его крепко держали двое черных щитов; завидев Артура, они выпустили мальчика. Нимуэ, пронзительно визжа, осыпала нас проклятиями через весь срединный круг из пяти костров; Гвидр, плача, подбежал к отцу. Артур нагнулся, сильной рукой подхватил сына и поднял его в седло. А затем обернулся к Мерлину.

Мерлин невозмутимо глядел на нас, по лицу его струился пот. Он уже поднялся до середины лестницы, прислоненной к виселице. Виселица – два древесных ствола, вкопанных в землю и снабженных перекладной, – виселась в самом центре пяти костров. Друид был облачен в белое, рукава его одеяния по локоть покраснели от крови. В руке он сжимал длинный нож, но в лице его – я готов поклясться! – на миг отразилось глубокое облегчение.

Мальчишка Мардок был еще жив – хотя жить ему оставалось недолго. Ребенка раздели догола, рот ему завязали тряпкой, чтобы не вопил, и подвесили к перекладине за лодыжки. А рядом с ним, тоже подвешенное за лодыжки, покачивалось бледное тонкое тело – в свете костров оно казалось совсем белым, вот только глотка была перерезана едва ли не до позвоночника, и кровь уже вся вытекла в Котел и, однако ж, все еще капала с побагровевших концов длинных прямых волос. Таких длинных, что пропитанные кровью пряди болтались ниже золотого обода серебряного Котла Клиддно Эйддина, и лишь по длинным волосам я узнал в подвешенном труп Гавейна – ибо его красивое лицо было залито кровью, покрыто кровью, замазано кровью.

Мерлин, все еще сжимавший в руке длинный нож – тот самый, убивший Гавейна, – при нашем появлении словно утратил дар речи. Выражение облегчения в лице его исчезло, теперь я ничего не сумел бы в нем прочесть, а вот Нимуэ орала на нас во весь голос. Она воздела левую руку – ту, что со шрамом на ладони, в точности таким, как у меня.

– Убей Артура! – кричала она. – Дерфель! Ты принес мне клятву! Убей его! Нам никак нельзя останавливаться!

У самой моей бороды блеснуло лезвие меча. Меч был в руке Галахада – и Галахад кротко мне улыбался.

– Ни с места, друг, – проговорил он. Он знал силу клятв. Знал он и то, что я не подниму руки на Артура: это он пытался оградить меня от мести Нимуэ. – Если Дерфель двинется, я переверну ему глотку, – крикнул он Нимуэ.

– Режь! – завопила она. – Ныне ночь смерти для королевских сынов!

– Только не для моего сына, – возразил Артур.

– Ты не король, Артур ап Утер, – наконец заговорил Мерлин. – Ты что, думал, я убью Гвидра?

– Тогда зачем он здесь? – осведомился Артур. Одной рукой он обнимал сына, другой сжимал окровавленный меч. – Зачем он здесь? – вновь спросил Артур гневно.

В кои-то веки Мерлин не нашелся что сказать. За него ответила Нимуэ.

– Он здесь, Артур ап Утер, – издевательски усмехнулась она, – затем, что смерти вот этого жалкого заморыша может оказаться недостаточно. – Она указала на Мардока: тот беспомощно барахтался на виселице. – Он сын короля, но не законный наследник.

– Так что умереть пришлось бы Гвидру? – уточнил Артур.

– Умереть – и вернуться к жизни! – вызывающе парировала Нимуэ. Ей приходилось кричать, перекрывая свирепый треск огня. – Ты разве не знаешь, какой силой обладает Котел? Поместите умерших в чашу Клиддно Эйддина, и покойники оживут, и вдохнут полной грудью, и вновь пойдут по земле. – Она подбиралась к Артуру все ближе; ее единственный глаз светился безумием. – Отдай мне мальчишку, Артур.

– Нет. – Артур дернул поводья, и Лламрей прынула от Нимуэ. Та развернулась к Мерлину. – Убей его! – завизжала она, указывая на Мардока. – Попробуем хотя бы его. Убей его!

– Нет! – закричал я.

– Убей его! – завопила Нимуэ.

Мерлин не двинулся, и она побежала к виселице. Мерлин словно прирос к месту, а вот Артур вновь поворотил Лламрей и отрезал жрице путь – наехал на нее и сбил с ног.

– Пощадите ребенка, – промолвил Артур Мерлину.

Нимуэ вцепилась в недруга, Артур отпихнул ее в сторону; когда же она вновь набросилась на него – сплошные зубы да когти, – он крутнул мечом у самой ее головы, и эта угроза ее утихомирила.

Мерлин придвинул блестящее лезвие к самому горлу Мардока. Вид у друида был просто-таки благодный, несмотря на пропитанные кровью рукава и длинный нож в руках.

– Ты полагаешь, Артур ап Утер, что сможешь разбить саксов без помощи богов? – спросил он.

Артур пропустил вопрос мимо ушей.

– Отпусти мальчика, – приказал он.

– Хочешь навлечь на себя проклятие, Артур? – накинулась на него Нимуэ.

– Я уже проклят, – горько ответил он.

– Пусть мальчишка умрет! – прокричал с лестницы Мерлин. – Артур, тебе он никто и ничто! Королевский ублюдок, бастард, рожденный от потаскухи.

– А я, по-твоему, кто? – заорал Артур. – Кто, как не королевский ублюдок и бастард, рожденный от потаскухи?

– Ему должно умереть, – терпеливо объяснял Мерлин, – а смерть его приведет к нам богов; когда же боги окажутся здесь, Артур, мы положим тело в Котел, и к умершему вернется дыхание жизни.

Артур жестом указал на жуткий обескровленный труп своего племянника Гавейна.

– Разве одной смерти недостаточно?

– Одной смерти всегда недостаточно, – отрезала Нимуэ. Она обежала Артурову кобылу кругом, добралась-таки до виселицы и теперь придерживала голову Мардока – так, чтобы Мерлину было удобнее полоснуть ножом по горлу.

Артур шагом двинулся к виселице.

– А если боги не придут и после двух смертей, Мерлин, сколько их еще потребуется? – спросил он.

– Столько, сколько нужно, – отвечала Нимуэ.

– И всякий раз, – Артур говорил громко, так, чтобы мы все его слышали, – всякий раз, как Британия окажется в беде, всякий раз, как нагрянут враги или случится моровое поветрие, всякий раз, как мужи и жены перепугаются насмерть, мы станем приносить в жертву детей?

– Если боги придут, – промолвил Мерлин, – не будет больше ни мора, ни страха, ни войны.

– Да придут ли они? – усомнился Артур.

– Они уже идут! – завизжала Нимуэ. – Гляди! – Свободной рукой она указала вверх. Мы все подняли глаза – небесные огни гасли. Яркие переливы синевы постепенно меркли до фиолетово-черного, алые тона расплывались смутной дымкой, а сквозь тающие завесы проглянули звезды.

– Нет! – застонала Нимуэ. – Нет! – Последний ее вопль сорвался на плач – и казалось, плачу этому длиться бесконечно.

Между тем Артур уже подъехал к виселице вплотную.

– Ты зовешь меня *амхераудром* Британии, – сказал он Мерлину, – а император должен править, или он перестает быть императором, а я отказываюсь править в Британии, где детей убивают того ради, чтобы спасти жизнь взрослым.

– Не пори чушь! – запротестовал Мерлин. – Это все дурацкая сентиментальность!

– Я хочу, чтобы меня запомнили как человека справедливого, – промолвил Артур, – на руках моих и без того довольно крови.

– Тебя запомнят как предателя, как погубителя страны, как труса! – зашипела на него Нимуэ.

– Только не в роду потомков этого ребенка, – кротко отозвался Артур и с этими словами привстал в седле и рубанул мечом по веревке, стягивающей лодыжки Мардока. Мальчик рухнул вниз; Нимуэ взвизгнула и вновь накинулась на Артура, скрючив пальцы что когти, но Артур просто-напросто ударил ее мечом плашмя по щеке – наотмашь, сильно и резко. Оглушенная, она отлетела в сторону; смачный звук удара на мгновение перекрыл потрескивание

пламени. Нимуэ зашаталась, челюсть у нее отвисла, единственный глаз закатился – и она повалилась наземь.

– Эх, вот Гвиневеру бы так! – пробурчал Кулук.

Галахад, оставив меня, спешился и освободил Мардока от пут и кляпа. Мальчишка тут же завопил, зовя мать.

– Всегда терпеть не мог шумных детей, – мягко проговорил Мерлин, сдвинул лестницу ближе к веревке, на которой болтался Гавейн, и неспешно двинулся вверх по ступенькам. – Не знаю, пришли боги или нет, – приговаривал он, карабкаясь все выше. – Все вы ждали слишком многого; может, они уже здесь. Как знать? Но мы закончим обряд без крови Мордредова сына. – И с этими словами он принялся неуклюже перепиливать веревку, стягивающую лодыжки Гавейна. Пока он резал, труп раскачивался из стороны в сторону и пропитанные кровью волосы хлестали по краю Котла, но вот наконец волокна поддались, и мертвец тяжело плюхнулся вниз – кровь плеснула до обода, окрасив его алым. Мерлин медленно спустился вниз по лестнице и приказал черным щитам, что наблюдали за столкновением со стороны, нести громадные плетеные корзины с солью, заблаговременно поставленные в нескольких ярдах. Воины высыпали соль в Котел и плотно утрамбовали ее вокруг скорченного нагого тела Гавейна.

– Что теперь? – спросил Артур, убирая меч в ножны.

– Ничего, – отозвался Мерлин. – Все кончено.

– Экскалибур? – потребовал Артур.

– Меч в южной спирали, – указал рукою Мерлин, – только, думается, стоит тебе подождать, чтобы костры прогорели: прямо сейчас ты меч не заберешь.

– Нет! – Нимуэ уже пришла в себя настолько, чтобы возмутиться. Она сплюнула кровь – меч Артура рассек ей щеку. – Сокровища наши!

– Сокровища, – устало пояснил Мерлин, – были собраны и использованы. Теперь они – ничто. Артур волен забрать свой меч. Клинок ему понадобится. – Друид швырнул длинный нож в ближайший костер, затем обернулся поглядеть, как двое черных щитов заканчивают заполнять Котел. Соль, засыпавшая кошмарный израненный труп, постепенно розовела. – По весне придут саксы, – сообщил Мерлин, – тут-то мы и увидим, много ли магии было здесь нынче ночью.

Нимуэ кричала на нас в бессильном гневе. Она рыдала и бушевала, она плевалась и осыпала нас бранью, она грозила нам смертью, призывая на помощь огонь и воздух, землю и море. Мерлин не обращал на нее внимания, но Нимуэ в жизни не признавала полумер, и в ту ночь она стала заклятым врагом Артура. В ту ночь она начала творить проклятия, дабы отомстить людям, что помешали богам сойти на Май-Дан. Она называла нас погубителями Британии и сулила нам всяческие ужасы.

Мы провели на холме всю ночь. Боги так и не пришли, а костры пылали так яростно, что забрать Экскалибур Артуру удалось лишь на следующий день к вечеру. Мардока вернули матери; впоследствии я слышал, будто мальчик той же зимой умер от лихорадки.

Остальные Сокровища забрали Мерлин с Нимуэ. Котел с его жутким содержимым увезли на запряженной волами телеге. Нимуэ вела, а старый Мерлин покорно следовал за ней. Забрали они и Анбарра, необъезженного вороного жеребца Гавейна, и великое знамя Британии тоже забрали, и куда отправились, никто из нас не ведал: верно, в какую-нибудь глушь на западе, где Нимуэ еще больше наострится по части проклятий под рев зимних бурь.

Пока не пришли саксы.

* * *

До чего странно, оглядываясь назад, вспоминать, как в ту пору ненавидели Артура. Летом он разбил надежды христиан, а теперь вот, на исходе осени, развеял мечты язычников. И как всегда, взять не мог в толк, с какой стати он настолько непопулярен.

– А что мне оставалось делать? – спрашивал он у меня. – Отправить под нож родного сына?

– Кефидд так и поступил, – невпопад брякнул я.

– И тем не менее битву Кефидд проиграл! – отрезал Артур.

Мы скакали на север: я возвращался домой, в Дун-Карик, а Артур вместе с Кунегласом и епископом Эмрисом ехал дальше, к королю Мэуригу Гвентскому. Только эта встреча Артура и занимала. В то, что боги спасут Британию от саксов, он сроду не верил, но полагал, что восемь-девять сотен хорошо обученных копейщиков Гвента вполне могут склонить чашу весов в нашу пользу. Той зимой голова его чуть не лопалась от чисел. Думнония, по его расчетам, выставит шесть сотен копейщиков, из которых четыреста прошли испытание боем. Четыре сотни приведет Кунеглас, да плюс ирландские черные щиты – это еще сто пятьдесят; к ним, пожалуй, добавится с сотню неприкаянных изгоев, что, жадные до добычи, придут из Арморики или из северных королевств.

– Ну, допустим, двенадцать сотен, – прикидывал Артур, а затем крутил эту цифру и так и эдак, то прибавляя, то убавляя, в зависимости от настроения, и при оптимистичном раскладе порою осмеливался присовокупить к ней восемь сотен гвентцев, что в общей сумме давало две тысячи воинов, однако даже этого, как утверждал Артур, окажется недостаточно – саксы, надо думать, соберут армию еще бóльшую. Элла выставит по меньшей мере семь сотен копий, а его королевство – слабейшее из двух. Кердиковы копья мы оценивали в тысячу, а по слухам, Кердик еще и откупал копейщиков у Хлодвига, короля франков. Этим наемникам платили золотом – и обещали еще, когда в руках победителей окажется сокровищница Думнонии. Наши шпионы сообщали также, что саксы намерены дожидаться весеннего праздника Эостре, чтобы из-за моря успели приплыть новые корабли.

– У них наберется две с половиной тысячи воинов, – подсчитал Артур. – А у нас – только двенадцать сотен, если Мэуриг и впрямь откажется вступить в бой. Можно, конечно, собрать ополчение, да только никаким поселянам не выстоять против закаленных воинов, а ведь нашим ополченцам – старикам и мальчишкам – грозит саксонский *фирд*.

– Стало быть, без гвентских копейщиков мы обречены, – мрачно подвел итог я.

Со времен измены Гвиневеры Артур улыбался редко, но сейчас улыбнулся:

– Обречены? Кто сказал – обречены?

– Ты, господин. И цифры.

– Тебе разве не случалось сражаться и одерживать победу при численном превосходстве врага?

– Да, господин, случалось.

– Тогда отчего бы нам не победить и на сей раз?

– Лишь глупец ищет битвы с противником более сильным, господин, – отозвался я.

– Лишь глупец ищет битвы, – решительно отрезал он. – Я так вообще не рвусь сражаться по весне. Это саксы хотят сражаться, а у нас выбора нет. Поверь, Дерфель, численное превосходство врага меня тоже не радует, и я сделаю все, чтобы убедить Мэурига принять бой, но если Гвент не выступит, придется нам разгромить саксов самим. И мы это можем! Поверь, Дерфель, можем!

– Я верил в Сокровища, господин.

Артур издевательски рассмеялся резким, лающим смехом.

– Вот Сокровища, в которое верю я, – проговорил он, поглаживая рукоять Экскалибура. – А ты верь в победу, Дерфель! Если мы выйдем против саксов, заранее смирившись с поражением, они скормят наши кости волкам. Но если мы выступим как победители – то-то они взвоют!

Бравада бравадой, да только в победу все равно не верилось. Думнония оделась во мрак. Мы утратили своих богов, а в народе толковали, что это Артур-де их прогнал. Он был вра-

гом не только христианского Бога – он стал врагом всех богов что ни есть, и поговаривали, будто саксы посланы ему в наказание. Даже погода предвещала несчастье, ибо в то утро, как я расстался с Артуром, полил дождь, и конца ему не предвиделось. Каждый новый день приносил низкие серые тучи, стылый ветер и проливной ливень. Все промокло насквозь. Наша одежда, постели, дрова, устланный тростником пол и даже стены домов сделались липкими и склизкими от сырости. Копья ржавели без дела, запасенное зерно проросло или заплесневело, а безжалостный ветер все гнал да гнал с запада дождь. Мы с Кайнвин делали все, чтобы не дать воде просочиться в Дун-Карик. Кунеглас подарил сестре целый ворох волчьих шкур из Повиса, и мы обили ими деревянные стены, но сам воздух под стропилами словно бы отсырел. Огонь разгорался с трудом, шипел, коптил и плевался, нехотя даря нас теплом; дым ел глаза. В начале той зимы обе наши дочери сделались строптивы и неуживчивы. Морвенна, старшая, обычно сама покладистость, превратилась в сущую мегеру, так что даже Кайнвин не выдержала и выдрала несносную девчонку ремнем.

– Она скучает по Гвидру, – позже объяснила мне Кайнвин. Артур распорядился, чтобы сын находился при нем неотлучно, так что Гвидр уехал с отцом на встречу с королем Мэуригом. – Их бы надо поженить на будущий год – это ее исцелит.

– Если Артур вообще позволит Гвидру взять ее в жены, – угрюмо отвечал я. – Ныне он нас не слишком-то жалует. – Я тоже хотел поехать с Артуром в Гвент, но он резко отказал мне. Было время, когда я почитал себя его самым близким другом, но теперь Артур скорее огрызнулся на меня, нежели бывал мне рад. – Он думает, я поставил под удар жизнь Гвидра, – посетовал я.

– Нет, – покачала головой Кайнвин. – Он отдалился от тебя с той самой ночи, когда узнал об измене Гвиневеры.

– А что это поменяло?

– Дело в том, что ты тогда был с ним, родной, – терпеливо объяснила Кайнвин, – так что с тобой он не может притворяться, будто ничего не произошло. Ты стал свидетелем его позора. Он видит тебя – и вспоминает о ней. А еще он завидует.

– Завидует?

Кайнвин улыбнулась:

– Он думает, ты счастлив. И теперь вбил себе в голову, что если бы женился на мне, то тоже был бы счастлив.

– Наверное, и впрямь был бы, – отозвался я.

– Так он даже предлагал, – беззаботно сообщила Кайнвин.

– Предлагал – что? – взорвался я.

– Да не всерьез, Дерфель, не всерьез, – успокоила меня она. – Бедняга нуждается в утешении. Он думает, если одна женщина его отвергла, так, значит, отвергнет любая другая, и поэтому спросил меня.

Я тронул рукоять Хьюэлбейна.

– Ты ничего мне не рассказывала.

– А зачем? Рассказывать-то нечего. Он задал бестактный вопрос, а я сказала, что поклялась богам быть с тобой. Сказала очень мягко, а ему потом было ужасно стыдно. А еще я обещала ему, что тебе не скажу, а теперь вот нарушила обещание, и значит, боги меня накажут. – Она пожала плечами, словно давая понять: кара заслужена и потому принимается безропотно. – Ему нужна жена, – невесело усмехнулась она.

– Или просто женщина.

– Нет, – покачала головой Кайнвин. – Артур не из таких. Он не может переспать с женщиной и уйти восвояси как ни в чем не бывало. Он не видит разницы между желанием и любовью. Когда Артур вручает душу, он отдает всего себя – по мелочам он себя не разменивает.

Меня по-прежнему душил гнев.

– Итак, он женился бы на тебе – а от меня он чего ждал при таком раскладе?

– А ты бы правил Думнонией как опекун Мордреда, – отозвалась Кайнвин. – Артур вбил себе в голову дурацкую идею, что я уехала бы с ним в Броселианд и мы бы там жили не тужили, точно дети под солнышком, а ты бы остался здесь и разгромил саксов. – Она рассмеялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.